

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (35)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2019**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 3 (35)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И. М.**

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,

кандидат педагогических наук, доцент,

почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,

доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор,

академик РАО

Агранат Д. Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Рябов В. В.**

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской

кафедрой всеобщей и российской истории МГПУ,

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф. А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей

и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,

профессор

Андреев И. Л.

заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Жиряков И. Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии

МГОУ, доктор исторических наук, профессор

Исаков В. А.

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей

и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,

профессор

Кириллов В. В.

директор ИГН МГПУ, кандидат исторических наук,

профессор

Мальшева О. Г.

профессор кафедры отечественной истории МГПУ, доктор

исторических наук, профессор

Орлов А. А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МГПУ,

доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г. А.

доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской

истории МГПУ, кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А. А.

заведующий кафедрой методики преподавания истории,

обществознания и права МГПУ, кандидат исторических

наук, доцент

Токарева Е. А.

доцент кафедры отечественной истории МГПУ, кандидат

исторических наук, доцент

Уколова В. И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории

МГИМО, доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е. И.

профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей

и российской истории МГПУ, доктор исторических наук,

профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Шульгина Д. П.* Расширение представления об исторической личности через мемориальные места и объекты культурного наследия, связанные с ней (на примере московского главнокомандующего В. М. Долгорукова) 8
- Огородникова О. А., Фирсова О. Г.* Государственные и частные проекты популяризации русского балета за рубежом в начале XX века 13
- Селиванова А. П.* Путь во фрейлинский коридор Зимнего дворца: женщины династии Воронцовых 22

Новейшая история России

- Музафарова Н. И.* Религиозные организации в годы Гражданской войны (на материалах Урала) 29
- Воробьев С. В.* Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 годах 36
- Акунов Н. В.* Московская Олимпиада-80 и новый виток холодной войны 47

Всеобщая история

- Шеркова Т. А.* Сакральная архитектура додинастического и раннединастического Египта 55
- Лаврентьева М. Ю.* Рамессейский драматический папирус: об уровнях смысла 69
- Челнокова А. Ю.* Митраистические памятники и иконография культа Митры в Римской империи 83

<i>Болтаевский А. А., Агуреев С. А.</i> Проблемы становления колониальной системы во Французской Гвиане в середине XVIII – начале XX веков.....	90
<i>Жиряков И. Г.</i> Из истории советской пропаганды в Австрии в 1945–1955 годах; документы и размышления.....	98

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Исаков В. А.</i> Рецензия на книгу: Т. В. Антонова. Тернии и звезды уникального русского книгоиздателя Н. П. Полякова. Очерки о жизни и просветительской деятельности. М.: Комкнига, 2017. 238 с.	107
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки». 2019, № 3 (35)	110
---	-----

Требования к оформлению статей	114
---	-----

CONTENTS

History of Russia: from ancient times to 1917

- Shulgina D. P.* Expansion of Understanding of the Historical Identity Through Memorial Sites and Cultural Heritage Sites Associated with it (on the example of the Moscow Commander-in-Chief V. M. Dolgorukov) 8
- Ogorodnikova O. A., Firsova O. G.* The State and Private Projects to Promote Russian Ballet Abroad in the Early Twentieth Century 13
- Selivanova A. P.* The way of Getting to the Service in the Women's Court Staff: Women of the Vorontsov dynasty 22

Modern History of Russia

- Muzafarova N.I.* Religious organizations during the Civil war (on the materials of the Urals) 29
- Vorobyev S. V.* N. M. Shvernik's case: the conflict in the leadership of the Ural region in 1927–1928..... 36
- Akunov N. V.* Moscow Olympic Games 1980 and new stage of the Cold War..... 47

General History

- Sherkova T. A.* Sacral Architecture of Predynastic and Early Dynastic Egypt 55
- Lavrentieva M. Yu.* Ramesseum Dramatic Papyrus: Levels of Sense 69

<i>Chelnokova A. Yu.</i> Microstickies Monuments and the Iconography of the Cult of Mithras in Roman Empire.....	83
<i>Boltaevsky A. A., Agureev S. A.</i> The Problems of Formation of the Colonial System in the French Guiana in the Middle of XVIII – early XX Centuries.....	90
<i>Zhiryakov I. G.</i> From the History of Soviet Propaganda in Austria in 1945–1955; Documents and Reflections.....	98

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Isakov V. A.</i> Review of the book: T. V. Antonova. Thorns and Stars of the Unique Russian Book Publisher N. P. Polyakov. Essays on Life and Educational Activities. M.: Komkniga, 2017. 238 p.	107
--	-----

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2019, № 3 (35)	110
---	-----

Style Sheet	114
--------------------------	-----

История России: с древнейших времен до 1917 года

УДК 94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.01

Д. П. Шульгина

Расширение представления об исторической личности через мемориальные места и объекты культурного наследия, связанные с ней (на примере московского главнокомандующего В. М. Долгорукова)

Статья относится к числу исследований, посвященных знаковым личностям в истории московской власти и их деятельности в общественно-культурной сфере. Автор исследует художественные особенности подмосковной усадьбы Волинщина и их связь с личностью В. М. Долгорукова-Крымского, знаменитого русского военачальника XVIII века и московского главнокомандующего.

Ключевые слова: усадьба; усадебная культура; усадебно-парковые комплексы; московская власть.

История московской городской власти богата выдающимися личностями, оставившими свой след не только в истории городского самоуправления, но и в культуре России. Одной из таких личностей можно назвать Василия Михайловича Долгорукова — главнокомандующего Москвы в 1780–1782 годах.

Долгоруковы — один из самых знатных родов в России, прямые потомки Рюриковичей. Различные ветви этого рода начали играть важную роль после восшествия на престол династии Романовых.

Василий Михайлович Долгоруков был, по отзывам современников, незаурядным человеком, храбрым и талантливым полководцем. Он начал службу капралом в 1735 году, а уже через год получил повышение. Несмотря на то что особым указом императрицы Анны Иоанновны Долгоруковым было запре-

щено давать офицерские звания, главнокомандующий Б. К. Миних произвел отличившегося при штурме Перекопской крепости Василия в прапорщики. С этого начался взлет его успешной военной карьеры. Он участвовал в Русско-шведской войне, в ходе Семилетней войны отличился в битве при Цорндорфе в 1758 году, а с 1771 года командовал армией, направленной для занятия Крыма. В этом же году он овладел Перекопской линией укреплений, за что получил орден Святого Георгия, став четвертым в истории России георгиевским кавалером первой степени [1: с. 104]. Благодаря военным успехам генерала в 1775 году был заключен мир с Крымским ханством, за что Василий Михайлович получил титул Крымский, с которым и вошел в историю.

Значение его завоеваний было понято и оценено современниками. Сама Екатерина II писала: «К незабвенной славе России завоевал он Крымский полуостров... отворил российскому флоту путь в Черное море» (цит по: [1: с. 9]). Как высоко ценила Екатерина своего генерала, показывает то, что после его смерти весь его штат был повышен в чинах. Память генерала была увековечена в поэтических произведениях, а его внук В. В. Долгоруков воздвиг ему памятник в Симферополе в том месте, где когда-то стоял шатер главнокомандующего.

Особая страница в биографии В. М. Долгорукова — его недолгое пребывание на посту главнокомандующего Москвы. Он был назначен на эту должность в 1780 году и пробыл на ней до самой смерти 30 января 1782 года. За неполные два года он успел организовать расчистку русла р. Неглинной, завершить строительство крупных проектов, таких как Петровский театр и первый каменный мост через р. Язу (Дворцовый, ныне — Лефортовский); снискать любовь и уважение москвичей и репутацию строгого, но доброго градоначальника, с внимательностью относившегося к горожанам.

Личность этого деятеля российской истории раскрывают не только его ратные подвиги и труды на благо Москвы, отразившиеся в воспоминаниях современников, в переписке с императрицей. Расширить представление о характере, устремлениях и отдельных моментах биографии позволяет созданная по заказу Долгорукова-Крымского подмосковная усадьба.

Подмосковные усадьбы, несомненно, являются одним из наиболее интересных объектов образовательного туризма. В усадебно-парковых комплексах, созданных во второй половине XVIII–XIX веков, наиболее ярко проявлялись личности их владельцев, их карьера и политические взгляды, представления об идеальном мироустройстве. До настоящего времени в пространстве Москвы и Подмосковья сохранились объекты культурного наследия, связанные с именами выдающихся российских деятелей, которые позволяют составить более полное представление о жизни и деятельности этих людей, нравах их эпохи, личных вкусах и пристрастиях, образе жизни.

Особенный интерес представляют те усадьбы, внешний облик которых почти не претерпел изменений по сравнению с изначальным проектом, что позволяет проследить художественную программу и замысел, вкладывавшийся

в облик ансамбля его создателем. Один из примеров такой усадьбы — подмосковный ансамбль Волынщина (Полужково).

Усадьба В. М. Долгорукова Волынщина возводилась в 1770-е годы. Известный рузский краевед К. Моченов указывает более точную дату: 1773–1775 годы [2: с. 139]. По другим сведениям, в 1775 году строительство только началось, и эта дата кажется более обоснованной — именно в этом году В. М. Долгоруков ушел в отставку после того, как был обойден званием фельдмаршала, и до самого назначения московским главнокомандующим жил в деревне, занимаясь обустройством своей новой усадьбы.

С большой долей уверенности можно говорить о том, что Долгоруков-Крымский пригласил для строительства главного дома одного из известных московских архитекторов. Но личность автора ансамбля вызывает вопросы. Многие исследователи приписывают авторство В. И. Баженову, основываясь на некоторых архитектурно-художественных особенностях. В то же время известно, что Долгоруков-Крымский не оказывал Баженову поддержки, а в долгом споре между архитектором и П. А. Демидовым, который московский главнокомандующий должен был урегулировать по приказу императрицы, он принял сторону последнего, вследствие чего архитектор фактически оказался разорен [5: с. 187–188], и этот факт ставит под сомнение участие В. И. Баженова в строительстве одной из усадеб В. М. Долгорукова. Тем не менее уже упомянутые архитектурные особенности позволяют исследователям в качестве автора называть других архитекторов, принадлежавших к кругу В. И. Баженова, например М. Ф. Казакова.

Предположение, что Долгоруков-Крымский обратился к известному и модному архитектору тем более интересно, что данный факт должен был продемонстрировать не только просвещенный вкус заказчика, но и его сохраняющуюся значимость в общественной и культурной жизни страны, что было важно для отставного генерала. Он внимательно следил за всеми модными тенденциями в жизни высшего дворянства и прилагал большие усилия, чтобы показать, что даже в добровольной ссылке он не потерял своего значения и влияния.

Об этом свидетельствует и галерея фамильных портретов, находившаяся в Волынщине [3: с. 37], наиболее интересные полотна из которой находятся сейчас в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. Открывал галерею портрет самого Василия Михайловича, написанный шведским художником Александром Рослином в 1776 году. Ранее он считался единственным прижизненным изображением Долгорукова-Крымского. Генерал предстает перед нами в парадном мундире зеленого цвета, со всеми своими регалиями — лентой ордена Александра Невского, звездой Святого Георгия и орденом Андрея Первозванного на груди.

Известно, что А. Рослин пробыл в России очень недолгое время и был одним из самых популярных и востребованных портретистов, в том числе при дворе. То, что Долгоруков-Крымский заказывает свой портрет тому же живописцу, который пишет Екатерину II и приближенных ко двору аристократов,

и изображен на полотне со всеми своими наградами, также должно было подчеркнуть его положение и сохраняющуюся роль в обществе.

Здесь же находился портрет дяди Василия Михайловича, генерал-фельдмаршала князя Василия Владимировича Долгорукова, написанный в сороковые годы XVIII века немецким живописцем Г. Х. Гроотом. Включение этого портрета в состав фамильной галереи неслучайно. Долгоруков-Крымский подчеркивает, что он является продолжателем дела своего дяди, достойным наследником его славы. Кроме того, Василий Владимирович имел чин фельдмаршала, о котором мечтал и которого так и не получил сам Долгоруков-Крымский.

Интересен и мраморный бюст Долгорукова-Крымского, обнаруженный в реке Рузе в 1980-е годы. По мнению Л. С. Соколова, бывшего директора Рузского краеведческого музея, бюст упал с одного из грузовиков, когда немцы вывозили экспонаты из музея, и благодаря этому не был утрачен [6: с. 234]. Бюст сделан в лучших традициях русской скульптуры второй половины XVIII века, видимо, при жизни Долгорукова-Крымского. Князь предстает перед нами в парике, плаще, задрапированном наподобие римской тоги, и с орденской цепью как победоносный полководец и храбрый воин.

О ратных подвигах владельца напоминает и архитектурное оформление усадьбы и парка. Центральная аллея парка была оформлена четырьмя обелисками, символизирующими военные победы. Необычен декор главного фронтона усадебного дома: на нем размещен герб Долгоруковых, но с изменениями. Обычно щит изображается покрытым княжеской мантией и увенчанным великокняжеской короной, но на фронтоне дома в Волынщине щит окружен расходящимися лучами. Существует предположение, что изменение было произведено по желанию Долгорукова-Крымского и представляет собой намек на сияние алмазов ордена Андрея Первозванного, главной награды Российской империи, которой генерал был удостоен в 1767 году [4: с. 24].

По некоторым сведениям, в усадьбе была и кунсткамера, коллекцию которой составляли военные трофеи и различные диковинки, привезенные Василием Михайловичем из крымского и других военных походов.

До нашего времени не дошел фамильный некрополь, располагавшийся в усадебной церкви Трех Святителей, построенной в первой половине XVIII века. Первым здесь был похоронен создатель усадьбы Василий Михайлович Долгоруков-Крымский. Потом в крипте под полом храма погребали и других представителей рода. После революции все могилы были уничтожены, ни надгробия, ни их описания до нас не дошли.

Усадебный дом и другие постройки были слиты воедино с природным окружением и образовывали целостный и гармоничный ландшафтно-архитектурный комплекс. К сожалению, это единство было нарушено в начале семидесятых годов XX века, когда значительная часть живописного парка и его окрестностей была затоплена.

Но, несмотря на все произошедшие изменения, судьбу Волынщины можно назвать счастливой. Усадьба не переставала жить ни до революции, когда здесь

жили владельцы, ни после, когда здесь размещался детский дом, а потом спортивная база. Поэтому она не подверглась сильным разрушениям и сохранилась как памятник русской архитектуры XVIII века и как воспоминание о своем строителе, князе Василии Михайловиче Долгорукове-Крымском.

Литература

1. Андреев А. Р. Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский. Документальное жизнеописание: историческая хроника XVIII века. М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. 390 с.
2. Артамонов М., Моченов К. Ружский край. М.: Московский рабочий, 1978. 168 с.
3. Греч А. Н. Венок усадьбам // Памятники отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1994. № 3–4. Вып 32. С. 5–192.
4. Ногтева М. В. Родословная старинной усадьбы. Красногорск: Красногорские вести, 1994. 111 с.
5. Тихомиров Н. Я. Архитектура подмосковных усадеб. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955. 352 с.
6. Шульгина Д. П. Парк усадьбы Волынщина // Русская усадьба. 2002. Вып. 8 (24). С. 230–238.

Literatura

1. Andreev A. R. Knyaz' Vasilij Mixajlovich Dolgorukov-Krymskij. Dokumental'noe zhizneopisanie: istoricheskaya xronika XVIII veka. M.: Mezhhregional'nyj centr otraslevoj informatiki Gosatomnadzora Rossii, 1997. 390 s.
2. Artamonov M., Mochenov K. Ruzskij kraj. M.: Moskovskij rabochij, 1978. 168 s.
3. Grech A. N. Venok usad'bam // Pamyatniki otechestva. Al'manax Vserossijskogo obshhestva ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1994. № 3–4. Vyp 32. S. 5–192.
4. Nogteva M. V. Rodoslovnaya starinnoj usad'by. Krasnogorsk: Krasnogorskie vesti, 1994. 111 s.
5. Tixomirov N. Ya. Arxitektura podmoskovnyx usadeb. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arxitekture, 1955. 352 s.
6. Shul'gina D. P. Park usad'by Volynshhina // Russkaya usad'ba. 2002. Vyp. 8 (24). S. 230–238.

D. P. Shulgina

Expansion of Understanding of the Historical Identity Through Memorial Sites and Cultural Heritage Sites Associated With it (on the Example of the Moscow Commander-in-Chief V. M. Dolgorukov)

The article deals with the issue of significant personalities in the history of the Moscow authorities and their activities in the social and cultural sphere. The author explores the artistic features of the Volynshina estate near Moscow and their connection with the personality of V. M. Dolgorukov-Krymsky, the famous Russian military leader of the XVIII century and the Moscow commander in chief.

Keywords: manor; manor culture; manor and park complex; moscow authorities.

УДК 94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.02

**О. А. Огородникова,
О. Г. Фирсова**

Государственные и частные проекты популяризации русского балета за рубежом в начале XX века

Статья посвящена недостаточно изученной теме — проектам популяризации русского балетного искусства на Западе в начале XX века, осуществленным и несостоявшимся. На примере труппы А. Павловой и «Русских сезонов» С. Дягилева показана роль и значение частных антреприз в достижении этой цели. На основе неопубликованных источников рассмотрено содержание государственных проектов, проанализированы причины, помешавшие претворению в жизнь идеи пропаганды отечественного искусства за рубежом.

Ключевые слова: культурное взаимодействие; популяризация русского искусства; русский балет; гастроли; Анна Павлова; Сергей Дягилев; «Русские сезоны».

В начале XX века гастрольная деятельность, развивавшаяся интенсивнее, чем когда-либо прежде, становится одной из ведущих и действенных форм диалога культур России и Запада. Русская художественная культура, представленная во всем ее многообразии и уникальности драматическими, балетными и оперными артистами императорской сцены, отечественными музыкантами и композиторами, стала откровением для европейского зрителя и слушателя.

Организация заграничных гастролей мастеров русской сцены не стала делом государственным, несмотря на, казалось бы, удачную возможность популяризации национальной культуры и потенциальную выгоду для казны, а оставалась сферой деловых интересов частных лиц — антрепренеров, концертных и театральных агентств и т. д., что, однако, не исключало дозированную полуофициальную материальную поддержку некоторым артистам и труппам. Причины сложившегося положения, на наш взгляд, наиболее убедительно могут быть проанализированы на примере русского балета, имевшего большие преимущества перед другими видами искусства в завоевании европейской публики. Во-первых, потому, что танец, основанный на пластическом выражении мыслей и чувств, не нуждающийся в переводе, демократичен по своей природе и доступен для широкой интернациональной аудитории. Во-вторых, отечественный классический балет, вошедший в начале XX века в пору своего расцвета, занимал лидирующее положение в мировом балетном искусстве,

по праву являлся предметом культурного престижа страны и особой национальной гордости русских.

Не умаляя заслуг импресарио С. Дягилева в пропаганде русского искусства за рубежом, справедливости ради уточним, что начало международного признания отечественного балета было связано с именем знаменитой балерины, ведущей солистки Мариинского театра Анны Павловой, вместе со своей труппой покорившей сердца иностранных зрителей в 1908 и 1909 годах. Ее первое большое европейское турне состоялось в Германии [4: с. 9], Швеции и Дании; второе — в Германии [4: с. 12] и Австро-Венгрии.

Следует заметить, что гастроли отдельных русских исполнителей на Западе в конце XIX – начале XX века не являлись исключительным явлением, но они, как правило, не выходили за рамки балетных спектаклей местных театров или концертных программ и не могли дать зрителю целостного представления о русской хореографической школе и достижениях прославленных балетмейстеров отечественной сцены.

С этой задачей блестяще справился немногочисленный¹, но слаженный коллектив воспитанных в единой исполнительской манере балетных артистов петербургского императорского Мариинского театра, приглашенных Павловой в заграничную поездку. То обстоятельство, что все служащие казенной сцены были связаны контрактами с дирекцией императорских театров и их длительное отсутствие в России могло быть запланировано только на время летнего отпуска², потребовало от организаторов соблюдения достаточно жесткого графика проведения гастролей.

Для осуществления предприятия, включая поиски источников финансирования, удалось привлечь «большого поклонника Анны Павловой» финского театрального импресарио (и музыканта) Э. Фацера³ (ГЦТМ им А. А. Бахрушина. Ф. 495. Ед. хр. 16. Л. 111). Несмотря на абсолютно частный характер антрепризы, за границей труппа представляла себя и была известна как «Императорский русский балет». Этим фактом был крайне недоволен директор императорских театров В. А. Теляковский, который, отпуская артистов Мариинского театра в заграничный отпуск, настаивал на том, что «каждый артист отдельно может именоваться императорским, но не труппа...» (ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 280. Ед. хр. 1301. Л. 103 об.). Примечательно, что при этом Теляковский, оказавшийся очевидцем триумфа русского искусства в Берлине, был чрезвычайно горд за своих подчиненных, о чем свидетельствовала запись в его дневнике: «Балет наш в Германии имеет громадный успех и в городе только и разговору, что о наших балетных артистах и необыкновенной балетной школе» (ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 280. Ед. хр. 1301. Л. 103).

¹ В 1908 году балетная труппа Павловой насчитывала 20 артистов, среди которых были: Е. Эдуардова, Э. Виль, М. Горшкова, А. Больм, И. Кусов, Ширяев, М. Обухов и др. В 1909 году труппа увеличилась до 30 человек. В ее состав входили: Э. Виль, Е. Эдуардова, Е. Лопухова, Е. Полякова, А. Больм, Н. Легат, М. Обухов, А. Ширяев, И. Кусов и др.

² Сезон в императорских театрах начинался в августе и заканчивался в мае.

³ Антрепренер Э. Фацер организовывал заграничные гастроли труппы в 1908 и 1909 годах.

Для дирекции императорских театров высокая оценка отечественного балета за границей имела и оборотную сторону — вероятность переманивания артистов иностранными антрепренерами, причем не только примы Павловой, которой предлагали заключить контракт на внушительную сумму — 56 000 марок за сезон, но и менее именитых танцовщиков. Однако, невзирая на выгодные условия, артисты вынуждены были отказываться от предложений, поскольку в противном случае пришлось бы нарушить договор с императорскими театрами. Их дальновидный директор предвидел и такой поворот событий, и в случае с Павловой, например, контракт был предусмотрительно заключен сроком на три года (ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 280. Ед. хр. 1301. Л. 103 об.).

Успех европейских выступлений 1908 и 1909 годов⁴, невозможность совмещать службу в казенном театре с напряженной гастрольной деятельностью, а также некоторые причины личного характера способствовали тому, что в 1910 году А. Павлова, покинув Мариинский театр, создала собственную антрепризу и почти ежегодно вплоть до Первой мировой войны приезжала в Европу. В свою гастрольную труппу она приглашала лучших балерин и танцовщиков преимущественно русской императорской сцены. Так, в 1912 году Павлова в своем письме к Теляковскому просила разрешить участие в ее спектаклях артистам Санкт-Петербургского Мариинского и Московского Большого императорских театров (ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 280. Ед. хр. 510).

Заграничные гастроли труппы А. Павловой, по мнению отечественных театральных критиков, «не только с честью поддержали репутацию русского балета, но и подготовили почву для будущих успехов» [3: с. 433], убедительно доказав С. Дягилеву, как, впрочем, и всей художественной общественности, что классический танец вызывает живой интерес европейской публики и вполне может являться «предметом экспорта».

Парижский дебют русского балета, организованный С. Дягилевым, как известно, состоялся в 1909 году. Начиная со следующего сезона (1910), гастрольный маршрут антрепризы включал, помимо Франции, и другие страны Западной Европы — Германию [5], Бельгию, княжество Монако, Италию, Великобританию, Австро-Венгрию.

Имя мецената и антрепренера С. Дягилева к этому моменту было достаточно известно просвещенной европейской, прежде всего французской, публике благодаря серии успешных проектов, пропагандирующих русское искусство, — выставкам, концертам, оперным сезонам⁵. Масштабные начинания, требующие серьезных финансовых затрат, в течение ряда лет осуществлялись

⁴ Из-за собственных гастролей по Европе Павлова с двухнедельным опозданием приняла участие и в «Русских сезонах» 1909 года.

⁵ В 1906 году Дягилев организовал в Париже выставку картин отечественных художников, в 1907 году — концерты русской музыки, в 1908 году показал европейскому зрителю русскую оперу.

при поддержке «малого двора»⁶ — великого князя Владимира Александровича, президента Императорской Академии художеств, большого знатока и ценителя искусства, и его супруги великой княгини Марии Павловны, относившихся к Дягилеву «весьма благосклонно и сочувственно» [1: с. 449].

Не должен был стать исключением и следующий проект — первый русский балетный сезон, — для реализации которого великий князь обещал значительную субсидию и, кроме того, разрешил проводить репетиции в Эрмитажном театре, предназначенном для придворных представлений, устраиваемых высочайшим двором. Однако жизнь внесла в эти планы свои коррективы: в феврале 1909 года Владимир Александрович скончался и, несмотря на то что антрепризу под свое покровительство взяла великая княгиня Мария Павловна, всего за два месяца до премьеры в Париже предприятие Дягилева оказалось на грани провала. По воле императора он лишился материальной помощи, зала для репетиций, костюмов и декораций Мариинского театра.

Но на этом испытания для основателя «Русских сезонов» не закончились. Тяжелый удар по деловой репутации антрепренера был нанесен великим князем Сергеем Михайловичем, известным балетоманом и покровителем искусств, мстившим за приму-балерину М. Кшесинскую, которая не была приглашена к участию в «парижских спектаклях» [8: с. 17]. Защищая любимую женщину,⁷ великий князь не ограничивал себя в средствах, опускаясь до интриг и оскорблений. Так, в письме к министру императорского двора барону В. Б. Фредериксу он в высшей степени нелицеприятным образом охарактеризовал и самого Дягилева, назвав того шантажистом, и антрепризу, целью которой, по словам Сергея Михайловича, была нажива «под флагом Императорских театров» (ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 472. Оп. 40. Д. 126. Л. 3 об.—4). Заметим, что отчасти слова великого князя не противоречили действительности: Дягилев в самом деле покусился на роль официального представителя императорских театров, по крайней мере в начале балетных сезонов.

Министру двора пришлось вникать во все детали «высочайшего конфликта», дабы разобраться «в домогательствах как Марии Павловны, так и Сергея Михайловича, причем удовлетворение желания одного, — по меткому замечанию директора Императорских театров, — нарушало возможность удовлетворить желание другого» [8: с. 17]. Однако в память покойного великого князя Владимира Александровича Фредерикс все же поддержал проект «Русские сезоны» [9: с. 130].

Вопреки препятствиям и осложнениям подготовка балетного проекта не была приостановлена. Проблема недостающих средств по большей части была решена благодаря финансовому участию влиятельных представителей

⁶ В 1907 году, например, на организацию «Исторических концертов русской музыки» было отпущено из казны «согласно Высочайшему повелению» 25 000 руб.

⁷ Великий князь Сергей Михайлович более двадцати лет преданно любил и оберегал М. Кшесинскую.

политической, предпринимательской и художественной элиты⁸. Тем не менее собранная сумма не могла покрыть всех расходов антрепризы, что заставило импресарио вложить в проект и выручку от продажи абонементов, и авансы, полученные за билеты, тем самым, между прочим, поставив своего французского делового партнера Г. Астряка на грань банкротства [7: с. 355].

Итог сезона 1909 года был неутешителен: убытки составили 85 000 франков [7: с. 384]. В значительной степени они были покрыты наследником крупнейшего банковского состояния, предпринимателем и меценатом бароном Д. Гинцбургом. В благодарность за оказанную услугу, а также в качестве аванса за финансовую поддержку будущих гастролей барон был ненадолго назначен содиректором антрепризы и в этом качестве наилучшим образом устраивал Дягилева, поскольку «никоим образом не вмешивался в художественную концепцию предприятия», однако «всякий раз, когда это было нужно Сергею Павловичу, без лишних вопросов выписывал чек на требуемую сумму» [10: с. 51].

Организация последующих сезонов также требовала огромных финансовых затрат, которые не могли обеспечить доходы от выступлений. В 1910 году, например, парижские гастроли принесли 398 887 франков, при этом полная стоимость антрепризы составляла 1 210 000 франков [6]. Таким образом, приблизительно 75 % издержек были покрыты российскими и французскими спонсорами, а также выручкой от спектаклей в Германии и Бельгии.

Испытывая ощутимые материальные трудности, Дягилев привлекал в свою антрепризу артистов гонорарами, значительно превышающими их постоянное жалование. Так, за несколько месяцев «Русских сезонов» балерина В. Фокина, супруга и партнерша балетмейстера М. Фокина, заработала 2800 франков, в то время как за год службы в Мариинском театре она получила всего 2345 франков [6]. При этом не лишним будет заметить, что гастрольные коллективы первых сезонов были многочисленны. В 1909 году, например, в европейское турне отправились 250 участников, включая артистов Мариинского и Большого театров [7: с. 359], а в 1910 году одна только балетная труппа составила более 100 человек [2: с. 41].

На протяжении первых «Русских сезонов» строго соблюдалось необходимое для артистов условие — возможность не расторгать контракт с дирекцией императорских театров. После 1912 года этот вопрос потерял свою актуальность: на смену лучшим отечественным исполнителям, занятым на императорской сцене большую часть года, пришла постоянная труппа с интернациональным составом участников. Антреприза Дягилева утратила свой гастрольный характер и трансформировалась в постоянно действующее предприятие.

Итак, несмотря на отсутствие государственной поддержки, благодаря в первую очередь неординарным деловым качествам и человеческому обаянию

⁸ В частности, от совладельца резиновой мануфактуры Г. Г. ван дер Пальса, дипломата и искусствоведа князя В. Н. Аргутинского-Долгорукого, покровительницы творческих личностей и близкой подруги Дягилева М. Серт (Эдвардс) и графини Э. де Греффюль, влиятельной меценатки и хозяйки одного из модных салонов.

Дягилева, его таланту убеждать «нужных» людей первые «Русские сезоны» не только смогли состояться, но и стали неотъемлемой частью истории мировой художественной культуры. Русский балет стал играть новаторскую роль для Запада, оказал огромное влияние на зарубежное хореографическое искусство и способствовал развитию балетных школ во многих странах Европы и Америки.

Попытки составить конкуренцию частным антрепризам как по инициативе «малого двора», так и самого императора Николая II предпринимались неоднократно¹. О работе над уникальным государственным проектом популяризации русского балетного искусства в странах Западной Европы свидетельствуют документы канцелярии Министерства императорского двора, хранящиеся в РГИА.

Первые «наброски» проекта были созданы великим князем Сергеем Михайловичем еще в 1909 году, вскоре после парижского триумфа Дягилева, незаслуженного, по мнению автора, и воспринятого им с нескрываемым раздражением. В упомянутом выше письме министру императорского двора, великий князь предлагал противопоставить «Русским сезонам» «Императорскую балетную труппу» из 50 артистов, которые во время своего заграничного отпуска (!) могли бы «дать в Париже несколько спектаклей». Согласно плану организация гастролей, должна была осуществляться за казенный счет и находиться в ведении дирекции императорских театров и лично ее руководителя (РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 126. Л. 1–2).

В следующем письме барону Фредериксу проект Сергея Михайловича обрел более четкие очертания и представлял собой, по сути, развернутый план будущего заграничного турне, детализированный по ряду пунктов. В документе, в частности, сообщалось, что кураторство гастролей, маршрут которых будет включать на этот раз не только Париж, но также Берлин и Лондон, возложено на управляющего балетной труппой и Петербургской конторой императорских театров А. Д. Крупенского (РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 126. Л. 4).

Примечательно, что возвращение к «балетному» вопросу совпало для великого князя с получением известия о том, что «Дягилев опять предполагает показывать императорские театры в Париже и Лондоне». Стремясь убедить министра двора в своевременности своего предприятия, Сергей Михайлович писал, что подходящий момент для его реализации настал — «ведь за границей заинтересовались нашим балетом», — однако сразу после этих слов великий князь возвращался к привычному оскорбительному тону: «и это при том условии, что им показали только островки», к тому же «в искаженном Дягилевым виде» (РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 126. Л. 4).

Проект великого князя Сергея Михайловича остался неосуществленным по многим причинам, но если бы он «решился в утвердительном смысле», подготовка к гастрольной поездке началась бы уже осенью 1909 года.

¹ Престиж классического балета был чрезвычайно высок не только среди широкой аудитории, но и при дворе, не скупившимся выделять на развитие этого вида искусства значительные суммы из казны.

Еще более значительный интерес представляет «Дело по поводу командировки весной 1911 года балетных артистов за границу», существенно развившего и дополнившего уже имеющиеся планы популяризации отечественного искусства, автором которого был император Николай II (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71).

В записке царя отмечалось, что за последние два года публика за границей проявляла большой интерес к русской музыке и театру и, стремясь отвечать этим запросам, театральные агенты, Дягилев в том числе, готовы были приглашать артистов императорских театров для участия в гастрольных турне, «собирать труппы и возить их по всей Европе». Николай II назвал спектакли частных антреприз пародиями, и выражалось желание показать «настоящие постановки» отечественной сцены «в полном объеме», при этом все необходимые расходы, по расчетам государя, «полностью покроются». Воплощение грандиозных планов следовало начать с балета, но спустя некоторое время представить на суд заграничной публики также и оперу (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71. Л. 14–14 об.).

Кроме глобальной цели пропаганды русского искусства была еще одна причина разработки проекта — вероятность потери русской балетной труппой своих лучших представителей, из-за чего в будущем «большие постановки» вряд ли могли быть осуществлены, следовательно, неизбежно пострадал бы репертуар императорских театров. Разрешение непростой ситуации Николай II видел в организации «заграничных поездок» артистов, так как они «удержали бы многих от ухода со службы» (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71. Л. 14–14 об.).

Поиск путей осуществления высочайшего замысла потребовал от директора императорских театров В. А. Теляковского детального анализа ситуации, сложившейся в международной гастрольной практике с участием русских артистов. Свои соображения он представил в записке под грифом «Совершенно конфиденциально. В собственные руки», прилагавшейся к письму (04.08.1910) помощнику начальника канцелярии Министерства императорского двора князю С. В. Гагарину. (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71. Л. 11–12).

Теляковский, чьей принципиальной позицией была пропаганда отечественного искусства среди русского народа, неукоснительно соблюдавший строгий режим экономии по своему ведомству, пришел к выводу, что гастроли Императорского театра в ближайшее время невозможны по многим причинам. Во-первых, поездка обошлась бы весьма дорого: в начале существования частных антреприз и организованных ими гастрольных поездок «приглашенные артисты не знали о размерах обычного в таких случаях гонорара и были ангажированы за незначительное содержание», но по прошествии двух лет они были уже хорошо знакомы с нормами оплаты и вознаграждения возросли. Очевидно, что, когда на гастроли поедет весь балетный состав, размер жалования увеличится еще больше. Во-вторых, подготовка к турне, в частности репетиции, осложняют работу в театре в «самое горячее время». Последний и наиболее весомый аргумент театрального чиновника состоял в том, что «до настоящего

времени такие поездки не совершал ни один субсидируемый Императорский или Королевский балет, они предпринимались исключительно частными антрепренерами». Если все же дирекция театров решится сама выступить в этой роли, существует опасность, «что это вызовет много толков в иностранной и русской прессе» — предостерегал Теляковский (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71. Л. 11).

Для обсуждения всех *pro et contra* проекта, главным образом выводов директора императорских театров, генерал-адъютантом Фредериксом было назначено особое совещание. После ознакомления с документами, согласно докладу министра двора, Николай II принял решение не посылать труппы за границу, но требовал проведения мероприятий «по ограждению артистов от переманивания» (РГИА. Ф. 472. Оп. 41. Ед. хр. 71. Л. 12).

Таким образом, претворение идеи пропаганды русского балетного искусства за рубежом миссией государства не стало, а всецело оставалось в руках частных лиц, сумевших своевременно уловить запросы требовательной иностранной публики и готовых к риску. Основанные ими антрепризы оказались значительно мобильнее и оперативнее консервативной и обстоятельной казенной сцены, деятельность которой была ограничена фиксированным бюджетом, наличием репертуарных планов и необходимостью располагать постоянным составом труппы — обязательными условиями существования всех государственных театров, почти не допускавшими возможности для маневра.

Литература

1. *Бенуа А.* Мои воспоминания: в 5 кн. Т. 2. Кн. 4–5. М.: Наука, 1990. 744 с. URL: http://www.benua.su/book_5_g2_5. (дата обращения: 02.03.2019).
2. *Григорьев С. Л.* Балет Дягилева. М.: АРТ, 1993. 268 с.
3. *Козлянинов Л.* Балетные гастроли // Театр и искусство. 1908. № 25. С. 433.
4. *Огородникова О. А.* Великая Анна Павлова и русский балет в Германии в начале XX века // Вестник МГПУ. Серия: «Исторические науки». 2019. № 2 (34). С. 8–18.
5. *Огородникова О. А.* Русский балет С. Дягилева в Германии (1910-е гг.) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2019. № 1 (18). URL: vestnikkuki.esrae.ru/20-389 (дата обращения: 05.03.2019).
6. *Слоева М.* Дягилев как эталонный продюсер // Театр. 2017. № 31. С. 28–35. URL: <http://oteatre.info/dyagilev-kak-etalonnyj-prodyuser/> (дата обращения: 05.03.2019).
7. *Схейен Ш.* Сергей Дягилев. «Русские сезоны» навсегда. М.: КоЛибри, 2017. 608 с.
8. *Теляковский В. А.* Воспоминания. Л.; М.: Искусство, 1965. 481 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=265099&p=17> (дата обращения: 10.03.2019).
9. *Хмельницкая И. И.* Великий князь Владимир Александрович и начало дягилевских сезонов // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 3. С. 123–132.
10. *Чернышева-Мельник Н. Д.* Дягилев. М.: Молодая гвардия, 2011. 136 с.

Literatura

1. *Benua A.* Moi vospominaniya v 5 kn. T. 2. Kn. 4–5. M.: Nauka, 1990. 744 s. URL: http://www.benua.su/book_5_g2_5. (data obrashheniya: 02.03.2019).
2. *Grigor'ev S. L.* Balet Dyagileva. M.: ART, 1993. 268 s.
3. *Kozlyaninov L.* Baletnye gastroli // *Teatr i iskusstvo*. 1908. № 25. S. 433.
4. *Ogorodnikova O. A.* Velikaya Anna Pavlova i russkij balet v Germanii v nachale XX veka // *Vestnik MGPU. Seriya: «Istoricheskie nauki»*. 2019. № 2 (34). S. 8–18.
5. *Ogorodnikova O. A.* Russkij balet S. Dyagileva v Germanii (1910-e gg.) // *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2019. № 1 (18). URL: vestnikkguki.esrae.ru/20-389 (data obrashheniya: 05.03.2019).
6. *Sloeva M.* Dyagilev kak e'talonnyj prodyuser // *Teatr*. 2017. № 31. S. 28–35. URL: <http://oteatre.info/dyagilev-kak-etalonnyj-prodyuser/> (data obrashheniya: 05.03.2019).
7. *Sxejen Sh.* Sergej Dyagilev. «Russkie sezony» navsegda. M.: KoLibri, 2017. 608 s.
8. *Telyakovskij V. A.* Vospominaniya. L.; M.: Iskusstvo, 1965. 481 s. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=265099&p=17> (data obrashheniya: 10.03.2019).
9. *Xmel'nickaya I. I.* Velikij knyaz' Vladimir Aleksandrovich i nachalo dyagilevskix sezonov // *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj*. 2017. № 3. S. 123–132.
10. *Chernysheva-Mel'nik N. D.* Dyagilev. M.: Molodaya gvardiya, 2011. 136 s.

O. A. Ogorodnikova, O. G. Firsova

**The State and Private Projects to Promote Russian Ballet Abroad
in the Early Twentieth Century**

The article is devoted to the insufficiently studied theme, namely the projects of popularization of Russian ballet art in the West in the early twentieth century, both implemented and failed. The role and importance of private enterprises in achieving this goal is shown by the example of A. Pavlova's troupe and S. Diaghilev's Russian seasons. On the basis of unpublished sources, the content of state projects has been considered and the reasons that prevented the implementation of the idea of promoting Russian art abroad have been analyzed.

Keywords: cultural interaction; popularization of Russian art; Russian Ballet; tours; Anna Pavlova; Serge Diaghilev; Russian seasons.

УДК 94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.03

А. П. Селиванова

Путь во фрейлинский коридор Зимнего дворца: женщины династии Воронцовых

В статье рассматриваются основные пути определения в женский штат при дворе российского императора. Кроме того, дается оценка статусу и возможностям свитских фрейлин.

Ключевые слова: Российская империя; придворный штат; фрейлина; личность в истории.

Официальное звание «фрейлина» появилось при дворе российского государя 24 января 1722 года, после обнародования «Табели о рангах». Именно в этом документе были по-новому определены придворные должности и чины, в том числе и женские. Прежний «теремной» штат царицы сменился четким иерархическим порядком дам, созданным по европейскому образцу.

Хотя обновленные женские придворные чины и были введены в «Табели о рангах», нельзя не заметить, что их перечень несколько отличается от тех должностей, что встречаются в исторических источниках начиная со второй половины XVIII века. Первоначально среди женских званий числились обер-гофмейстерина, статс-дамы, камер-девицы, гоф-дамы и гоф-девицы, гофмейстерина¹. Но на практике уже во второй четверти XVIII века, то есть после смерти Петра I, сложилась несколько иная, упрощенная, иерархия придворных женских должностей: обер-гофмейстерина, гофмейстерины, статс-дамы, фрейлины. Более того, иерархия женских чинов приняла устойчивый характер только в период правления Павла I. Самыми многочисленными в ней были фрейлины.

Однако ответить на вопрос о постоянном количестве фрейлин при дворе не так уж просто. Несмотря на составляемые списки придворных дам, некоторые из них еще числились на службе, а в силу возраста дежурных обязанностей практически не исполняли, для этого набирали более молодых девиц. Кроме того, были и те фрейлины, которые пробыв на новой должности всего несколько месяцев, стремительно выходили замуж, и неожиданно появлялось новое вакантное место. Все же представляется, что их число во фрейлинском

¹ Все они описаны не в основной части документа 1722 года, а в десятом разъяснительном пункте.

коридоре² было относительно невелико. Тогда возникает некоторое противоречие с воспоминаниями современниц. Почему же тогда, скажем, А. Ф. Тютчева сообщала, что у «императрицы безумное количество фрейлин» [7: с. 121]?

Прежде всего, необходимо разграничить два понятия: «звание фрейлины» и «должность фрейлины». Положение, статус и род занятий фрейлин в официальном придворном штате значительно отличались от остальных. Звание фрейлины давалось относительно легко (особенно до начала правления императора Александра III), поскольку особых ограничений, разве что за исключением принадлежности к дворянскому сословию, не было. Звание, носившее почетный характер и обязывавшее даму присутствовать лишь на самых значимых придворных церемониях, подчеркивало и подтверждало особое положение в свете ее и/или ее семьи.

Ярким примером может служить Анна Михайловна Строганова, единственная из четырех детей канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, достигшая взрослого возраста. Ее крестным был великий князь Петр Федорович [1: с. 31]. В 11 лет Анна Михайловна была пожалована во фрейлины. Однако, разумеется, о переезде во дворец и зачислении в штат столь юной особы речи не шло. Девушка воспитывалась в доме отца, под родительским присмотром получала хорошее образование. Вероятно, время от времени она появлялась на торжественных мероприятиях. И является вполне очевидным, что почетное фрейлинское звание Анна Михайловна получила благодаря знатности рода и успехам отца на государственной службе.

Получить штатное место фрейлины было на порядок труднее. В петровское время придворные чины как императорская милость испрашивались челобитными, поскольку ко двору влекла не только близость монарха, но и материальная выгода. Придворными становились и русские дворянки, и незнатные особы немецкой крови, и персоны, связанные с супругой государя прямым родством. Но со временем ситуация изменилась. Прежде всего, появилось несколько четких каналов, по которым девицы могли попасть во фрейлины. Кроме того, обозначился круг требований, и им необходимо было соответствовать, чтобы стать одной из приближенных семьи государя. Требовалось безупречное происхождение, учитывались заслуги и связи родителей, а также музыкальность самой кандидатки, владение иностранными языками, изящные манеры, особенности характера и, конечно, подходящая внешность.

Каким же образом фрейлины появлялись при дворе? Можно выделить четыре основных пути для определения в штатские фрейлины:

- пожалование за заслуги родителей;
- ходатайство родственников;
- набор фрейлин среди «своих людей», из числа приближенных;
- зачисление ко двору выпускниц институтов благородных девиц.

² Основные квартиры фрейлин были расположены в южной части Зимнего дворца. По своей планировке фрейлинское «общежитие» представляло собой две параллельно идущие анфилады комнат, которые разделялись узким коридором.

Необходимо сразу оговориться, что в некоторых случаях эти каналы проникновения в женский придворный штат пересекались и дополняли друг друга, способствуя разрешению вопроса о назначении в пользу кандидатки.

В статье более подробно будут рассмотрены два пути определения в свитские фрейлины: через пожалование за заслуги родителей и по ходатайству родственников.

В случае, когда статус штатной фрейлины жаловали за заслуги родителей или родственников, личные качества девицы несколько отходили на второй план. Интересный случай представляет собой назначение фрейлинами сестер Марии и Елизаветы Воронцовых. Их отец, рано овдовевший Роман Илларионович Воронцов, остался с пятью детьми на руках. Его родительские качества по-разному оцениваются историками и современниками: одни превозносят его заботу о своих чадах [2], другие укоряют в малом к ним внимании [3: с. 38]. Тем не менее вскоре после трагических событий сыновья Романа Илларионовича переехали к деду, а дочери перешли под попечительство дяди — Михаила Илларионовича Воронцова.

Старшую и среднюю племянницу в 1750 году зачислили в придворный штат. Ситуация представляется удивительной, поскольку на тот момент Марии (старшей) было только 13 лет, а Елизавете (средней) — еще меньше, всего 10 лет. Дело в том, что, по обыкновению, свитскими фрейлинами девушки становились не ранее 16 лет от роду. Ведь главной обязанностью фрейлины, зачисленной в штат, было посменное дежурство при императрице. В такие дни девушки должны были круглосуточно находиться возле нее и выполнять разные мелкие поручения.

Чтобы оценить исключительность случая достаточно изучить список восьми фрейлин великой княгини Екатерины Алексеевны (девятой была одна из сестер Воронцовых) [9]. Исторические документы сохранили до наших дней даты рождения и вступления в должность лишь шестерых фрейлин будущей императрицы. Самой молодой из них, Кошелевой Марии Родионовне, на момент зачисления в придворный штат было 19 лет, а самой старшей, Шарифовой Анне Исаевне, — 26 лет. Так что, очевидно, переезд во фрейлинский коридор девочек 13 и 10 лет стал возможен только благодаря особому расположению государыни к дяде Михаилу Илларионовичу. Способствовало этому, судя по всему, и то, что Мария и Елизавета остались без матери в столь юном возрасте.

По воспоминаниям современников, Мария Романовна Воронцова была скромной и симпатичной. Не удивительно, что императрица Елизавета Петровна определила ее в свой фрейлинский штат. Судьба Марии Воронцовой представляется вполне типичной для фрейлины. Обычным преимуществом фрейлин была возможность составить блестящую партию. В 1758 году, через восемь лет после поступления на службу во дворец, она действительно весьма удачно вышла замуж [2: с. 36]. Возможно, не без участия императрицы Мария вышла замуж за графа Петра Александровича Бутурлина, представителя

одного из древнейших дворянских родов России, будущего графа и тайного советника. Императрица Екатерина II стала крестной матерью их сына.

В отличие от сестры Елизавета Воронцова не была столь привлекательна. В строгие каноны красоты не вписывалась ее простоватая внешность, смуглая кожа, угловатые манеры. И потому, по обычаям того времени, среднюю племянницу канцлера Михаила Илларионовича Воронцова определили к великой княгине Екатерине Алексеевне.

Впоследствии Елизавета Романовна сделала головокружительную карьеру при дворе. Не войдя в круг близких подруг великой княгини, она тем не менее привлекла внимание великого князя Петра Федоровича. Вскоре племянница М. И. Воронцова стала фавориткой наследника престола. Сразу по восшествии на престол Петр III сделал ее камер-фрейлиной и пожаловал самые близкие к его покоям комнаты во фрейлинском коридоре. Кроме того, через положение при дворе дочери и племянницы особое благоволение императора оказывалось Роману Илларионовичу и Михаилу Илларионовичу Воронцовым.

Назначение свитской фрейлиной всегда было почетно, но зачастую оказывалось психологически трудно для тех девушек, кто до этого воспитывался дома. Уклад их жизни менялся коренным образом. Получая квартиру и жалование во дворце, они отказывались от прежних условий жизни. А вот выпускницам институтов благородных девиц³ или девушкам, оставшимся без попечения семьи (в частности, матери) обосноваться при дворе было проще. Разрыв с семьей они пережили в более раннем возрасте и быстрее привыкали жить вдали от близких.

Нельзя не упомянуть, что независимо от пути определения в женский придворный штат кандидатка во фрейлины должна была предварительно показаться членам императорской фамилии. Если потенциальные фрейлины, окончившие институт благородных девиц, уже на выпускной церемонии проходили своеобразный аналог собеседования, то для большинства процедура несколько отличалась. Для официального зачисления в женский придворный штат будущая фрейлина «по пожалованию» должна была представиться императрице. Подобную церемонию проходили все, даже те, кто был давно знаком с государыней лично, как, например, Мария Фредерикс [8: с. 445].

Вопрос о способах отбора девушек на службу в штат императриц и великих княгинь представляется актуальным в свете изучения статуса и влияния женских придворных чинов. Девушки, попадавшие в число свитских фрейлин порой приобретали не только завидное положение в обществе, но и при благоприятных обстоятельствах возможность оказывать влияние на членов императорской фамилии.

Разумеется, самым очевидным последствием получения должности фрейлины была возможность приблизить ко двору своих родственников. Обретя при дворе достаточную уверенность, некоторые девушки начинали пристраивать

³ Четвертый путь определения во фрейлинский штат.

на службу свою родню. Например, камер-фрейлина П. А. Бартенева со временем выхлопотала фрейлинское звание для всех своих сестер: Веры, Надежды, Марии и Наталии. А упрочившееся положение Е. Р. Воронцовой значительно усилило влияние ее отца и дяди при дворе. Дворянские привилегии, разработанные придворной комиссией под руководством Романа Воронцова еще при императрице Елизавете, тогда не получили поддержку в Сенате. С восшествием на престол Петра III Воронцовы получили новые почести и награды. Одним из первых шагов императора всероссийского Петра III стало издание Манифеста о вольности дворянской, что, по свидетельству современников, было прямым следствием влияния Романа Воронцова и его дочери Елизаветы [6: с. 17].

Разумеется, фрейлины могли похлопотать перед государем не только в своих или семейных интересах. Так, современники отмечали, что положение фрейлины А. Ф. Тютчевой при императрице было исключительным. Доподлинно известно, в том числе и из ее дневника, что она представляла императрице проекты славянофилов, чьи интересы разделяла.

Еще одним примером может быть одна из самых успешных фрейлин XIX века Роксандра Эдлинг (урожденная Стурдза). Вершиной ее деятельности стала организация посещения императорской четой, Александром I и Елизаветой Алексеевной, греческой церкви в Вене. Несомненно, это был символический жест: русский император таким образом демонстрировал поддержку православным единоверцам. По мнению исследователя А. Дёмкина, «при этом княжна Стурдза одержала маленькую победу над венским двором, пытавшимся помешать этому визиту, который наделал много шума» [4: с. 88].

Конечно, особое положение при дворе занимали фрейлины, ставшие фаворитками императоров. Современники считали возможным обращаться к этим придворным дамам с просьбами и ходатайствами. Тем большее уважение в ближнем круге придворных заслуживали те из них, кто своим статусом не пользовался. Например, фаворитка императора Николая I Варвара Аркадьевна Нелидова, несмотря на всеобщую любовь к государыне, была искренне почитаема и любима среди приближенных императорской фамилии. Во многом это обусловлено тем, что она не пользовалась своим положением ради честолюбия, тщеславия или продвижения чьих-то интересов.

Вероятно, именно своей «неамбициозности» в делах государственного управления обязана и Елизавета Романовна Воронцова в вопросах устроении судьбы после смерти императора Петра III. В своих мемуарах будущая императрица Екатерина Алексеевна признавалась: «Я после узнала, что в этот самый день он (Петр III) обещал Елизавете Воронцовой жениться на ней, если я умру...» [5: с. 693]. Кроме того, всегда оставался вариант заключения законной супруги в монастырь, что позволило бы императору беспрепятственно вступить в брак со своей фавориткой. Вероятно, если бы Елизавета Воронцова, воспользовавшись своим положением, надавила на Петра III, династия Воронцо-

вых поднялась бы до прежде небывалых высот. Однако, довольствуясь своим нынешним статусом, Е. Р. Воронцова не стремилась возвыситься сама или возвести в новый статус своих родственников. Возможно, именно поэтому Екатерина II, хотя в 1762 году и удалила ее от двора, уже в 1765 году устроила для бывшей фаворитки своего мужа выгодное замужество и даже позволила жить в столице.

Разумеется, сами фрейлины прекрасно понимали, что им нередко предписывают бóльшую власть, чем они обладают на самом деле. Упомянутая выше Анна Тютчева отмечала, что начиная с определенного момента, она вступила «в категорию царедворцев, которые проводят всю жизнь в воскурении фимиама государям для того, чтобы пользоваться их милостью, и у которых не хватает смелости даже в интересах этих же государей пойти на опасность произвести на них неблагоприятное впечатление» [7: с. 234].

Таким образом, начиная со второй половины XVIII века постепенно определились четкие каналы, по которым представительницы дворянского сословия попадали на службу во дворец. Получение этой должности было, безусловно, престижным и зачастую тем или иным образом подчеркивало особое расположение императорской фамилии к семье фрейлины. Разумеется, семейные связи играли не последнюю роль: ярким примером являются женщины династии Воронцовых — дочь и племянницы М. И. Воронцова. В таком случае на второй план могли отойти и личные таланты (или их отсутствие) девушки, и внешность, и даже возраст. Однако следует отметить, что общество все же было склонно переоценивать влияние придворных дам на своих покровителей. Это, разумеется, не означало, что свитские фрейлины не могли действовать в своих интересах. Как отмечают историки, положение М. И. Воронцова и его брата упрочилось при дворе, когда Елизавета Романовна из простой фрейлины превратилась в фаворитку Петра III. Тем не менее возможности были ограничены отсутствием личных амбиций (которые не подкрепляли амбиции семьи), а порой и опасениями навлечь на себя неудовольствие и потерять расположение монарших особ.

Литература

1. *Алексеев В. Н.* Графы Воронцовы. История древнего рода. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 123 с.
2. *Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России.* М.: Центрполиграф, 2002. 477 с.
3. *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: МГУ, 1987. 523 с.
4. *Дёмкин А.* Истории русских фрейлин. М.: Ломоносовъ, 2017. 208 с.
5. *Императрица Екатерина II.* О величии России. М.: Эксмо, 2003. 829 с.
6. *Муховицкая Л.* Дворяне по рождению. М.: Энтраст Трейдинг, 2015. 253 с.
7. *Тютчева А. Ф.* Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М.: Захаров, 2016. 592 с.

8. *Фредерикс М. П.* Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016. С. 411–464.

9. Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны / публ. [и вступ. ст.] К. А. Писаренко // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2007. Т. XV. С. 168–179. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147754 (дата обращения: 21.03.2019)

Literatura

1. *Alekseev V. N.* Grafy Voroncovy. Istoriya drevnego roda. Orekhovo-Zuevo: MGOGI, 2013. 123 с.

2. Grafy Voroncovy i Voroncovy-Dashkovy v istorii Rossii. М.: Centrpoligraf, 2002. 477 с.

3. *Dashkova E. R.* Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii. М.: MGU, 1987. 523 с.

4. *Dyomkin A.* Istorii russkix frejlin. М.: Lomonosov", 2017. 208 с.

5. Imperatrica Ekaterina II. O velichii Rossii. М.: E'ksmo, 2003. 829 с.

6. *Muxovickaya L.* Dvoryane po rozhdeniyu. М.: E'ntrast Trejding, 2015. 253 с.

7. *Tyutcheva A. F.* Vospominaniya: Pri dvore dvux imperatorov. Dnevnik. М.: Zaxarov, 2016. 592 с.

8. *Frederiks M. P.* Iz vospominanij baronessy M. P. Frederiks // V carskom krugu. Vospominaniya frejlin doma Romanovyh. М.: Algoritm, 2016. S. 411–464.

9. Frejliny imperatricy Elizavety Petrovny / pубl. [i vstup. st.] K. A. Pisarenko // Rossijskij arxiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvax i dokumentax XVIII—XX vv.: Al'manax. М.: Studiya TRITE': Ros. arxiv, 2007. Т. XV. S. 168—179. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147754 (data obrashheniya: 21.03.2019)

A. P. Selivanova

The Way of Getting to the Service in the Women's Court Staff: Women of the Vorontsov Dynasty

The article discusses the main ways of getting into the Russian imperial female court staff. In addition, it assesses the status and possibilities of ladies-in-waiting.

Keywords: Russian Empire; state at the Imperial court; lady-in-waiting; person in history.

УДК 94(47)“1917/1991”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.04

Н. И. Музафарова

Религиозные организации в годы Гражданской войны (на материалах Урала)

В статье раскрываются позиции религиозных организаций, попавших под воздействие противоборствующих революционных и контрреволюционных сил, с особой остротой столкнувшихся в годы Гражданской войны. Показаны методы противодействия духовных иерархов политике советской власти, направленной на преодоление религии.

Ключевые слова: церковная оппозиция; военное духовное ведомство; отряды Иисуса Христа, Зеленого Знамени, Святого Креста; армия Колчака.

Гражданская война, разразившаяся в процессе революционных преобразований в России, ввергла в жестокое противоборство все учреждения, институты и социальные слои населения. В водовороте острых событий оказались религиозные организации, выполнявшие до революции важную государственную функцию воздействия на мировоззрение людей. Пришедшая к власти коммунистическая партия взяла курс на преодоление религии как враждебной идеологии. Советская власть первыми правовыми актами лишила религиозные конфессии прав юридического лица, собственности, финансовой и официальной поддержки. Итоговым документом, подтверждающим изменившийся статус Церкви как собирательного образа теологических организаций, стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918 года). Этим актом был положен конец клерикальному государству.

Объявленный декрет содержал принципы свободы совести, дающие возможность каждому человеку исповедовать любую религию или не признавать никакой. Однако советская власть стала проводить политику государственного

атеизма, что привело к образованию церковной оппозиции, проявившей себя в годы Гражданской войны.

В статье рассматриваются позиции уральских религиозных организаций, испытывавших противоборство революционных и реакционных сил.

Уральский регион отличался многообразием вероисповеданий: христианских, исламских, буддийских, иудейских, языческих и др. Большее распространение получило православие: только в Екатеринбургской епархии насчитывалось 1316 церквей, 16 монастырей, более 4640 служителей культа. В самом городе функционировали 19 церквей, монастырь, 2 старообрядческие часовни, кирха, костел, мечеть и синагога [3: с. 137].

Духовенство Урала проявляло себя довольно активно, отражая процесс обостренной классовой борьбы в крае. Ссылка царя Николая II (1917 год) в Тобольск, а затем в Екатеринбург (1918 год) подогрела политические амбиции монархически настроенных слоев населения, в том числе и церковных иерархов. Многие верующие не понимали сути новых государственно-церковных отношений и попадали под влияние агитации сторонников белого или красного движений. Коммунисты разъясняли религиозную политику с использованием грамзаписи Е. Ярославского «Слово о религии», в которой утверждалась мысль о полной свободе вероисповедания и опровергалось мнение о гонении большевиками пастырей и паствы (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 5. Л. 1). Представители клира в проповедях приводили многочисленные примеры нарушений советскими органами провозглашенных свобод и жестокого отношения к духовенству и верующим.

Советская власть целенаправленно подрывала основу существования религии как социального института и традиционной духовной культуры народа. Лишение религиозных организаций и духовенства финансовой, социально-экономической и правовой основы привело к созданию служителями культа «церковной контрреволюции». В годы Гражданской войны большая часть духовенства выступила в союзе с белогвардейцами и с Колчаком. Следует отметить, что на разных этапах эпохального 1917 года духовенство пыталось найти платформу соглашения с государственными органами власти. С установлением Временного правительства уральские священнослужители в молитвах возносили хвалу и благодарность новой власти, они даже одобрили провозглашенный акт о свободе совести в Богом хранимой державе России. Более того, священники призывали верующих поддержать «заем свободы» и военную политику Временного правительства, для того чтобы «поубавить революционный пыл» народа (Известия Екатеринбургской церкви. 1917. № 3. 23 июня).

Кардинальные изменения в стране, начавшиеся с установлением советской власти, подтолкнули церковных иерархов к поискам компромиссов, с одной стороны, и концентрации усилий для противодействия мероприятиям местных органов власти — с другой. Однозначную оценку проводимой большевиками религиозной политики дать невозможно, поскольку явствуют противоречия

между провозглашенными принципами свободы совести и практикой реализации «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». Об этом свидетельствуют циркуляры центральных органов в адрес местных административных властей, требующих лояльного отношения к верующим в рамках свободы совести и недопустимости неправомерных действий.

Духовенство выступило против насильственных методов конфискации религиозных храмов и их имущества, закрытия и разрушения культовых учреждений, глумления над священнослужителями. Священный синод и патриарх Тихон взывали к правительственным органам, требуя прекратить бесчинства в отношении церкви и верующих, но тщетно. В создавшейся ситуации патриарх обратился к пастырям и пастве с посланием (январь 1918 года), в котором призывал православных противостоять действиям сатанинской власти, «взять меч и утвердить порядок по указанию Божии Церкви» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 97. Л. 1–3; Д. 126. Л. 1–3).

По зову патриарха Тихона местные иерархи использовали разные методы борьбы против советских органов. Екатеринбургский епископ Григорий с клиром вели работу по объединению паствы для защиты «святынь русского народа, духовной культуры, традиций прошлого» и настраивали верующих встать на защиту православной Руси под эгидой «истинного христианского Воинства» (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442, Л. 89). Аналогичные идеи на проповедях произносили пермские иерархи, одновременно обращаясь к верующим содействовать и оказывать помощь белогвардейцам и колчаковцам. Уфимский владыка Андрей в послании «К чадам православной церкви» призывал мирян поддерживать отряд чехословацкого корпуса, выступившего против бесчинств Красной армии. Обвинения в адрес кощунственной, несправедливой политики большевиков выдвигал тобольский епископ Гермоген. Он организовывал крестные ходы в целях освобождения Николая Романова и его семьи из ссылки (ГМИРА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 76. Л. 24).

Рассмотрение положения противоборствующих сил в Уральском регионе свидетельствует, что антисоветские деяния служителей культа были многоплановы и все они сосредотачивались на создании всевозможных препятствий действиям власти большевиков. Согласно циркулярам Священного синода и патриарха особый упор священники делали на всевозможной поддержке белогвардейцев (Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918. № 132. 10 июня).

Одной из форм противодействия священников органам советской власти было составление доносов на «неблагонадежных лиц». В преддверии прихода белых многие из них составляли списки активистов из рабочих и крестьян, сочувствующих советской власти, чтобы в удобный момент учинить над ними расправу. Поп Иосиф в Верхнем Тагиле составил список коммунистов и советских работников для передачи колчаковцам и пытался поднять мятеж. Священник Архангельско-Гаврииловской церкви Челябинска выдал карательному

отряду 54 революционера, замученных страшными пытками. В Воткинске священники благословили жестокую казнь 108 рабочих. В Каслях дьякон Христофор явился организатором белого террора и убийства несколько сотен человек. [2: с. 28]. Под кару попадали представители интеллигенции, учителя и даже некоторые священники, сочувствующие трудовому народу. Так, епископ Григорий отстранил от службы священников Вилесова и Соколова (Камышловский уезд) и отправил в Далматовский монастырь, известный тюремным режимом (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 842. Л. 25).

События Гражданской войны насыщены картинами белого и красного террора. Жизненная ситуация нередко вынуждала те или иные социальные группы встать в действующие боевые отряды красных или белых. Большинство духовенства и часть верующих поддерживали контрреволюционные силы. (Заметим, в районах Урала проходили сражения с тремя антисоветскими группировками: чехословацким корпусом, белогвардейцами и Колчаком). Лидеры религиозных конфессий в значительной степени испытывали тягу к адмиралу А. В. Колчаку, возлагая на него большие надежды по изменению политического режима. В целях сплочения своих сил адмирал провозглашал популярные лозунги: равноправие наций, равноправие вероисповеданий и свободу совести, право народа на культурное самоопределение. Колчак подразумевал установление клерикальной власти с приоритетом РПЦ, впрочем, предоставляя свободу вероисповедания другим конфессиям.

Приход колчаковцев уральское духовенство встречало с особым почтением и торжественным богослужением. Благодарность и хвалу Колчаку возносили епископы Андрей в Уфе, Андроник в Перми, Григорий в Екатеринбурге, Гермоген в Тобольске, Дионисий в Челябинске, Иринарх в Тюмени. В свою очередь, как благодарность в угоду духовенства Колчак издал специальное постановление, гласящее: «Большевистский декрет об отделении церкви от государства Правительство (созданное адмиралом в Омске, ноябрь 1918. — *Н. М.*) считает не имеющим силы и признает, что установление отношений между церковью и государством подлежит разрешению Всероссийского Учредительного собрания» [4: с. 71].

А. В. Колчак, объявив себя Верховным правителем, рассчитывал на большую поддержку клира и верующих. Для привлечения большего числа ополченцев он создал в своем правительстве специальное ведомство — Главное управление по делам вероисповедания, которое возглавил профессор богословия П. А. Прокошев. Главная функция управления заключалась в солидаризации православного народа в борьбе и противостоянии большевистской власти. Богослов Прокошев объяснял суть взаимоотношений созданного управления и конфессиональных организаций: «Правительство не желает порывать связи между русским государством и православной церковью. Православная церковь на Руси и прежде была в состоянии утишить разбушевавшееся море народных страстей» [4: с. 72].

Агитационно-проповедническая работа, проводимая сторонниками колчаковского режима, способствовала укреплению белогвардейцев. В армию Колчака потянулись лица духовного звания и рядовые верующие разных вероисповеданий. По разным источникам, на службе в его армии находилось от 2 до 3 тысяч священнослужителей, которые входили в полки или отряды Святого Креста, Белого Знамени, Богородицы, Иисуса Христа, Зеленого Знамени, Мухаммеда и др. Отметим, что не все религиозные конфессии принимали непосредственное участие в действующей колчаковской армии, но они оказывали моральную и материальную поддержку. Так, уральские равнины, собравшись на съезд иудейского духовенства (1918), предали анафеме евреев-большевиков, заявили о поддержке белой армии и готовности бороться с советской властью (Уральский рабочий. 1939. 30 июня).

Особые отношения складывались у А. В. Колчака со старообрядцами, которых он считал истинными хранителями подлинно русской культуры. Старообрядцы с надеждами и большим почтением относились к адмиралу Колчаку. Собравшись на свой съезд в Пермской епархии (1919), они направили адмиралу послание с пожеланиями скорейшей победы над «безбожниками насильниками», дабы «очистить святыни русские от коммунистической мерзости» (Сибирский старообрядец. 1919. 15 июня). В ответ Омский правитель написал: «Глубоко тронут представителями епархиального съезда старообрядцев. Жду от деятелей его активной работы по борьбе с большевизмом и его влиянием в русском быту» (СГАСПИ. Ф. 41, Оп. 1. Д. 442. Л. 127).

Таким образом, политическая и социально-экономическая ситуация, сложившаяся в стране, привела к консолидации конфессиональных организаций. Объясняется это тем, что классовые интересы духовенства были важнее, чем различия в вероисповедании. В связи с этим в народе распространился афоризм: «Поп, мулла, ксендз, раввин — мирром помазаны одним». Если ранее оппозиционный настрой возникал между представителями разных вероисповеданий, то с революционной перестройкой всей системы общества возникла «церковная контрреволюция», в состав которой вошли священнослужители, верующие, недовольные политикой советской власти. Вместе с тем часть верующих оказалась на стороне нового правительства, возлагая надежды на обещанные большевиками благоприятные условия для жизни рабочих и крестьян.

Белая армия использовала всевозможные каналы для привлечения в свои ряды ополченцев. Управление по делам вероисповедания живым и печатным словом старалось воздействовать на верующих. Издавались и распространялись в населенных пунктах журналы «Вера и отечество», брошюры «Антихрист», «Запрещает ли Христос участие в войне», многочисленные листовки, содержание которых было нацелено на главную задачу – воевать с мучителями Родины большевиками «с крестом в груди и оружием в руках», дабы ниспровергнуть нашествие антихриста (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442. Л. 46–47; Д. 810. Л. 87, 92, 104).

В отрядах и полках агитацию вели военные священнослужители, обгрыбая мысль, что «не всякое убийство греховно, если оно направлено против богоотступников-коммунистов». Руководитель созданного в колчаковской армии Военного духовного ведомства, протоиерей Русецкий высоко оценивал деятельность служителей культа, отмечая, что духовенство ведет себя выше похвал [1: с. 18–21].

Агитационно-пропагандистская работа активно велась и среди красноармейцев. В годы Гражданской войны это были небольшие агитки (листы, плакаты, стенгазеты), выступления агитаторов, концерты художественной самодеятельности. По воспоминаниям почетного гражданина г. Перми В. Ф. Сивкова (из личных бесед автора статьи), командовавшего добровольческим отрядом в тылу белогвардейцев в 1918–1919 годах, его бойцы в период передышек проводили с населением агитационную работу в виде агиток. По форме они напоминали художественную самодеятельность с частушками, инсценировками собственного сочинения, в которых высмеивались и критиковались алчные попы и классово враждебные элементы. Активисты его отряда Дудницкий, Думченко, Кошелев и сам Сивков проводили беседы, разъясняли политику советского государства по отношению к рабочим и крестьянам. (СГАСПИ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 337. Л. 80). Собравшиеся жители проявляли сочувствие и одобрение действиям красноармейцев.

Таким образом, агитационно-пропагандистская работа по вербовке новых ополченцев и тыловой поддержке населением воюющих сторон велась как со стороны белых, так и красных.

Практика жизни показала, что обещания, данные колчаковским правительством трудовому народу, не оправдались. Крестьяне страдали от безземелья, поскольку земля возвращалась прежним хозяевам, рабочие — от безработицы, так как заводы и фабрики не могли наладить производство и не работали. Многолетние военные и революционные катаклизмы в стране привели к истощению и усталости народа от бесконечных поборов, голода и военных действий. В этих условиях поражение контрреволюционных сил и церковной оппозиции стало неизбежным. Основная масса населения надеялась на новую власть, объявившую себя защитницей интересов рабочих и крестьян.

Литература

1. *Анвесул В. К.* Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск: Свердловгиз, 1937. 31 с.
2. *Онуфриев И. А.* Гражданская война на Урале: воспоминания бывшего комбрига. Свердловск: Уралкнига, 1925. 86 с.
3. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург: б/и, 1916. 137 с.
4. Собрания узаконений и распоряжений Временного Областного правительства Урала // Уральский областник, 1991, август. С. 71–87.

Literatura

1. *Ansvesul V. K.* Cerkov' i grazhdanskaya vojna na Urale. Sverdlovsk: Sverdlgiz, 1937. 31 s.
2. *Onufriev I. A.* Grazhdanskaya vojna na Urale: vospominaniya byvshego kombriga. Sverdlovsk: Uralkniga, 1925. 86 s.
3. Spravochnaya knizhka Ekaterinburgskoj eparxii na 1915 god. Ekaterinburg: b/i, 1916. 137 s.
4. Sobraniya uzakonenij i rasporyazhenij Vremennogo Oblastnogo pravitel'stva Urala // Ural'skij oblastnik, 1991, avgust. S. 71–87.

N. I. Muzafarova**Religious Organizations During the Civil War (on the Materials of the Urals)**

The article reveals the positions of religious organizations, caught under the influence of the opposing revolutionary and counterrevolutionary forces, with special acuteness encountered during the Civil War. The methods of counteraction of spiritual hierarchs to the policy of Soviet power aimed at overcoming religion are shown.

Keywords: Church opposition; military spiritual department; detachments of Jesus; Green Banner; Holy Cross; Kolchak's army.

УДК 94(47)“1917/1991”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.05

С. В. Воробьев

Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 годах¹

В статье рассмотрен конфликт, возникший в Уральской области в 1928 году между первым секретарем обкома Н. М. Шверником, с одной стороны, и инициаторами конфликта, вторым секретарем обкома К. В. Рындиным и председателем Уральского облисполкома Ф. И. Локацковым — с другой. Показаны контекст и причины возникновения конфликта, мотивы и цели его участников. Выявлены причины неудачи заговорщиков: отсутствие единства в отношении их поддержки со стороны региональной партийной номенклатуры, возникший раскол в тандеме противников Н. М. Шверника, отсутствие поддержки со стороны представителей центральной власти. Административный ресурс Н. М. Шверника оказался весомее благодаря его московским связям и покровительству И. В. Сталина. Таким образом, он смог одержать победу в номенклатурной борьбе только благодаря поддержке со стороны центра.

Ключевые слова: Уралобком ВКП (б); конфликт; партийная номенклатура; Н. М. Шверник; К. В. Рындин; Ф. И. Локацков.

Весной 1927 года Н. М. Шверник стал руководителем обширной Уральской области. До этого он находился на высоких руководящих постах в Москве, был секретарем ЦК ВКП (б). Шверник сменил на посту первого секретаря обкома партии Д. Е. Сулимова, который был переведен в Москву на повышение, став первым заместителем наркома путей сообщения СССР и членом Оргбюро ЦК ВКП (б) [5: с. 386–387]. Н. М. Шверник являлся креатурой И. В. Сталина, представителем его политического клана. В связи с тем что Урал был значимым с экономической и политической точек зрения регионом страны, Сталину было важно, чтобы эту территорию возглавил лояльный ему человек.

Однако, если Д. Е. Сулимов был своим для местных партийных работников и партийной массы, так как он родился на Урале и вся его революционная деятельность и последующая карьера были связаны с этим регионом, то Н. М. Шверник оказался человеком со стороны. Ему как варягу было сложно безболезненно интегрироваться в местную политическую среду, расположить к себе региональную номенклатуру. Это создавало опасность для возникно-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

вения непонимания, неприятия чужака со стороны региональных партийных и советских управленцев, которые могли привести к возникновению конфликта, или склоки, в партийной терминологии того времени. Руководители из региона могли иметь собственные властные амбиции, и назначение руководителя со стороны могли воспринять как недоверие к местным кадрам, которые несправедливо игнорируют. Это могло спровоцировать склоки, которые становились политической повседневностью советской системы. А. Гетти отмечает, что «пассивное сопротивление, пререкания, склоки по окончании гражданской войны стали скорее правилом, чем исключением. Любого новичка, невзирая на благословение ЦК, могли выжить» [3: с. 247].

С назначением Шверника на должность руководителя Уральской области произошел небольшой конфуз. Как правило, назначению на должность предшествовали консультации Москвы с руководящим составом соответствующей партийной организации по поводу кандидатуры. В данном случае газета «Правда», опережая события, 27 февраля 1927 года сообщила о назначении Н. И. Шверника первым секретарем Уралобкома ВКП (б), как о свершившемся факте. Это привело в замешательство членов бюро Уралобкома ВКП (б) которые в это время находились в Москве на пленуме ЦК партии и сессии ЦИК СССР. Им срочно пришлось собирать предварительное совещание, которое «единодушно признало кандидатуру т[оварища] Шверника вполне приемлемой для работы в качестве 1-го секретаря Уралобкома» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 62. Л. 14). Решение совещания было доведено до сведения ЦК ВКП (б). Официальное утверждение Шверника в должности руководителя Уралобкома планировалось провести 23 марта 1927 года на предстоящем пленуме обкома. Секретарям окружкомов было направлено письмо, в котором указывалось, что появление сообщения о назначении нового областного руководителя «на страницах уральских газет до пленума ОК [обкома. — С. В.] было бы нежелательно» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 62. Л. 14).

На первых порах работы Шверника на Урале никаких явных конфликтов между ним и местными партийными, советскими работниками и хозяйственными руководителями не возникало. Однако в какой-то момент сформировался тандем в лице второго секретаря обкома К. В. Рындина и председателя Уральского облизполкома Ф. И. Локацкова, который начал интриговать против Шверника.

Реконструкция конфликта (причины, мотивы участников, его развитие) проблематична из-за неполноты источниковой базы. Ключевые документы, которые могли бы пролить свет на суть конфликта (отчет секретаря ЦК ВКП (б) С. В. Косиора о результатах поездки на Урал, письмо Рындина Швернику, доклад Н. М. Шверника на пленуме Свердловского окружкома), ни в федеральном архиве (РГАСПИ²), ни в региональном (ЦДООСО³) обнаружить не удалось.

² Российский государственный архив социально-политической истории.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Этот конфликт является классическим образцом схватки бульдогов под ковром, когда номенклатурная борьба идет скрытно, кулуарно, в тайне от партийной общественности. В официальных партийных документах этого периода (протоколах заседаний бюро обкома, материалах партийных конференций, текущих делопроизводственных документах партийных органов) невозможно найти никакого намека на существование какого-либо серьезного конфликта интересов в руководстве области. В любом случае имеющиеся документы позволяют говорить о том, что склока в верхах областной власти возникла не из-за принципиальных разногласий, она не имела деловой основы, а была обусловлена личными амбициями и антипатиями ее участников.

В заключении союза между К. В. Рындиным и Ф. И. Локацковым большую роль сыграл фактор землячества. Локацков и Рындин были по сути земляками: первый родился в поселке Миньярского металлургического завода Уфимской губернии⁴, а Рындин также был выходцем из Уфимской губернии, родился в селе Ерал, находившемся недалеко от Миньяра. У Рындина и Локацкова было общее революционное прошлое: в годы Гражданской войны их пути пересекались. Рындин был членом Уфимского губисполкома и возглавлял губернскую ЧК, а Локацков был председателем Уфимского горкома РКП (б) и членом Уфимского губернского революционного комитета. Таким образом, сойдясь на почве землячества, они стали создавать собственный клан, рекрутируя себе сторонников, в первую очередь из числа местной партийной номенклатуры, и пытаясь настроить их против московского назначенца. Как отмечал М. С. Восленский, «тот, кто хочет сделать номенклатурную карьеру, непременно тщательно сколачивает себе такую группу и, где бы он не находился, никогда не забудет завербовать в нее нужного человека. Подбираются люди в первую очередь именно нужные, а не по личным симпатиям, хотя, конечно, последние играют определенную роль» [2: с. 367].

Ф. И. Локацков занял пост руководителя Уральского облизполкома одновременно с назначением Д. Е. Сулимова на должность секретаря Уральского обкома партии, сменив его на посту председателя облизполкома. И, возможно, после ухода Сулимова на работу в Москву Локацков рассчитывал повторить его карьерный путь и пересест из кресла руководителя облизполкома в кресло первого лица области. Но Москва решила по-другому, что могло вызвать недовольство со стороны Локацкова, считавшего, что он как фигура областного масштаба и член партии с дореволюционным стажем имеет право на эту должность.

Рындин тоже был амбициозным человеком. Пермский историк В. В. Шабалин характеризует Рындина как карьериста, поклонника комсомолок [6]. Заведующий орготделом Пермского окружкома В. П. Думченко как-то сказал председателю окружной контрольной комиссии А. А. Гребневу, что «комсомолки жалуются на Рындина, что он их щупает» [6]. Подобное поведение,

⁴ Д. Е. Сулимов также родился в поселке Миньярского металлургического завода, но на 9 лет позже Ф. И. Локацкова.

недопустимое для высокопоставленного партийного руководителя, в определенном смысле объяснимо, так как Рындин был достаточно молодым человеком: в 1928 году ему было всего 34 года и интерес к женскому полу у него еще не пропал. Фривольное моральное поведение сочеталось у него со стремлением к власти. Видимо, у него тоже были планы сделать очередной шаг по номенклатурной лестнице — подсадить Н. М. Шверника и занять его место. «Рындин планомерно шел к власти в регионе (возможно, планы простирались и далее), создавая в руководстве парторганизаций Урала собственные группы. Он активно влиял на кадровую политику в области, используя для этого свой авторитет и связи в Свердловске» [6]. В этой интриге против Шверника он нашел союзника в лице председателя облисполкома Ф. И. Локацкова, который также негативно относился к руководителю области.

Рындин был человеком, который умел подать себя в выгодном свете, произвести благоприятное впечатление на людей, был мастером обольщения. Так, ответственный секретарь Верещагинского райкома М. С. Гришкан считал, что Рындин «уважаемый и любимый всей Пермской организацией [...]». Этот товарищ, по-моему, имеет большие задатки, как рабочий парень для Уральской организации и для всей нашей партии» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 144. Л. 87). Но наиболее прозорливые партийные работники не обольщались насчет Рындина. Известная большевичка Р. С. Землячка, возглавлявшая Мотовилихинский райком, отмечала, что Рындин работает «с ошибочками», старалась показать в своих выступлениях, что «т[оварищ] Рындин не прав» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 144. Л. 87). Рындин пытался расположить к себе своих недоброжелателей, искал пути примирения с ними, проявляя гибкость. Критически настроенного к нему А. А. Гребнева, который заявил, что он не переносит и не допускает двуличности, Рындин «клятвенно уверял, что ничего подобного нет и что он преисполнен самыми искренними чувствами» к нему. «Уже во время его работы в Обкоме, — отмечал А. А. Гребнев, — он мне прислал письмо, в котором объясняется в любви, как молодой девушке» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5).

Реализацию своего плана Локацков и Рындин начали с того, что стали проводить назначения на должности своих людей через голову Шверника в нарушение принятых процедур. Как отмечалось в мартовском постановлении ЦК ВКП (б) «т[оварищи] Локацков и Рындин прибегли к недопустимым методам работы, занимаясь без ведома и за спиной Бюро Уралобкома и, в частности, без ведома и за спиной первого секретаря Уралобкома тов[арища] Шверника, закулисным подбором и перемещением ответственных работников парторганизаций Урала в ущерб интересам дела» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). Фактически они попытались присвоить себе полномочия по назначению руководящих работников разных уровней и ограничили полномочия первого секретаря обкома. Рындин проводил соответствующую работу с местным партийным активом, оказывая «давление на тех секретарей окружкомов, которые не поддерживают эту его линию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7).

Локацков и Рындин активизировали свои действия во время XV съезда партии в декабре 1927 года. Они устроили «закулисное собрание с участием некоторых уральских работников для проведения своих узкогрупповых интересов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). Видимо, заговорщики решили воспользоваться благоприятной ситуацией на съезде, где присутствовали основные руководители области и окружкомов партии, склонить их к сотрудничеству и постараться сколотить коалицию сторонников в борьбе против Шверника. Однако не все руководящие работники окружкомов были готовы перейти на сторону заговорщиков и участвовать в склоке. По свидетельству А. А. Гребнева, бывшего делегатом XV съезда: «В Москве во время съезда мне говорили, что некоторые секретари Окружкомов заявили Рындину: «Мы тебя поставили, мы же тебя можем и снять»» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Неудивительно поэтому, что факт встречи не удалось сохранить в тайне и информация о ней дошла до Шверника.

Основными опорными пунктами противников Шверника были Пермский, Нижнетагильский и отчасти Златоустовский окружкомы партии. Руководителем Пермского окружкома ВКП (б) был Н. Ф. Севастьянов, Нижнетагильского — Ф. Г. Вдовин, Златоустовского — И. А. Нефедов. Все эти партийные организации в свое время возглавлял Рындин: в 1921–1922 годах был ответственным секретарем Златоустовского укома РКП (б), а также до 1923 года — председателем исполкома Златоустовского уездного совета, в 1924–1925 годах — он ответственный секретарь Нижнетагильского окружкома, а в 1925–1927 годах — ответственный секретарь Пермского окружкома [5: с. 356]. Вполне естественно, что у него там остались сторонники, на которых он мог опереться.

Именно пермская клиентела, по всей видимости, должна была сыграть существенную роль в реализации планов К. В. Рындина по завоеванию власти. В феврале 1928 года руководитель Пермского горкома партии В. В. Реутов написал письмо на имя второго секретаря областного комитета ВКП (б) К. В. Рындина, в котором обвинил секретаря окружкома Н. Ф. Севастьянова и бюро окружкома в том, что они недостаточно внимания уделяют руководству промышленностью. По мнению В. В. Шабалина, это выступление должно было послужить важным шагом в сторону укрепления позиций Рындина в областной системе власти. «Второй секретарь Обкома должен был отреагировать на сигнал Реутова и инициировать кадровую перетряску в руководстве округа. В результате Думченко занял бы место секретаря окружкома, Реутов, вероятно, получил бы место заворга ОК, а сама клика увеличилась бы за счет желающих встать под знамена такого сильного “сеньора”, как Рындин. Последний получал контроль над одной из самых крупных уральских парторганизаций» [6]. Однако этим планам не суждено было сбыться. Большинство ответственных работников горкома и окружкома не поддержало позицию Реутова, и он был снят со своей должности.

Проблема состояла в том, что позиции Рындина и Локацкова, а также их сторонников были уязвимыми, так как они не имели безусловной поддержки в округах со стороны местных партийцев. Пермский окружком партии Рындин возглавил в ноябре 1925 года, сменив на этом посту И. П. Румянцева, и своими действиями нажил себе недоброжелателей среди местных работников. Не всем понравилось поведение нового партийного секретаря, который сразу начал наводить свои порядки, притащил с собой хвост, т. е. своих доверенных людей, которых начал расставлять на должности в округе, смещая и ущемляя местных работников, являвшихся клиентелой Румянцева. Эту ситуацию старый большевик, член партии с 1905 года, председатель окружной контрольной комиссии А. А. Гребнев описывал следующим образом: «После т[оварища] Румянцева в Перми остались хвостики, которых он тянул за собой. В свою очередь т[оварищ] Рындин тянул за собой своих людей. В результате этого получилась замена значительной части работников, работавших с т[оварищем] Румянцевым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 4). После приезда в Пермь Рындин «стал разгонять всех, кто имел связь с т[оварищем] Румянцевым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 4). Громкий скандал разгорелся вокруг увольнения зав. женотделом окружкома Ивановой, на место которой Рындин решил назначить свою протеежку С. М. Щукину, «которая [...] была с т. Рындиным более чем в дружественной связи», т. е. попросту говоря она была любовницей Рындина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5). При этом последняя, приехав в Пермь, в течение пяти месяцев по причине беременности к работе не приступала и всю работу за нее в женотделе выполняла инструктор отдела (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5). У некоторых руководящих работников Нижнетагильского округа также имелись претензии к руководителю окружкома Ф. Г. Вдовину. Во время его снятия с должности члены Нижнесалдинского райкома «отмечали неправильное руководство низовыми организациями со стороны ответственного секретаря ОК ВКП (б) т[оварища] Вдовина и его бюрократические выходки» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 22).

Положение секретаря Пермского окружкома Севастьянова было неопределенным, двойственным. Дело в том, что в Пермском окружкоме были сильны позиции клиентелы Рындина. В нее входили заведующий орготделом Пермского окружкома ВКП (б) В. П. Думченко, секретарь Пермского горкома ВКП (б) В. В. Реутов, секретарь Лысьвенского райкома ВКП (б) А. А. Просолупов, которые «все время поддерживали с ним связь и выполняли его директивы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Между Севастьяновым и Думченко возникли трения «по вопросу распределения обязанностей между ними». Последний пытался перетянуть значительную часть властных полномочий на себя, оставив ответственному секретарю окружкома роль свадебного генерала. На этот перекося в полномочиях указывал и сам недовольный таким положением дел Н. Ф. Севастьянов: «Все было в Орготделе, я долгое время сидел и принимал

посетителей [...] ты, тов[арищ] Думченко, доказывал мне, что я должен делать доклады, принимать посетителей» [6].

Исходя из этого, он пытался маневрировать между сторонниками и противниками Рындина в Пермском окружке партии, между Рындиным и Шверником, явно не беря ничью сторону, видимо, надеясь в итоге оказаться на стороне победителя. Хотя в предыдущем конфликте 1925 года с руководителем Уральской области М. М. Харитоновым Севастьянов выступал более решительно и занимал более однозначную позицию (см. подробнее: [1]). Но в том случае это не грозило Севастьянову негативными последствиями, так как перевес был явно на стороне противников Харитонова. В данном случае исход номенклатурной борьбы был неясен, и Севастьянов занимал выжидательную позицию. Как отмечал председатель Пермского окрисполкома Я. А. Теумин, «фактов об участии т. Севастьянова в групповой борьбе лично у меня не было, насколько я знаю таких фактов не было и у остальных членов Бюро Окружкома» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 2). Но в результате Н. Ф. Севастьянов все равно поплатился должностью. После того как он был объявлен сторонником Рындина и Локацкова, никто из пермских партийных работников не встал на его защиту. Председатель Пермского окружного профбюро Мартынов указал: «На вопрос, может ли т. Севастьянов быть после этого руководителем организации, отвечаю — несомненно, нет». Руководство Лысьвенского райкома ставило вопрос следующим образом: «мы или Севастьянов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 3).

Недоверие между руководящими работниками уральской партийной организации было следствием существовавших политических нравов. На XV съезде партии ответственный секретарь Челябинского окружкома ВКП (б) П. И. Тиунов поделился с А. А. Гребневым своими опасениями в том, что «в разговоре с т. Севастьяновым распустил язык против Рындина, а потом пожалел об этом, опасаясь, не является ли этот разговор провокацией» и пытался выяснить у Гребнева, «какие отношения существуют между т[оварищами] Рындиным и Севастьяновым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Сам А. А. Гребнев фактически находился под негласным наблюдением. Письма, которые посылались ему из Перми, когда он был на лечении в Москве, вскрывались, «причем очень грубо». То же самое происходило с письмами, которые он посылал жене и товарищам. По мнению Гребнева, это делалось «соответствующими органами по поручению сторонников Рындина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7).

Причина неудачи заговорщиков состояла не только в том, что не существовало единства в региональной партийной номенклатуре в отношении поддержки Рындина и Локацкова, но и в том, что наметился раскол между главными заговорщиками. Видимо, они не смогли договориться о распределении властных полномочий после свержения Шверника и между ними возникли противоречия. В результате конфликта интересов тандем уральских руководителей оказался не очень прочным и фактически распался. Как отмечал В. В. Шабалин, «эта ссора, надо полагать, усложнила задачу, стоящую перед Рындиным» [6].

Кроме того, начав интриговать против Шверника, инициаторы конфликта не заручились поддержкой какой-нибудь влиятельной фигуры из центрального партийного руководства. Как отмечает Дж. Истер, в 1920-е годы сложились неформальные системы личных взаимоотношений, которые связывали региональных руководителей с представителями центра. «Ведущие члены этих систем, работавшие в центре, выражали региональные интересы. В частности, руководители провинциальных партийных комитетов обычно передавали своим покровителям в центре различные просьбы и заявляли свои позиции» [4: с. 112]. В данном случае Д. Е. Сулимов вряд ли мог стать такой фигурой, способной лоббировать интересы Рындина и Локацкова в высшем руководстве и оказывать им покровительство как в силу занимаемой должностной позиции, так и в связи с тем, что он сам совсем недавно влился в центральный партийно-советский истеблишмент и не имел должного веса. Поэтому, когда на областной партийной конференции И. П. Сапожников — ответственный секретарь Мотовилихинского РК ВКП (б) — спросил у Н. Ф. Севастьянова, «попытаются ли скомпрометировать т. Шверника на областной конференции», тот ответил, что «не посмеют, этот вопрос поднимут в Москве» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7). И действительно, после того как конфликт дошел до Москвы, на Урал для выяснения ситуации был направлен секретарь ЦК ВКП (б) С. В. Косиор. После этого три главных фигуранта конфликта были вызваны для рассмотрения вопроса в ЦК партии. На заседании были заслушаны позиции Н. М. Шверника, Ф. И. Локацкова, К. В. Рындина, а также мнение секретаря ЦК ВКП (б) С. В. Косиора о сути конфликта. По результатам разбирательства центральное руководство партии встало на сторону руководителя Уральской области. Локацкову и Рындину пришлось покаяться в своих ошибках, признав их совершенно недопустимыми, и заявить, что «дальнейшее их пребывание на Урале является совершенно нецелесообразным» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). В постановлении ЦК партии от 5 марта 1928 года предлагалось «поставить на вид проводившиеся ими в последние месяцы недопустимые методы работы и отозвать их в распоряжение ЦК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32).

По всей видимости, в Москве вопрос, еще до появления официального постановления ЦК ВКП (б), был принципиально решен в пользу Н. М. Шверника, так как, не дожидаясь выхода постановления, он выехал на Урал. Возвращение Шверника происходило в форме тайной операции. Его сторонник, ответственный секретарь Свердловского окружкома партии Я. Я. Шипов, разослал членам секретариата окружкома письмо, в котором сообщал: «В субботу выезжает из Москвы, в понедельник приедет в Свердловск секретарь Уралобкома ВКП(б) тов[арищ] Шверник. С окончательным решением ЦК по этим делам и вопросам, он и, не исключено, секретарь ЦК тов[арищ] Косиор, приедут в понедельник. Возможно, что может потребоваться определенное решение нашего Пленума по этим вопросам, как высшего органа организации столичного округа»

(ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1337. Л. 12). В связи с этим планировалось продлить работу пленума до вторника 6 марта. Я. Я. Шипов предлагал различные способы затяжки времени: «Предоставить больше вольностей в прениях, посвятить какой-нибудь вечер театру, устроить во время работы Пленума какое-либо совещание, отнюдь не осведомляя никого о действительных мотивах удлинения сроков работы Пленума» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1337. Л. 12). На закрытом заседании второго пленума Свердловского окружкома партии 6 марта 1928 года был заслушан доклад Шверника о постановлении ЦК ВКП (б) от 5 марта 1928 года и принято постановление: «Решение ЦК ВКП (б) одобрить» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1321. Л. 3).

После устранения главных инициаторов склоки была проведена работа по расформированию их клана в уральской партийной организации. Кого-то, как Н. Ф. Севастьянова и Ф. Г. Вдовина, сняли с должности и направили в распоряжение ЦК партии, кого-то перевели на другую работу, как правило, с понижением в статусе. Бывший секретарь Пермского горкома В. В. Реутов был «переброшен для работы» секретарем райкома в Курганский округ, бывший секретарь Лысьвенского райкома А. А. Просолупов был направлен в распоряжение Шадринского окружкома «на районную работу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1).

Все партийные организации Уральской области (районные и окружные) единодушно осудили действия «раскольников», выразили свою поддержку действиям обкома и решению ЦК ВКП (б). «Знающие т[оварищей] Рындина и Локацкова высказывали недоумение, т. е. “как это могли допустить себя до такого поведения авторитетные работники как Рындин и Локацков”» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 23). Высказывалось определенное сочувствие к этим заслуженным партийцам, которые были примером для уральских большевиков: «Тов[арищи] Локацков и Рындин с основания работали в Уральской организации, заслуги у них перед организацией большие и очень тяжело говорить о их проступке» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 13 об.). В то же время отмечалось, что «люди, пользующиеся таким авторитетом, как Локацков и Рындин, имеющие большие заслуги, но дошедшие до организации группировки в достижении своих личных целей [...] вполне заслуживают того наказания, как решили ЦК и Уралобком» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 14).

Партийцы Кушвинского райкома Нижнетагильского округа пришли к следующему заключению: «Тов[арищ] Локацков очевидно засиделся в области и его давно надо было перебросить на другую работу, относительно тов[арища] Рындина делается вывод, что его переоценили и сделали очень быстрое выдвигание, что пошло ему во вред и он начал себя переоценивать» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 16).

В тобольской партийной организации при обсуждении этого вопроса «имели место отдельные перегибы», связанные с нелюбимой личной характеристикой Локацкова и Рындина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1). В не-

которых партийных организациях (Мотовилиха, Чермоз и Пермь) пошли дальше и предложили для них более суровое наказание. Так, на общегородском собрании мотовилихинской парторганизации в резолюцию было внесено предложение запретить виновным в течение двух лет занимать ответственные посты [6].

Правда, в некоторых партийных организациях нетвердо знали фамилии своих областных руководителей. Так, в решении Серебрянского райкома председатель Уральского облисполкома назван Локацко (дважды) (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 9), а Нижнеивдельского — Логотсковым (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 10).

Уралобком ВКП (б) 5 апреля 1928 года в письме в ЦК ВКП (б) за подписью Шверника сообщил о том, что с последствиями склоки в уральской партийной организации покончено: «Только что закончившийся пленум Обкома прошел с большой активностью, деловитостью и сплоченностью, свидетельствуя о том, что обстановка в основном сложилась деловая, обеспечивающая дальнейшее изживание всяких групповых настроений» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1–1 об.).

Таким образом, административный ресурс у Шверника оказался весомее благодаря его московским связям, которые сформировались в бытность его секретарем ЦК ВКП (б), а также симпатии и покровительства со стороны И. В. Сталина. Шверник входил в ближайшее окружение Сталина, был членом его клана, и «генсек в начавшемся конфликте встал на сторону “своего” человека» [6]. В результате группа Рындина – Локацкова была разгромлена. Правда, наказание склочников нельзя назвать суровым. Учитывая их революционные заслуги, ЦК партии подыскал им приличные места работы. Ф. И. Локацков был назначен на достаточно высокий пост: он стал членом Президиума ВСНХ СССР, начальником Главного управления черной металлургии ВСНХ СССР [5: с. 277]. К. В. Рындин несколько месяцев занимал должность ответственного инструктора ЦК ВКП (б), а в октябре 1928 года стал председателем Московской городской контрольной комиссии ВКП (б) [5: с. 356].

В то же время этот внутриаппаратный конфликт показал слабость Шверника как регионального руководителя, который допустил склоку в области и не смог ее купировать самостоятельно. В конце концов ему удалось выйти из конфликта победителем, справиться со своими недоброжелателями, но не благодаря собственным силам, а в результате значительной поддержки со стороны центра.

Литература

1. Воробьев С. В. Партийный лидер Урала М. М. Харитонов во внутривнутрипартийной борьбе и интригах первой половины 1920-х годов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 35–49.
2. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; Октябрь, 1991. 624 с.
3. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 374 с.

4. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
5. Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): Историко-биографический справочник / сост. Ю. В. Горячев. М.: Парад, 2005. 496 с.
6. *Шабалин В. В.* «Закулисная политика» (К истории внутривнутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг. // Пермская элита: история, развитие, современное состояние. Материалы конференции. Пермь, 2003. Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259#_edn9

Literatura

1. *Vorob'ev S. V.* Partijnyj lider Urala M. M. Haritonov vo vnutripartijnoj bor'be i intrigax pervoj poloviny 1920-x godov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 4. S. 35–49.
2. *Voslenskij M. S.* Nomenklatura. Gospodstvuyushhij klass Sovetskogo Soyuza. М.: Sovetskaya Rossiya; Oktyabr', 1991. 624 s.
3. *Getti A.* Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushhaya tradiciya. М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2017. 374 s.
4. *Ister Dzh. M.* Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnyx svyazej i samoidentifikaciya e'lity v Sovetskoy Rossii. М.: ROSSPE'N, 2010. 255 s.
5. Central'nyj komitet KPSS, VKP (b), RKP (b), RSDRP (b): Istoriko-biograficheskij spravochnik / sost. Yu. V. Goryachev. М.: Parad, 2005. 496 s.
6. *Shabalin V. V.* «Zakulisnaya politika» (K istorii vnutripartijnyx konfliktov na Urale v 1920-x gg. // Permskaya e'lita: istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie. Materialy konferencii. Perm', 2003. Rezhim dostupa: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259#_edn9

S. V. Vorobyev

N. M. Shvernik's Case: the Conflict in the Leadership of the Ural Region in 1927–1928

The article describes the conflict that arose in the Ural region in 1928 between the first Secretary of the regional N. M. Shvernik on the one hand and the initiators of the conflict, the second Secretary of the regional Committee K. V. Ryndin and Chairman of the Ural regional Executive Committee of F. I. by Lukacova on the other. The context and causes of the conflict, motives and goals of its participants are shown. Identify the causes of the failure of the conspirators: the lack of unity in relation to their support of the regional nomenclature, the resulting split in the tandem of opponents N. M. Shvernika, lack of support from representatives of the Central government. Administrative resource N. M. Shvernika was more significant, thanks to his Moscow connections and patronage of Stalin. Thus, he was able to win the nomenclature struggle only thanks to the support of the center.

Keywords: Uralcom of the CPSU (b); conflict; party nomenclature; N. M. Shvernik; K. V. Ryndin; F. I. Lokotkov.

УДК 94(47)“1917/1991”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.06

Н. В. Акунов

Московская Олимпиада-80 и новый виток холодной войны

В статье рассматривается проблема использования спортивных мероприятий в качестве инструмента политического давления, развитие взаимоотношений СССР и США в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Ключевые слова: Международный олимпийский комитет; холодная война; пропаганда; оргкомитет «Олимпиада-80»; бойкот; Комитет по физической культуре и спорту при Совете министров СССР; олимпийская столица; Всемирное антидопинговое агентство.

Олимпийские игры являются одним из самых значимых спортивных событий современного мира. Это не просто состязание — это явление, затрагивающее практически все народы земного шара и имеющее древнюю, богатую событиями историю.

С самого начала своего существования Олимпиада выполняла миротворческие функции. Подтверждением этому служит древняя традиция, называемая по-гречески «экехейрия», т. е. «перемирие». Во время проведения игр запрещались войны, раздоры, конфликты как между отдельными полисами, так и между простыми людьми. В 1992 году Международный олимпийский комитет (далее — МОК) снова возродил эту античную традицию, призвав государства во всем мире соблюдать мир на время проведения состязаний.

Олимпийские игры, способствуя сближению различных стран, народов, культур, традиций, являются важной составляющей в деле борьбы за мир во всем мире через спорт, который простотой своего «языка» снимает практически все барьеры между странами. Однако, к сожалению, некоторые государства могут использовать спорт в качестве инструмента политической борьбы.

В последние десятилетия в спорте активно используются подтасовки, а изначально чистая идея мира, заложенная в международное спортивное движение, очерняется акциями, имеющими явные политические цели.

Так, зимние Олимпийские игры 2002 года в Солт-Лейк-Сити были омрачены коррупционными и допинговыми скандалами. ФБР обвинило представителей российского бизнеса в подкупе судей, благодаря чему, по версии американского следствия, золотые медали в парном фигурном катании получили российские спортсмены. Незадолго до этого канадские фигуристы, проигравшие россиянам, добились, чтобы им выдали второй комплект золотых медалей, что является беспрецедентным случаем в истории международного спорта.

В 2008 году США и европейские страны всерьез обсуждали возможность бойкота Олимпиады в Пекине в связи с обвинениями правительства КНР в нарушении прав человека, цензуре и поддержке авторитарных режимов в ряде государств (КНДР, Судан и т. д.).

Зимние Олимпийские игры 2014 года, проводившиеся в Сочи, также не обошлись без скандалов. США и страны ЕС подняли вопрос о переносе состязаний из России в другую страну в связи с событиями в Южной Осетии, когда российские миротворцы были вынуждены принять участие в боях против грузинских вооруженных сил для защиты от последних города Цхинвал в 2008 году. Несмотря на это, в Олимпиаде приняли участие сборные 88 стран, включая США.

В 2016 году началось расследование в отношении российских спортсменов, инициированное ВАДА (WADA) (Всемирным антидопинговым агентством). Его итогом стал доклад профессора Ричарда Макларена, главы комиссии ВАДА, в котором российские спортсмены обвинялись в массовом употреблении допинга при содействии государственных органов РФ (в том числе Министерства спорта). Все эти события проходили на фоне охлаждения взаимоотношений России и стран Запада в связи с добровольным присоединением Крыма к РФ весной 2014 года. В результате ряд спортсменов из России подверглись наказаниям, многим пришлось вернуть золотые медали, Олимпийский комитет России был отстранен от участия в зимних Олимпийских играх 2018 года в Пхёнчхане.

Политический протест в спорте как явление уходит корнями во времена холодной войны, когда мир был поделен на два лагеря, ведущих друг с другом идеологическую борьбу. Речь, конечно же, о социалистическом лагере и странах Запада. Наиболее ярким примером этого идеологического противостояния является ситуация, сложившаяся вокруг проведения Олимпиады 1980 года в Москве. Обратимся непосредственно к событиям, которым и посвящена данная статья.

23 октября 1974 года в Вене на 75-й сессии МОК столицей XXII летних Олимпийских игр 1980 года была выбрана Москва. Значимость этого события очевидна: впервые в истории международное спортивное состязание столь высокого класса должно было проходить в столице Советского Союза — стране победившего социализма. Подготовка к такому масштабному мероприятию началась еще до того момента, когда Москва была официально утверждена в качестве олимпийской столицы. Ключевую роль в этом сыграл С. П. Павлов, председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР. «В апреле 1969 г. Павлов собрал в своем кабинете в Скатертном переулке высших спортивных чиновников Союза. “Не пора ли подумать о проведении Олимпийских игр в Москве?” — удивил Павлов собравшихся. Это была авантюра. До сессии МОК в Амстердаме, на которой предстояло выбрать столицу Олимпиады-76, оставалось чуть больше года» [6: с. 90]. В итоге на сессии МОК 1970 года Олимпиада досталась Монреалю.

Избрание Москвы столицей будущей Олимпиады-80 воодушевило лидеров СССР, которые восприняли это как возможность продемонстрировать всему миру успехи и достижения советской модели общественного устройства. До 1952 года СССР не являлся членом Международного олимпийского движения в связи с идеологическими разногласиями со странами-организаторами. Существовало альтернативное спортивное состязание, проводимое не только в СССР, но и в других социалистических странах, — Спартакиада. Однако Советский Союз решил стать частью олимпийской семьи, чтобы продемонстрировать лучшие достижения советского спорта.

Холодная война, начавшаяся практически сразу после Второй мировой войны, к сожалению, оказала значительное влияние на спорт: международные состязания теперь были вовлечены в орбиту противостояния. Мир, поделенный на капиталистический лагерь во главе с США и социалистический лагерь во главе с СССР, вел идеологическую войну теперь уже не только на страницах газет, периодических изданий, но и на спортивной арене. Международные спортивные мероприятия использовались странами-участницами в том числе и для иллюстрации и проверки жизнеспособности политической системы, стремлении идеологически одолеть своего противника. Одна из таких задач ставилась и при подготовке Олимпиады-80, ведь еще «в 1975 году в структуре Оргкомитета “Олимпиада-80” было учреждено Управление пропаганды (начальник В. Г. Шевченко)» [3: с. 10].

До 1980 года правительство США старалось не вмешиваться в вопросы участия своей сборной в Олимпийских играх, предоставляя независимость в принятии подобных решений своему Олимпийскому комитету. Во время напряженной политической обстановки, сложившейся вокруг Олимпийских игр 1936 года в Берлине, столице Третьего рейха, дискуссии о целесообразности участия сборной США проводились между различными спортивными организациями. Но в 1980 году была совершенно иная международная обстановка.

Ситуацию усугубила начавшаяся в 1979 году война в Афганистане, на территорию которого СССР ввел свои войска. Причиной этому послужило, прежде всего, опасение со стороны СССР, что в результате внутренних распрей в Афганистане окончательно установится нелояльная к Советскому Союзу власть. Помимо этого, активную работу в регионе проводили американцы, стремившиеся распространить свое влияние, что было крайне нежелательно для СССР: «Наконец, у членов Политбюро ЦК КПСС были серьезные опасения, что прекращение помощи заставит Х. Амина повернуться лицом к США, которые после антишахской революции были вынуждены покинуть Иран и искали ему замену для размещения своих разведывательных центров вблизи южных границ СССР. Поскольку оба рассмотренных варианта действий в отношении Афганистана (продолжение оказания помощи режиму Х. Амина или прекращение ее) для Советского Союза были неприемлемыми, очевидно, под влиянием Ю. В. Андропова и Д. Ф. Устинова начала выкристаллизовываться

идея создания условий для поддержки более прогрессивного афганского лидера» [1: с. 57–58].

В январе 1980 года состоялась встреча НАТО. Госдепартаментом США был учрежден штаб группы бойкота Олимпийских игр, главой которого был назначен Нельсон Ледски.

Президент США Джимми Картер призвал бойкотировать московскую Олимпиаду. Он заявил, что после этого вопиющего случая ни он, ни американский народ не будут поддерживать идею отправки американской сборной на летние Игры 1980 года. Для того чтобы его инициатива нашла отклик, Картер стал использовать СМИ, пытаясь пробудить в американцах «эмоции» и поддержку. Несколько раз он выступал по телевидению, заявляя, что пока СССР не выведет свои войска из Афганистана, американская команда будет воздерживаться от участия в грядущем спортивном мероприятии.

В результате американский народ оказался вовлечен в процесс обсуждения возможного бойкота. Стоит отметить, что далеко не все были единодушны со своим президентом. Часть общества считала, что бойкот может негативно сказаться на проведении предстоящих Олимпийских игр 1984 года в Лос-Анджелесе. Кроме того, не было единого мнения и у государств, являющихся потенциальными политическими союзниками США. По мнению скептически настроенных к идее бойкота, если США окажутся в гордом одиночестве, то это скорее негативно скажется на их репутации, нежели окажет влияние на СССР.

Картер потребовал от всех стран, считающих себя союзниками США, проявить солидарность и присоединиться к бойкоту. В своей телеграмме президентам и премьер-министрам различных стран Картер заявил о своей вере в то, что они вместе с США должны продемонстрировать единство в противостоянии агрессии где угодно, даже в спорте. Бойкот Олимпийских игр — это конкретная мера, с помощью которой появилась возможность продемонстрировать лидерам в Советском Союзе, что демократические сообщества будут стоять вместе за то, что считают правильным. Хотя Картер указал, что его позиция была спровоцирована советской агрессией в Афганистане, а не политикой СССР в целом, тот факт, что, обращаясь к другим народам, он подчеркнул, что демократические сообщества должны держаться вместе, представлял бойкот как борьбу между демократией и коммунизмом и как очередной виток холодной войны.

Бойкот Олимпиады-80 имеет несколько более глубокие причины. Вступив в должность президента в 1977 году, Джимми Картер объявил свой главный принцип — защита прав человека как внутри страны, так и за рубежом. В связи с этим одной из причин, по которой он решился на бойкот Игр, являлось систематическое преследование советскими властями диссидентов, таких как Владимир Буковский, Андрей Сахаров и др. Также сыграла роль неудачная операция ВС США по освобождению заложников в Иране.

Тем временем в 1980 году должны были пройти зимние Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде, США. СССР, в свою очередь, не имея возможности в ответ

объявить бойкот, все же отправил на них свою сборную. Обосновывалось это тем, что они не собираются наносить удар именно по олимпийским идеалам.

На этих Играх произошел один из самых драматичных матчей в истории Олимпиады и хоккея в частности. Сборная США сумела одержать сенсационную победу над сборной СССР со счетом 4:3. Эта победа имела, конечно же, идеологическое значение, поскольку советская команда считалась явным фаворитом. В США победа воспринималась как доказательство превосходства демократического мира над социалистическим. Несмотря на это, в общем медальном зачете победа досталась сборной СССР.

В целом позиция Советского Союза в данном конфликте контрастировала с позицией и действиями США. В газете «Комсомольская правда» от 13 марта 1980 года говорилось, что «администрация Картера предприняла очередную антиолимпийскую акцию» [5: с. 92]. СССР делал акцент на том, что политика Картера бьет именно по Международному олимпийскому движению и его принципам, а не по Советскому Союзу. «О спорт, ты — мир!» — слова, которые когда-то написал Пьер де Кубертен в своей «Оде спорту», стали одним из основополагающих лозунгов во время проведения Олимпиады-80, дабы продемонстрировать разницу в позициях двух противоборствующих сторон. Официальная позиция Советского Союза показывала стремление к взаимопониманию между народами, попытке продемонстрировать миролюбивое отношение нашего государства к другим странам, в отличие от США, призывавших международное сообщество к бойкоту.

Нельзя не отметить, что с момента бойкота усиливается критика США и Запада в целом, Олимпиада-80 теперь выставляется как поле битвы между системами, идет сравнение с противостояниями из прошлого: «Спортсмены всегда помнят, что флаг, который поднимается над стадионом в минуты их побед, — это малая частица алых стягов, запольхавших над нашей страной в дни Октября. Этот флаг одного цвета со знаменем, что было водружено нашими отцами над поверженным Рейхстагом» [13: с. 41]. Таким образом, советская пропаганда того периода имеет противоречивый характер.

Из 144 стран, входивших в МОК, в СССР на Олимпиаду-80 прибыли представители 81 государства. Помимо США бойкотировали Игры ФРГ, Канада, Япония, Республика Корея, Турция, Аргентина, Китай, Израиль и т. д. Правительства Великобритании и Франции, хотя официально и присоединились к бойкоту, но разрешили некоторым спортсменам поехать в Москву и выступать под нейтральным флагом.

Бойкот вызвал, прежде всего, определенные финансовые трудности. Были приостановлены выплаты по договорам с компаниями «Эй-би-си» и «Кока-кола», перестала поступать американская продукция, на территориях США и союзных государств прекратили продажу сувенирной продукции и билетов на предстоящие Олимпийские игры. Оргкомитет «Олимпиада-80» писал в ЦК КПСС, что «в результате прямые потери Оргкомитета в свободно конвертируемой валюте

составят около 18,1 млн рублей, в том числе 13,8 млн рублей по фирмам и компаниям США» [4]. Но, невзирая на это, Олимпиада-80 все равно состоялась.

Изучая то, как освещались Игры в СМИ и реакцию на них зрителей всего мира, можно сделать вывод о впечатлении, которое произвела московская Олимпиада. В Лондоне спортивные обозреватели утверждали, что британцы не должны позволять бойкоту мешать им гордиться их победами на Играх. После того как Западная Германия присоединилась к бойкоту под руководством США, Игры больше не транслировались по немецким телеканалам. Многие граждане ФРГ стекались в Восточную Германию, чтобы понаблюдать за соревнованиями.

Президент Картер надеялся, что бойкот как удар по репутации Советского Союза побудит его вывести свои войска из Афганистана. Однако войска СССР так и не вывел, а сами Игры оказались успешными с точки зрения спортивного мастерства и уровня спортивной конкуренции. Был продемонстрирован подход советского руководства к организации подобного рода мероприятий, и в результате «Игры XXII Олимпиады стали заметной вехой в развитии олимпийского движения. Участники Олимпиады-80 до сих пор вспоминают четкую организацию соревнований и безграничное радушие москвичей» [7: с. 216].

Олимпийские церемонии и ритуалы были проведены на высоком уровне, вызвав гордость у советских зрителей. В конечном счете бойкот не смог достичь ни одной из целей, поставленных президентом Картером. Неудачи во внешней политике, включая и олимпийский бойкот, омрачили его президентство и предопределили избрание будущим президентом республиканца Рональда Рейгана.

Олимпийские игры 1980 года являются наглядным примером того, как международный спорт, изначально предназначенный для примирения наций и укрепления связей между государствами, может стать инструментом политического давления. Спортивные состязания с течением времени превратились в арену, на которой происходила битва двух систем, стремившихся продемонстрировать свое превосходство над противником бескровным путем. Невзирая на то что бойкот, организованный США и лично президентом Картером, не увенчался успехом, он предвосхитил нарастающую тенденцию все большей интеграции политики в спорт, что подтверждается сегодняшними скандалами, направленными на дискредитацию уже российских спортсменов.

Литература

1. Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн / Е. Г. Никитенко. М.: Астрель; АСТ, 2004. 362 с.
2. *Бабайцев А. В.* Московская олимпиада: торжественный марш архетипов // Человек. 2005. № 3. С. 137–144.
3. *Багдасарян В. Э.* Олимпиада-80 и олимпийский туризм через призму «холодной войны» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 10–27.

4. Вокруг московской Олимпиады 1980 года: документы из советских архивов // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-10-17/6_olimpik1980.html (дата обращения: 25.12.2018).

5. *Гуськов С. И.* Олимпиада-80 глазами американцев. М.: Физкультура и спорт, 1982. 56 с.

6. *Джанджугазова Е. А.* Москва-1980: Олимпийская мозаика // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 88–105.

7. *Долгов С. Н.* Оргкомитет «Олимпиада-80»: секреты и уроки успеха // Вестник Университета. 2013. № 10. С. 216–220.

8. *Корнеевский Д.* США хотят бойкотировать Олимпиаду // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/incidents/42607> (дата обращения: 25.12.2018).

9. *Кузнецова З. М.* Наследие Летних Олимпийских игр 1980 года // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2013. № 4 (29). С. 72–79.

10. Отстранить Россию от ОИ-2018 призвали еще 12 антидопинговых агентств // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/sport/4570335> (дата обращения: 27.01.2019).

11. Сборную России отстранили от зимней Олимпиады-2018 // BBC News/Русская служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42238663> (дата обращения: 02.02.2019).

12. *Сидорчик А.* Рыцарь и мафиози. ФБР снова охотится на Тайванчика // Аргументы и Факты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/incidents/42607> (дата обращения: 29.12.2018).

13. *Судаков В. И.* Добро пожаловать, Олимпиада! М.: Знание, 1980. 64 с.

14. *McLaren R. H.* WADA investigation of Sochi allegations. The independent person report. 18 July 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/20160718_ip_report_newfinal.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

15. *Sykes J.* Running a Political Campaign through the Olympics: Carter and the Boycott of the 1980 Summer Olympics – Department of History, Barnard College. April 2017. 76 p.

Literatura

1. Afghanistan: Ot vojny 80-x do prognoza novyx vojn / E. G. Nikitenko. М.: Astrel'; AST, 2004. 362 s.

2. *Babajcev A. V.* Moskovskaya olimpiada: torzhestvennyj marsh arxetipov // Che-lovek. 2005. № 3. S. 137–144.

3. *Bagdasaryan V. E'.* Olimpiada-80 i olimpijskij turizm cherez prizmu «xolodnoj vo-jny» // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2008. № 3. S. 10–27.

4. Vokrug moskovskoj Olimpiady 1980 goda: dokumenty iz sovetskix arxivov // Ne-zavisimaya gazeta. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-10-17/6_olimpik1980.html (data obrashheniya: 25.12.2018).

5. *Gus'kov S. I.* Olimpiada-80 glazami amerikancev. М.: Fizkul'tura i sport, 1982. 56 s.

6. *Dzhandzhugazova E. A.* Moskva-1980: Olimpijskaya mozaika // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2008. № 3. S. 88–105.

7. *Dolgov S. N.* Orgkomitet «Olimpiada-80»: sekrety i uroki uspexa // Vestnik Univer-siteta. 2013. № 10. S. 216–220.

8. *Korneevskij D.* SShA xotyat bojkotirovat' Olimpiadu // Vzglyad. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.aif.ru/incidents/42607> (data obrashheniya: 25.12.2018).

9. *Kuznecova Z. M.* Nasledie Letnix Olimpijskix igr 1980 goda // Pedagogiko-psixologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury i sporta. 2013. № 4 (29). S. 72–79.

10. Otstranit' Rossiju ot OI-2018 prizvali eshhe 12 antidopingovyx agenstv // TASS. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/sport/4570335> (data obrashheniya: 27.01.2019).

11. Sbornuyu Rossii odstranili ot zimnej Olimpiady-2018//BBC News/Russkaya sluzhba. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42238663> (data obrashheniya: 02.02.2019).

12. Sidorchik A. Rycar' i mafiozi. FBR snova oxotitsya na Tajvanchika // Argumenty i Fakty. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.aif.ru/incidents/42607> (data obrashheniya: 29.12.2018).

13. *Sudakov V. I.* Dobro pozhalovat', Olimpiada! M.: Znanie, 1980. 64 s.

14. *McLaren R. H.* WADA investigation of Sochi allegations. The independent person report. 18 july 2016. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/20160718_ip_report_newfinal.pdf (data obrashheniya: 02.02.2019).

15. *Sykes J.* Running a Political Campaign through the Olympics: Carter and the Boycott of the 1980 Summer Olympics – Department of History, Barnard College. April 2017. 76 p.

N. V. Akunov

Moscow Olympic Games 1980 and New Stage of the Cold War

The article concerns the questions of considering sports events as a lever of political pressure as well as evolution of political relationships between USSR and USA at the end of 1970 – beginning of 1980.

Keywords: International Olympic Committee; cold war; propaganda; organizing Committee «Olympic-80»; boycott; Committee for Physical Culture and Sport at the Council of Ministers of the USSR; Olympic capital; ideological war.

УДК 94(3)

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.07

Т. А. Шеркова

Сакральная архитектура додинастического и раннединастического Египта

Статья посвящена изучению сакральных объектов додинастического и раннединастического Египта в аспектах социокультурной жизни Египта. К их числу относятся святилища и храмы богов, погребения вождей и царей. Специальный интерес представляют святилища на лодках, связанные с мифологическими представлениями и ритуалами.

Ключевые слова: святилище; храм; дворец; элитарные погребения; святилище на лодках; миф и ритуал.

Процесс сложения Раннего государства в Египте был длительным, включая этапы постпотестарных вождеств, племенных союзов и завоеваний на протяжении додинастического и раннединастического времени. Собираение египетских земель имело вектор с юга на север, вдоль Нила, когда в IV тысячелетии до н. э. в Южном Египте распространилась культура Нагада, в то время как в Северном Египте существовал Буто-Маадийский культурный комплекс. Это движение культуры Нагада началось еще на первой, амратской фазе, а к концу додинастического и рубежу протодинастического и раннединастического времени Буто-Маадийский культурный комплекс Низовья был ассимилирован культурой Нагада, хотя окончательное завоевание Дельты произошло позднее, при II династии.

Прототипом Раннего государства было крупное локально-территориальное образование Нехен (греч. — Иераконполь, совр. — Тель-эль-Ахмар), к которому присоединилось не менее мощное вождество в Абидосе, куда сместился политический центр при двух первых династиях. Тем не менее Иераконполь

оставался важнейшим религиозным центром Египта, ибо здесь существовал культ обожествленного вождя-первопредка Хора в образе сокола, к которому восходили цари Египта, добавляя свои имена к имени Хора в пяти великих именах правящих фараонов. Это каноническое царское имя, стоящее на первом месте в царской титулатуре, выписывалось в знаке *srh* (рис. 1), символизирующем фасад сакрального сооружения, — храма или дворца, на котором восседал сокол. Исключением является увенчанное фигуркой сокола изображение знака *srh*, в которое не вписано имя царя. Возможно, это и есть первое изображение имени Хора — легендарного обожествленного предка Хора-сокола (хранится в Метрополитен-музее).

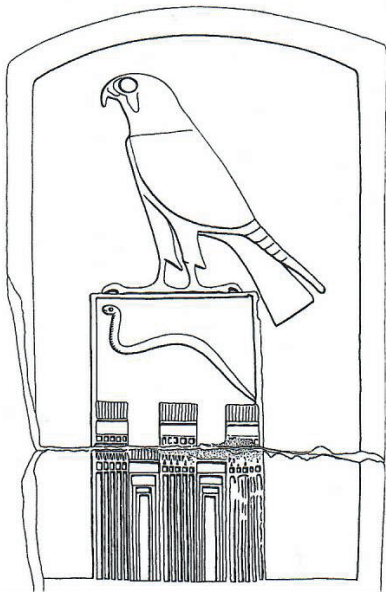

Рис. 1. Имя Хора-Джета.

I династия (Kemp В. J. Ancient Egypt. Anatomy of Civilization. L., 1991, fig 10, p. 38)

Фасад сооружения (*palas-fasade*) представлял собой нишевидную стену, и такие изображения известны по многочисленным раннединастическим изобразительным и археологическим памятникам. Этот архитектурный стиль был связан с царским дворцом и являлся символом царской власти [20: p. 55]. Но каковы истоки этой архитектуры? Они восходят к традиции легких построек, сооруженных из переплетенных веток, дерева и тростниковых циновок в виде круга (шара), округлой формы в раннединастическое время и в виде прямоугольника, параллелепипеда в период Нагада II. С развитием социальной иерархии и возвышением аристократических родов, от которых происходили вожди и цари первых династий, произошли существенные трансформации. Связанные с царской властью архитектурные сооружения возводили из необожженного кирпича и камня, которые украшали, имитируя орнамент на плетеных циновках.

Нишевидные стены (подобные конструкциям с контрфорсами для большей их устойчивости) возводили на царских объектах — дворцах, наземных (мастабах) и подземных помещениях (в погребальных камерах) гробниц, а также применяли при возведении обводных стен святилищ и храмов. Достаточно обратиться к материалам раскопок царских некрополей в Нагаде, Абидосе (Умм эль-Кааб), чтобы увидеть устойчивость этой традиции. Дворцы и храмы оформляли таким образом, что глубина ниш была небольшой, в то время как стены погребений и окружающие святилища были значительно толще. Наиболее ранняя нишевидная стена происходит из некрополя в Умм эль-Каабе близ Абидоса, датированная Нагадой IIIA1, ок. 3200 г. до н. э. [13: p. 99]. Нишевид-

ной стеной обнесен хрестоматийно известный погребальный комплекс царя III династии Джосера в Саккаре. В символическом аспекте обводные стены дворцов и храмов наделялись защитной функцией, поскольку они обособляли священную личность владыки.

Ядром додинастического города в Иераконполе был церемониальный центр, существовавший на протяжении нескольких фаз культуры Нагада, о тфаз Пб–Пд до фазы III протодинастического времени (ок. 3300–3200 гг. до н. э.)¹ и даже в начале Раннего царства. Здесь проводили ритуалы, посвященные культу правителей, центральным моментом которых было жертвоприношение животных. Это святилище было сооружено в честь бога Хора, земным воплощением которого считался царь. Позднее было построено другое святилище Хора, ближе к Нилу, где отправлялся царский культ начиная с I династии, просуществовавшее до Среднего царства включительно. Отсюда происходят ритуальные предметы, самыми известными из которых является палетка царя I династии Нармера, его булава, как и булава царя Скорпиона, покрытая рельефными сюжетными изображениями. Эти и другие многочисленные votivные предметы I династии находились в тайниках, относящихся к более поздним строительным горизонтам храма².

Одним из существенных факторов двуединства Египта является пара древнейших святилищ. В Низовье это было сакральное сооружение *pr-nsr* , а в Верхнем Египте оно имело иное название и форму — *pr-wr* [11: р. 494, Sect. O 19, 20]. Визуально нельзя не отметить различия между ними. Если *pr-nsr* представляло собой сооружение со сферической крышей, возвышавшейся над прямоугольной конструкцией, то *pr-wr* напоминает шалаш, опирающийся одной стороной на высокий столб. Однако дело обстоит гораздо сложнее. Многочисленные изображения раннединастического времени, происходящие от памятников Верхнего Египта, представляли собой легкую постройку из деревянных планок и тростниковых циновок в виде животного, которого, вслед за Ф. Питри, египтологи идентифицируют как шакала. Такие воплощения на цилиндрических печатях, деревянных и изготовленных из кости табличках не уникальны.

На печатях из Абидоса изображены святилища в форме условного воплощения шакала [22: pl. XVI, р. 114–117; pl. L]. В древнейшем абидосском храме (А) был найден фрагмент сосуда с процарапанным изображением шакала,

¹ Раскопки последних лет показали, что святилище было еще большим. На смежном участке (НК25) были обнаружены следы колонного зала размером 20 × 8 м, датированного Нагадой ПС-D. Ниже был раскопан еще один строительный горизонт. В слое чистого песка найдены предметы времени Нагада IA [18: р. 1, 13–15, 24].

² Подобные тайники, или депозиты, с раннединастическими изделиями найдены в храмах Иераконполя, Абидоса, Элефантины и Телль Ибрагим Авада в более поздних строительных горизонтах. Подробно, со ссылками на литературу см.: [3]. Такие депозиты, сооруженные под новыми зданиями храмов, считаются одним из видов жертвоприношения [1: с. 26–27].

которого Ф. Питри, проводивший раскопки храма, идентифицировал как бога Хентиментиу-Упуаута [22: р. 29]. Это граффити на предмете ритуальной утвари маркирует культовую принадлежность раннего храма в Абидосе. Храм был посвящен богу Хентиментиу — «(тот, кто) во главе западных» (Pug, Utt. 412, § 727; Utt. 483, § 1015), который слился с Упуаутом («открыватель путей»), также воплощавшемся в образе шакала. На ритуальных предметах прото-, раннединастического времени в сценах победоносных шествий вождя/царя изображали шакала и сокола, увенчивающих штандарты. В контексте собирания территорий Египта, исходящего из южных районов, Иераконполя и Абидоса, такое сочетание вполне уместно. В религиозно-мифологическом осмыслении исторических фактов в Мемфисском трактате Хор наделен эпитетами Упуаута: «шакал Верхнего Египта» и «открыватель путей» [21: р. 56, note 4].

Р. Фридман полагает, что при I династии форма древнего святилища Южного Египта значительно изменилась [8: 33 fig. 13] (рис. 2) и различия между нижнеегипетским и южноегипетским сакральными строениями ограничивались деталями. Их фасады с четырьмя изящными колоннами поддерживали сферические крыши. Изначально сооружения были деревянными, а пространства между колоннами, включая вход, закрывали циновками. В церемониальном центре Иераконполя (участок НК29А) основное храмовое строение было каменным и достигало значительных размеров (согласно реконструкции — 20 м в длину при высоте колонн более 11 м).

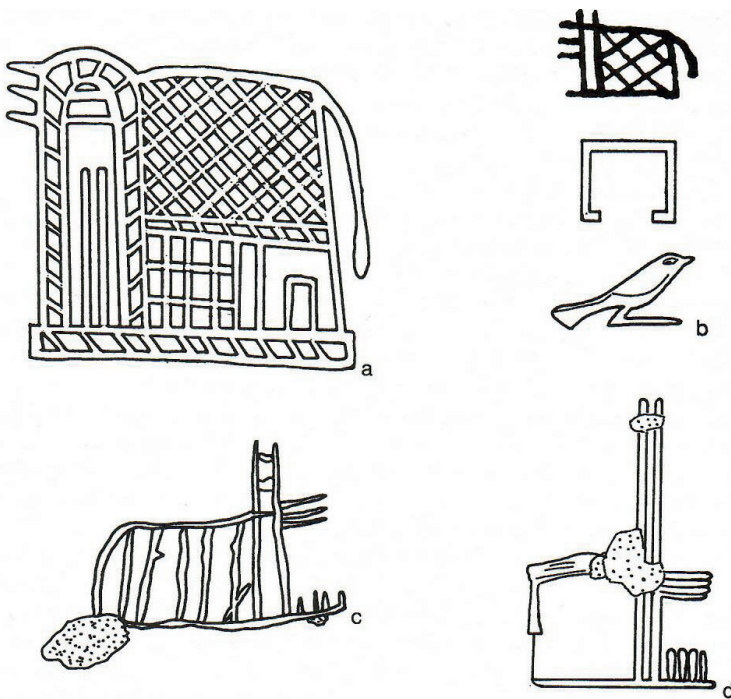

Рис. 2. Трансформация святилища *pr-wr* (Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality НК29А // *Aspects of Early Egypt*. L., 1996, fig. 13).

Р. Фридман считает, что именно это святилище изображено на ритуальной булаве царя I династии Нармера, где он восседает на троне, к которому ведут ступени (рис. 3). Проводится какая-то церемония. Перед владыкой изображены крытые носилки с сидящей фигурой, пол которой неясен. Возможно, это сцена брака Нармера. Вместе с тем позади носилок изображены три мужские фигуры, заключенные между знаками в виде полумесяца — *dnbw*, по три в вертикальном направлении, которые изображали в сценах ритуального бега царя во время царского праздника *sd*. Далее справа изображено святилище Нижнего Египта с цаплей на сферической крыше и с символикой нижеегипетской богини Нейт. Под святилищем представлены травоядные жертвенные животные, окруженные стеной.

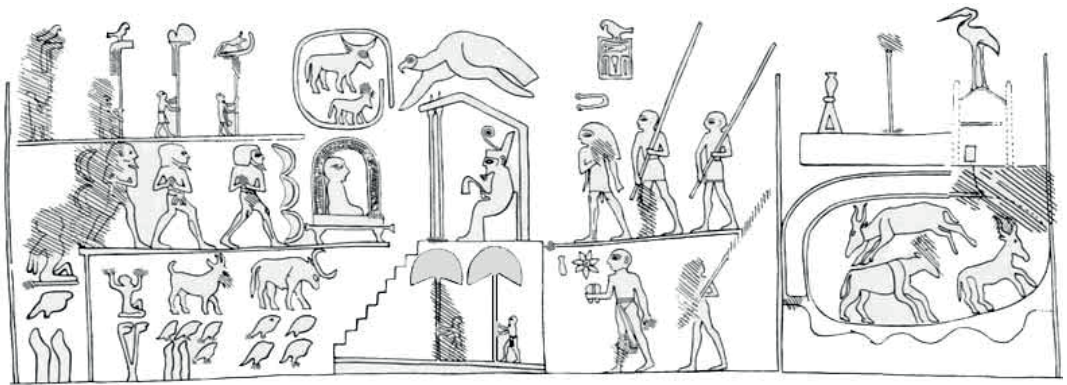

Рис. 3. Развертка булавы Нармера (Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality НК29А // Aspects of Early Egypt. L., 1996, fig. 12).

Вопрос о том, почему на булаве Нармера, где изображены ритуалы, происходящие в Иерконполе, представлен храм Низовья, может, как представляется, иметь следующее объяснение. В честь праздника, посвященного царю всего Египта Нармеру, жрецы из святилища богини Нейт прибыли на торжества, привезя с собой животных, которых принесли в жертву, что являлось важнейшим элементом ритуалов. В этой связи вспомним еще одну композицию, где также изображен нижеегипетский храм с символом богини Низовья Нейт. Это деревянная табличка царя I династии Хора-Аха, происходящая из его погребения в абидосском царском некрополе (рис. 4). Здесь также изображено святилище Нейт и приготовленный для жертвоприношения бык. Регистром ниже плывет череда лодок, на которых находятся небольшие постройки, — пара кабинок, представленных в серии расписной керамики типа D с плывущими лодками, относящейся к периоду Нагада II.

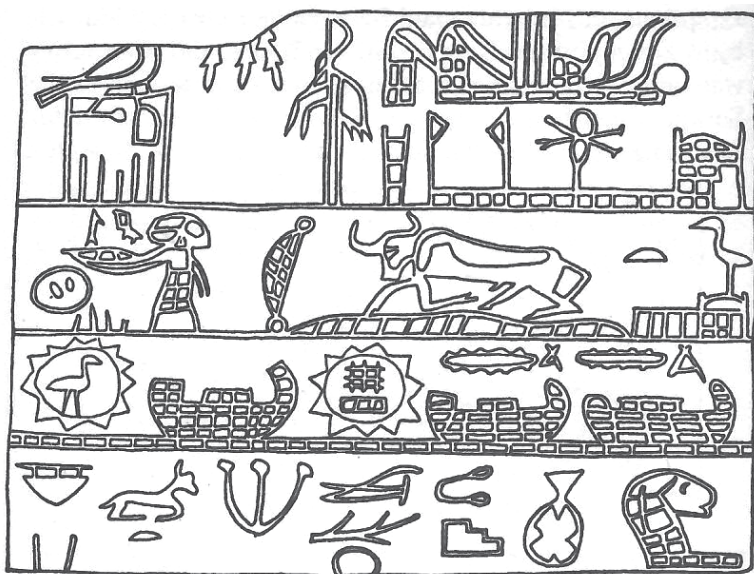

Рис. 4. Деревянная табличка царя Хора-Аха (A. J. Spencer. Early Egypt. *The Rise of Civilisation in the Nile Valle.* L., 1993, p. 65, fig. 44).

Редкие изображения лодок и сооружений в виде пары кабинок на них относятся еще к этапу Нагада I (тип C) [24: p. 174, fig. 1], однако лишь в период Нагада II на расписных сосудах типа D с лодками представлены композиции, включающие в себя архитектурные элементы. Так, вокруг горлышка сосуда нанесен орнамент в виде ритмически чередующихся прямоугольников, с сетчатым орнаментом и без него. Эта роспись имитирует фасад и вход в святилище на овальном дворе, окруженном стеной в Иераконполе [12: p. 440–441, fig. 4].

Однако основной сюжетный декор покрывает тулово сосуда и представляет собой ритуализированный миф, где плывут лодки с кабинками, сооруженными из легких материалов. Что же может связывать архитектурный декор и сцены на воде? Пара симметричных кабинок занимает центральную часть пространства внутри лодок, между ними иногда схематично изображен мостик (или пол, поэтому это могла быть единая постройка); над одной кабинкой возвышаются штандарты с символами номовых богов в виде животных или геометрических фигур, их символизирующих. Главными композиционными элементами являются женские, реже мужские персонажи [6: p. 174–175]. Следует отметить, что среди известных сосудов типа D практически невозможно найти даже пару абсолютно тождественных по рисунку (см., например, [15: p. 31–45]). Тем не менее в сценах представлены несколько мотивов. Основными персонажами являются стилизованные женские танцующие фигурки с дуговидно поднятыми руками, имитирующими рога коровы. Это сочетание характерно для женских статуэток периода Нагада II. К тому же на некоторых экземплярах вместо человеческого лица изображена птичья мордочка [6: p. 179].

Среди женских фигурок по размерам превалирует одна. Этот феминный образ восходит к первобытному образу Великой Матери, который, видоизменяясь, существовал в додинастическое время и стал прообразом великих богинь Древнего Египта с символикой коровы: Бат, Нут, Исида, Хатхор и др. Ее женские, материнские, функции кормления, родов, защиты, а также иконография, в том числе в синкретическом образе женщины с элементами птицы, змеи и коровы (голова, рога и уши которой увенчаны звездами), указывают на многоаспектность феминного образа (будущей небесной Нут).

Собственно говоря, сосуд — это предмет, непосредственно связанный с феминным образом как ее символический синоним (тело-сосуд) и водная стихия (лоно-вместилище). Дающий жизнь женский персонаж с символикой коровы в додинастический период играл доминирующую роль в картине мира как божество космическое, поэтому, как представляется, на сосудах с лодками запечатлена мифологическая картина мира, связанная с феминным началом, играющим роль в становлении солярных представлений в образе быка, в честь которого происходили ритуальные танцы [4: с. 52–53].

Водное пространство, в котором происходят действия, ассоциировано с женским началом. Поэтому столь убедительными являются факты и выводы о причастности богини-коровы к ежегодным сезонным подъемам Нила, когда в Египте наступал новый год, к встрече которого приготавливали большое количество пива. Этот праздник, в письменный период посвященный богине Хатхор, существовал уже в период Нагада II–III. Для данной статьи интерес представляет тот факт, что во время церемонии жрецы выносили статую богини во двор посвященного ей храма в Дендере и устанавливали ее на киоск-святилище [17: р. 297]. Из этого следует, что киоск представлял собой храмовое сооружение, прототипы которого восходят к додинастическому/раннединастическому времени. И композиции на расписных сосудах типа D связаны с мифологическими представлениями, отраженными в ритуальной практике.

Известны и другие интерпретации, согласно которым женские фигурки, чьи воплощения комбинируют женский образ, черты коровы и птицы на расписной керамике D, причастны к погребальному обряду и обновлению. Лодки должны рассматриваться как погребальные и/или суда богов, в то время как женские фигурки, представленные над/на них, символизируют жизнь [14: р. 76–77]. Разумеется, образ богини (как и других божеств) был амбивалентным. Одним из ее символических синонимов была могила (как лоно), в которой умерший возрождается.

Однако сцены на сосудах типа D с лодками и святилищами на них, на наш взгляд, имеют совершенно иной смысл. Мотивы танцев и иерогамии указывают на представления о плодородии и плодовитости. Рядом с богиней находится мужской персонаж. Они стоят в сооружении под балдахином над кабинкой (рис. 5), которую можно интерпретировать как святилище, построенное из легких материалов. Что это, если не священный брак, символизирующий процветание

социума, символизированное межгендерным союзом богини-коровы, возможно, с социальным лидером? Мотив плодородия усилен итифаллическими фигурками, изображенными на ряде сосудов, а также включением в композиции пышной растительности, копытных животных и водных птиц. Это мотив целостности мира, единства мира богов и людей, отраженный в ритуалах и ритуальных предметах, к числу которых относятся расписные сосуды типа D с лодками.

Рис. 5. Сцена иерогамии на сосуде типа D (Шеркова Т. А. Модель мира Древнего Египта. М.: Rosetta stone, 2018, рис. 4).

Сцена с плывущими лодками и постройками на них представлена на полихромном панно из крупного погребения № 100 (5,85 × 2,85), стены которого сложены из сырцового кирпича. Раскопано оно в 1898–1899 годах Ф. В. Грином в могильнике НК30G Иераконполя [23: р. 20–22, р. l. LXXV–LXXIX] (рис. 6). Панно длиной около 5 м нанесено на штукатурку, окрашенную желтовато-кремовым цветом, сходным с мергелистыми глинами, из которых изготавливали расписные горшки типа D. Как и на сосудах, здесь изображены плывущие лодки с легкими сооружениями на них, однако в композицию включены иные сцены и образы, связанные со сражениями и охотой. И хотя скелета в погребальной камере не обнаружено, судя по размерам и тщательному приготовлению

могилы с использованием сырцового кирпича, совершенно ясно, что погребение принадлежало социально значимой персоне, вождю или царской особе Иераконполя. Следовательно, в целом речь может идти об описании изобразительными средствами жизненного пути социального лидера, связанного с его победами. До недавнего времени это погребение считалось самой ранней из элитарных могил, датированной фазой Нагада IIС (ок. 3500 г. до н. э.).

Рис. 6. Панно из гробницы № 100 в Иераконполе (Egypt. The World of the Pharaohs. Köln, 1998, fig. 26).

Однако в последние годы в результате широкомасштабных раскопок в Иераконполе были обнаружены некрополи для социальной элиты предшествующего периода — Нагада IIВ (на 200 лет раньше гробницы № 100), и среди крупных погребений выделяется целый погребальный комплекс (№ 23, НК6), в центре которого находилась могила правителя Иераконполя, окруженная погребениями животных: слона, собак, кошки, гиппопотама, обезьян, крокодила. Погребение вождя/царя имело наземную конструкцию, крыша которой опиралась на деревянные столбы, по четыре с каждой из двух противоположных сторон. В нескольких метрах от погребения находилась заупокойная часовня, окруженная оградкой со следами красной краски [10: р. 41].

Наземная погребальная архитектура культуры Нагада II имела много общего с храмовыми строениями, в частности с рассмотренными выше, раскопанными в последние годы новыми участками церемониального центра Иераконполя. Это стоящие в два ряда столбы, между которыми проходил коридор. Строение покрывали плоской крышей из легких материалов, как и промежутки между столбами [10: р. 43–44, fig. 2.21]. Такая же комбинированная конструкция из дерева и легких материалов применялась при строительстве святилищ, что было унаследовано от неолитических хижин. По периметру круглых и по сторонам прямоугольных домов устанавливались бревна, как и в центре, внутри них. Крыша и стены покрывались легкими материалами. Впоследствии, в период Нагада II, для возведения святилищ, покоев вождей/царей, их погребений использовали сырцовый кирпич и дерево, камень. Однако на лодках устанавливали киоски, имеющие сакральное значение, сооруженные из легких материалов, что вполне понятно с точки зрения их веса.

Трактовки изображений на панно из погребения № 100, основательно отличающихся от нанесенных на сосуды типа D, представлены в многочисленных статьях. В рамках данной статьи мы должны ограничиться интерпретацией мотивов, непосредственно связанных со святилищами на лодках. Из шести лодок серповидной формы, какие представлены на расписной керамике типа D, лишь одна, окрашенная черной краской, отличается по наличию высокого носа. Однако если сопоставить ее с изображениями на расписной керамике типа D, то, как представляется, различия коснутся одной детали. На керамике нос увенчан высокой пышной веткой растения, а на панно он стилизован. В контексте нахождения панно в могиле, эта лодка предназначена для плаванья в мир иной. В качестве наследия додинастической и раннединастической традиции этот способ перехода в страну мертвых сохранился в фараоновское время. Об этом свидетельствуют Тексты Пирамид, в которых говорится о переправе царя в загробный мир на лодке (Pyr. Utt. 270, § 383–385) или на крыле птицы (Pyr. Utt. 270, § 387). По мнению М. Лихтхейм, переправа совершалась по воде, разделяющей небо и землю [21: р. 35, note 1]. Многочисленные воплощения лодок, на которых перевозили умершего царя на западный берег Нила, где находились пирамиды, а также захоронение погребальных кораблей

возле них (например, у пирамиды царя IV династии Хеопса), свидетельствуют об органической преемственности этой традиции.

На черной лодке панно установлен один киоск-святилище, перед которым сидит человек. Другой объект с овальной крышей и горизонтальной платформой предназначен для тела умершего [5: р. 40, fig. 44e]. Иконографически эта лодка близка к одному из петрографических изображений из окрестностей Ком-Омбо, расположенного напротив Иераконполя, на восточном берегу Нила. Это судно находилось среди других изображений серповидных лодок с кабинками, одна из которых была со сферической крышей. Эти рисунки датируются также периодом Нагада IIС (?) [19: р. 94, fig. 1].

На другой лодке на панно с парой святилищ воплощена важнейшая часть обряда, связанного с персоной, занимающей самое высокое положение в социальной иерархии, вождем или царем Иераконполя. На правой кабинке возвышается наос, в котором совершается ритуальный бег во время царского праздника *sd* (рис. 7). Истоки его восходят к эпохе сложения вождеств, когда авторитет социального лидера подтверждал легитимность своего правления [2: с. 79].

Рис. 7. Фрагмент панно (Egypt. The World of the Pharaohs. Köln, 1998, fig. 25).

Эти два важнейших события в жизни не только правителя, но и всего социума проходили как ритуалы перехода: прижизненное возобновление функций вождя/царя и уход его в иной мир. И оба ритуала изображены на панно в могиле в контексте многих образов и действий, имеющих символический характер. Сложная композиция панно — это своего рода биография анонимного иераконпольского вождя, или царя, оформленная в стиле, присущем мифологическому сознанию.

Наскальные рисунки с лодками и святилищами на них, относящиеся к раннединастическому времени, обнаружены на значительной территории,

от Ком-Омбо до Асуана. К числу наиболее поздних наскальных изображений относятся изученные в Наг эль Хамдулаб близ Асуана, которые датируются временем правления царя Скорпиона и Нармера (3200–3100 гг. до н. э.). Лодки с парой святилищ на них, которые являются основными изображениями в сценах победы лидера над противником, символизируют силу и могущество царя [16: р. 1071–1075, fig. 2, 8]. В современной египтологии все чаще высказывается точка зрения о метафорическом значении лодок. Лодки символизируют социум, объединенный лидером, а говоря шире, победу космического порядка над хаосом [24: р. 174–180].

Много позднее многочисленные деревянные модели Древнего царства, хранящиеся в Каирском музее, воплотили эту часть погребального ритуала — переправу умершего царя на запад, который отождествлялся с миром мертвых.

Итак, мотив плывущих лодок с сакральными постройками-святилищами на них многоаспектен. Водное пространство играло особую роль как в контексте мифологических представлений, так и в ритуальной практике. Проанализированные археологические объекты, расписные сосуды типа D, панно из гробницы № 100, наскальные изображения относятся к длительному времени, от Нагада I–II до прото-, раннединастического этапа культуры Нагада II–III. С культурно-исторической точки зрения этот период означал переход к Раннему царству и сложение его, что, разумеется, отражалось в искусстве, неотделимом от религиозно-мифологических представлений. Однако в разных контекстах мы видим мифологическую основу, отраженную в ритуалах, регламентирующих жизнь общества, стоящего на пороге становления первого государства и на ранних его этапах.

Сакральные постройки маркировали центр организованного пространства, символизируя место творения мира. Сама священная архитектура является моделью мироздания. Это центр организованного пространства, космос, противостоящий хаосу, который отодвигается все дальше на периферию.

И святилище, и храм, и погребальный комплекс социального лидера являлись местом проведения ритуалов, которые всегда направлены на разрешение каких-то важных для социума ситуаций, на восстановление порядка, в чем проявлялась творческая функция ритуала, соотносимого с первым днем миротворения. Именно поэтому священное связано с ритуалами.

Особую роль играло водное пространство в представлениях древних египтян. Это образ космический, ибо небесная сфера представляла собой водное пространство, связанное с женским началом, — Великой Матерью, персонафицированной богиней Нут в облики женщины-коровы, а равно и Нил, причастный к началу мускулинному, производящему, ассоциированному с образом Осириса. Как и мотив плавания лодок со святилищами-кабинками, эти представления соотносятся с древнейшим мифом о поднявшемся из вод светящемся холме. В Текстах Пирамид приветствуется солнечный бог, который поднялся в имени его холм (ТП § 1587a-d). Буквальное прочтение этого

пассажа актуализирует выход из космических вод первобытного сияющего холма. Этот центр мироздания символизирован сакральным сооружением додинастического и раннединастического времени, возведенным на высокой насыпи святилища, как в религиозном центре Иераконполя.

Литература

1. Линч А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
2. Матье М. Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М.: Восточная литература, 1996. С. 71–91.
3. Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в Дельте Нила. М.: Алетея, 2002. 188 с.
4. Шеркова Т. А. Модель мира древнего Египта. М.: Rosetta stone, 2018. 240 с.
5. Adams B., Cialowicz K. M. Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1988. 71 p.
6. Catalog of objects // Before the Pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago Publications, 2011. Vol. 33. P. 159–221.
7. Friedman R. The cemeteries of Hierakonpolis // Archeonil, 2008 P. 20–29.
8. Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
9. Friedman R. The early cemetery at Hierakonpolis: an overview // Recent discoveries and latest researches in egyptology // The Proceedings of the first Neapolitan congress of Egyptology. Archaeopress publishing LTD. Oxford, 2010. P. 67–86.
10. Friedman R. Hierakonpolis // Before the pyramids: the origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental institute museum publication, 2011. Vol. 33. P. 33–44.
11. Gardiner A. Egyptian grammar. L.: Oxford university press, 1950. XVI, 646 p.
12. Graff G., Eyckermann M., Hendrickx S. Architecture elements on decorated pottery and the ritual presentation of the desert animal // Egypt at its origins. Proceedings of the Third International Conference. London, 27th July – 1st August 2008. Leuven; Paris; Walpole; MA, 2011. P. 437–466.
13. Hendrickx S. Arguments for an Upper Egyptian origins of the palasee-fasade and the serech during late dynastic-early dynastic times // Göttinger Miszellen. 2001. Vol. 184. P. 85–110.
14. Hendrickx S. Iconography of the predynastic and early dynastic periods // Before the Pyramids Before the Pyramids: the origins of Egyptian civilization. P. 75–81.
15. Hendrickx S. Checklist of predynastic «Decorated» pottery with human figures // Cahiers Caribéens d'Égyptologie, 2002. N 04 ¾ février/mars. P. 29–50.
16. Hendrickx S., Darnell G. C., Gatto M. C. The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // Antiquity: Antiquity Publications LTD, 2012. Vol. 86. P. 1068–108.
17. Jensen V. Predynastic precursors to the Festival of Drunkenness: beer, climate change, cow-goddess, and the ideology of kingship // Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists. Florence Egyptian museum, 23–30 August 2015. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2017. P. 296–307.
18. Hikade T. Origina of resent architecture at Hierakonpolis HK29B and HK25 // Egypt at its origins. The Third International Colloquium on Predynastic and Early Dynastic Egypt. The British Museum, London 27th July – 1 August 2008. L., 2011. P. 81–107.
19. Huyge D. The Painting Tomb, rock art and the recycling of Predynastic Egyptian imagery // Archeonil, 2014. N 24, janvier. P. 93–102.

20. *Kemp B.* Ancient Egypt: anatomy of a civilization. London-New York: Routledge, 2006. 437 p.
21. *Lighthelm M.* Ancient Egyptian Literature. V. I. L. Berkly; Los Angeles; London: University of California press, 1975. 245 p.
22. *Petrie F. W. M.* *Abydos. Pt. II. L.* The Egypt exploration fund, 1903. Vol. 37. 56 p.
23. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis II // Egypt Research Account, Vol. V. London: Bernard, 1902. 200
24. *Vanhulle D.* Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethno-archaeological approach // Journal of ancient Egyptian interconnections. 2018. Vol. 17 (March). P 173–187.

Literatura

1. *Linch A.* Obryady perexoda. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 198 s.
2. *Mat'e M. E'.* Xeb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii) // Izbrannye trudy po mi-fologii i ideologii Drevnego Egipta. M.: Vostochnaya literatura, 1996. S. 71–91.
3. Drevneegipetskij xram v Tell' Ibragim Avade: raskopki i otkrytiya v Del'te Nila. M.: Aleteya, 2002. 188 s.
4. *Sherkova T. A.* Model' mira drevnego Egipta. M.: Rosetta stone, 2018. 240 s.
5. *Adams B., Cialowicz K. M.* Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1988. 71 p.
6. Catalog of objects // Before the Pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago Publications, 2011. Vol. 33. P. 159–221.
7. *Friedman R.* The cemeteries of Hierakonpolis // Archeonil, 2008 P. 20–29.
8. *Friedman R.* The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
9. *Friedman R.* The early cemetery at Hierakonpolis: an overview // Recent discoveries and lasted researches in egyptology // The Proceedings of the first Neapolitan congress of Egyptology. Archaeopress publishing LTD. Oxford, 2010. P. 67–86.
10. *Friedman R.* Hierakonpolis // Before the pyramids: the origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental institute museum publication, 2011. Vol. 33. P. 33–44.
11. *Gardiner A.* Egyptian grammar. L.: Oxford university press, 1950. XVI, 646 p.
12. *Graff G., Eyckermann M., Hendrickx S.* Architecture elements on decorated pottery and the ritual presentation of the desert animal // Egypt at its origins. Proceedings of the Third International Conference. London, 27th July – 1st August 2008. Leuven; Paris; Walpole; MA, 2011. P. 437–466.
13. *Hendrickx S.* Arguments for an Upper Egyptian origins of the palasee-fasade and the serech during late dynastic-early dynastic times // Göttinger Miscellen. 2001. Vol. 184. P. 85–110.
14. *Hendrickx S.* Iconography of the predynastic and early dynastic periods // Before the Pyramids Before the Pyramids: the origins of Egyptian civilization. P. 75–81.
15. *Hendrickx S.* Checklist of predynastic «Decorated» pottery with human figures // Cahiers Caribéens d'Égyptologie, 2002. N 04 ¾ février/mars. P. 29–50.
16. *Hendrickx S., Darnell G. C., Gatto M. C.* The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // Antiquity: Antiquity Publications LTD, 2012. Vol. 86. P. 1068–108.
17. *Jensen V.* Predynastic precursors to the Festival of Drunkenness: beer, climate change, cow-goddess, and the ideology of kingship // Proceedings of the XI International

Congress of Egyptologists. Florence Egyptian museum, 23–30 August 2015. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2017. P. 296–307.

18. *Hikade T.* Origina of resent architecture at Hierakonpolis HK29B and HK25 // Egypt at its origins. The Third International Colloquium on Predynastic and Early Dynastic Egypt. The British Museum, London 27th July – 1 August 2008. L., 2011. P. 81–107.

19. *Huyge D.* The Painting Tomb, rock art and the recycling of Predynastic Egyptian imagery // *Archeonil*, 2014. N 24, janvier. P. 93–102.

20. *Kemp B.* Ancient Egypt: anatomy of a civilization. London-New York: Routledge, 2006. 437 p.

21. *Lighthelm M.* Ancient Egyptian Literature. V. I. L. Berkly; Los Angeles; London: University of California press, 1975. 245 p.

22. *Petrie F. W. M.* *Abydos*. Pt. II. L. The Egypt exploration fund, 1903. Vol. 37. 56 p.

23. *Quibell J. E., Green F. W.* Hierakonpolis II // Egypt Research Account, Vol. V. London: Bernard, 1902. 200

24. *Vanhulle D.* Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethno-archaeological approach // *Journal of ancient Egyptian interconnections*. 2018. Vol. 17 (March). P 173–187.

T. A. Sherkova

Sacral Architecture of Predynastic and Early Dynastic Egypt

The paper is devoted to the sacral object of predynastic and early dynastic Egypt in main aspects of social and cultural life of Egypt. They are sanctuaries, temples, tombs of chieftains and tsars. The motif of sanctuaries on boats is of special interest because of its connection with mythological ideas and rituals.

Keywords: sanctuary; temple; palace; elite tomb; sanctuaries on the boat; myth; ritual.

УДК 94(3)

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.08

М. Ю. Лаврентьева

Рамессейский драматический папирус: об уровнях смысла

Цель статьи — поделиться опытом многолетней работы над уникальным и очень сложным древнеегипетским религиозно-драматическим текстом и показать процесс исторического исследования, в ходе которого постепенно раскрывался многоуровневый глубокий сакральный смысл этого древнего памятника литературы.

Ключевые слова: Рамессейский драматический папирус; Осирис; миф; смысл; царь.

Тема статьи была вызвана размышлениями о многолетней работе над текстом Рамессейского драматического папируса (далее — РДП)¹, завершившейся публикацией его перевода и комментария к переводу в 2016 году [6].

Впервые я обратилась к этому источнику около двадцати лет назад, еще в студенческие годы, заинтересовавшись проблемой существования древнеегипетского театра. Известно, что текст РДП считается своего рода древнейшим сценарием для постановки религиозного праздничного действия или представления, сохранившимся почти целиком, а не в отрывках и не в составе других текстов. В этом заключается одна из его уникальных особенностей.

Текст свитка был создан, очевидно, во времена правления царя Сенусерта I (его тронное имя несколько раз упоминается в тексте), второго царя XII династии, но сам свиток, судя по особенностям иератического письма, датируется современными британскими учеными концом XII династии, царствовавшей на протяжении примерно двухсот лет. РДП был обнаружен в ходе английской экспедиции 1895–1896 годов в ящике с более чем двумя десятками других папирусов в гробнице семейства жрецов-чтецов времен правления XIII династии, находившейся на территории заупокойного храмового комплекса под названием Рамессеум и при новых археологических раскопках французской экспедиции в начале 2000-х не найденной². Вышесказанное важно для того, чтобы уяснить, что ритуальное драматическое действие, описанное в РДП, совершалось в течение *нескольких сотен лет* и, очевидно, имело для египтян

¹ P. Ramesseum B — P. BM EA 10610.1-5 — жемчужина в коллекции Рамессейских папирусов, хранящихся в Британском музее в Лондоне.

² Получить подробную информацию о коллекции Рамессейских папирусов, а также увидеть пять рамок с заново отреставрированным РДП можно на сайте Британского музея. См.: URL: http://www.britishmuseum.org/research/research_projects/all_current_projects/the_ramesseum_papyrus.aspx (дата обращения: 01.07.2019).

глубокий сакральный смысл, который для нас оказывается довольно трудно постижим.

Неслучайно Я. Ассман писал: «Культура есть память — по определению русского семиотика Юрия Лотмана. Однако мы вынуждены признать, что духовное наследие древнеегипетской цивилизации еще и сейчас, через сто шестьдесят лет после того, как Шампольон дешифровал иероглифы (теперь уже — через 195 лет. — *М. Л.*), не стало частью нашей собственной культурной памяти. Оно привлекает, очаровывает нас, но вряд ли мы по-настоящему его понимаем» [1: с. 13]. Да, пожалуй, очень часто «вряд ли мы по-настоящему его понимаем», но можем понять или хотя бы попытаться приблизиться к пониманию. И степень этого понимания напрямую зависит от индивидуального духовного развития личности.

В этой статье мне бы хотелось поделиться личным опытом постижения частицы духовного наследия древнеегипетской цивилизации или, точнее сказать, культуры (поскольку литература как сокровищница духовных ценностей является именно частью культуры), и попытаться показать как в течение лет постепенно открывался глубокий сакральный смысл текста РДП.

Итак, Я. Ассман уверен, что древнеегипетское духовное наследие *еще не стало частью нашей собственной культурной памяти*. Но верно ли это утверждение? Культурная память — комплексное понятие, имеющее множество смыслов, которые могут быть связаны друг с другом не только явным, видимым, но и тайным, невидимым образом. Как здание истории человечества имеет свою сложную многоуровневую структуру, так и культурная память, будучи неотъемлемым свойством человечества как вида, передается из поколения в поколение как бы по неразрывной цепи. И звеном в этой длинной и сложной цепи, связующим культуру Древнего Египта с нашей христианской культурой, несомненно, является античная культура. Древние греки считали египтян самым благочестивым народом и ездили в Египет набираться духовной мудрости.

Древнеегипетское духовное наследие стало частью культурной памяти древних греков, а через них передалось и другим народам. Греки, знакомясь с египетской религией, мифологией, литературой, историей, архитектурой, географией и т. д., впитывая культуру этой удивительной страны, всему давали имена на своем — древнегреческом — языке, переводили египетские слова, тексты, символы, образы, имена богов, людей, городов на свой язык. *Так что, древнеегипетское духовное наследие изначально вошло в мировую культуру во многом в древнегреческом переводе*, и именно в этом кроется одна из существенных причин, затрудняющих распознавание этого наследия в нашей культурной памяти. Но тем не менее древнеегипетская культура отличалась столь неповторимым, а в чем-то и непостижимым своеобразием, что оставались вещи, которые перевести не удавалось, поскольку они не поддавались переводу. В качестве примера назову знаменитый трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе». Здесь само название говорит за себя. Многие египетские боги

в этом произведении названы именами греческих богов, но имена таких исконно египетских, непохожих на древнегреческих, богов, как Исида и Осирис, вошли в древнегреческий язык в египетском звучании. Мистерии Осириса, их глубинная сущность были для древних греков тайной, которой они стремились проникнуться.

Важная причина, по которой присутствие древнеегипетского духовного наследия в нашей культурной памяти вызывает сомнения, на мой взгляд, заключается в том, что египетский язык, примерно с IV века перестав существовать и как живой разговорный язык, и как письменный, был забыт на целых 15 столетий. Только в первой половине XIX века гений Шампольона оживил загадочные египетские письмена, и мы получили возможность познакомиться с богатой египетской литературой в ее подлиннике. Академик Д. С. Лихачев говорил, что литература — это душа и совесть народа. А душа — сущность божественная, вечная, бессмертная, универсальная для всех людей всех времен и народов.

Есть одна глубокая философская истина, высказанная древнеримским мыслителем Тертуллианом, о том, что душа человеческая по природе христианка. Это означает, что душа человеческая со времен сотворения мира хранит изначальное знание об универсальной системе духовных ценностей, делающих человека человеком. Для тех, кто живет с верой в эту истину, открываются безграничные возможности для постижения духовного наследия как своего народа, так и других народов. Духовное развитие человека обычно начинается с любви к своей родной литературе и культуре.

Для русского человека центр культурной памяти — это А. С. Пушкин. И как ни странно это прозвучит, но именно постоянное обращение к творчеству Пушкина и к русской классической литературе вообще очень помогает мне и в изучении древнеегипетской литературы. Вот что написал о Пушкине историк литературы и философ М. О. Гершензон (1869–1925): «В идеях Пушкин — наш ровесник, плоть от плоти современной культуры. Но странно: творя, он точно преображается; в его знакомом, европейском лице проступают пыльные морщины Агасфера, *из глаз смотрит тяжелая мудрость тысячелетий, словно он пережил все века и вынес из них уверенное знание о тайнах* (курсив мой. — М. Л.)» [2: с. 12]. Роман в стихах «Евгений Онегин», по определению выдающегося пушкиниста, писателя и мыслителя В. С. Непомнящего, — это русская картина мира. Изучая это великое произведение как явление космического масштаба, он отмечает, что «в его сюжете в целом (включая “сюжет героев” и “сюжет автора”) — много уровней, развивающихся как бы параллельно, как бы один над другим, по логике общего синтаксиса произведения, неразрывно связанных между собой, но относящихся к разным смысловым областям. Каждое из основных звеньев происходящего в романе может быть понято на уровнях разных смыслов или участвовать в формировании разных смыслов и разных уровней: автобиографического, психологического, экзистенциально-человеческого, наконец,

того уровня, где автор уже как представитель рода человеческого прикасается к онтологическим смыслам индивидуального, национального и всеобщего бытия». И далее В. С. Непомнящий делает такое заключение: «Сложная, стройная и необычайно четко работающая система смысловых уровней — неотъемлемая особенность “Евгения Онегина”, связывающая роман Пушкина с древней культурой, с мудростью столетий» [7: с. 269–270]. Говоря о важности различения и уяснения уровней смысла в романе Пушкина, В. С. Непомнящий ссылается на трактат Данте «Пир».

В трактате Данте, рассказывая о том, как следует вкушать духовную пищу, сформулировал учение о смысловых уровнях: «надо знать, что писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах. Первый называется буквальным, [и это тот смысл, который не простирается дальше буквального значения вымышленных слов, — таковы басни поэтов. Второй называется аллегорическим]; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью; так, когда Овидий говорит, что Орфей своей кифарой укрощал зверей и заставлял деревья и камни к нему приближаться, это означает, что мудрый человек мог бы властью своего голоса укрощать и усмирять жестокие сердца и мог бы подчинять своей воле тех, кто не участвует в жизни науки и искусства; а те, кто не обладает разумной жизнью, подобны камням. <...> Третий смысл называется моральным, и это тот смысл, который читатели должны внимательно отыскивать в писаниях на пользу себе и своим ученикам. Такой смысл может быть открыт в Евангелии, например, когда рассказывается о том, как Христос взшел на гору, дабы преобразиться, взяв с собою только трех из двенадцати апостолов, что в моральном смысле может быть понято так: в самых сокровенных делах мы должны иметь лишь немногих свидетелей. Четвертый смысл называется анагогическим, то есть сверхсмыслом, или духовным объяснением писания; он остается [истинным] также и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе, как это можно видеть в том псалме Пророка, в котором сказано, что благодаря исходу народа Израиля из Египта Иудея стала святой и свободной. В самом деле, хотя и очевидно, что это истинно в буквальном смысле, все же не менее истинно и то, что подразумевается в духовном смысле, а именно что при выходе души из греха в ее власти стать святой и свободной» [3: Пир: II, I].

Вышеизложенное учение о смысловых уровнях, которое вовсе не обязательно принимать как догму, существенно для понимания и древнеегипетской литературы, особенно такого текста, как текст РДП, представляющего собой религиозное драматическое произведение, созданное в форме кратких записей-набросков разнообразных ритуальных сцен для посвященных в священнодействие служителей культа. Текст драматического папируса, представленный в 138 вертикальных колонках, состоит из 46 сцен, сопровождаемых 31 изображением в виде виньеток; они сопровождают большинство сцен произведения

и служат дополнением и пояснением к тексту рукописи. Можно предположить, что эти изображения представляют собой своего рода эскизы декораций, использовавшихся при подготовке к проведению ритуальной церемонии.

При первом, весьма поверхностном знакомстве с РДП в студенческие годы я только смогла уяснить, вернее, принять на веру общепринятое мнение, высказанное маститым немецким ученым К. Зете — первым исследователем РДП — и поддержанное многими зарубежными и отечественными исследователями, что в тексте папируса речь идет о коронационных мистериях царя Сенусерта I, которые имели место после смерти его отца Аменемхета I. Смысл религиозного текста поначалу представлялся тайной за семью печатями и поэтому был выбран как один из основных источников для диссертационной работы по теме «Драматические представления в древнем Египте».

На вышеупомянутом этапе изучения РДП возникла идея проанализировать текст свитка как обычно анализируют различные литературные произведения, а именно по следующим филологическим критериям: тема, идея, пафос произведения; особенности сюжета и композиции; язык произведения; жанр произведения. Такой подход к исследованию позволил сделать следующие выводы: тема текста — возведение на трон царя Сенусерта I; основная идея произведения, вероятно, заключалась в том, чтобы с помощью правильного, последовательного выполнения необходимых ритуалов узаконить положение царя как помазанника Божьего, показать божественное происхождение царской власти, поскольку вступающий на трон государь всюду в тексте олицетворяет бога Хора, и, наконец, восславить царя. Важной особенностью сюжета является то, что в его основе лежит миф об Осирисе, поскольку с глубокой древности умерший государь отождествлялся с Осирисом, а его сын и наследник — с Хором. Композиция текста соответствует его теме; текст можно условно разделить на три части: 1) подготовка к обряду коронации; 2) кульминационные сцены коронации; 3) ритуалы, связанные с погребением покойного царя. Язык изобилует архаизмами, диалоги звучат как магические формулы, словом, он вполне отвечает ритуальному характеру всего произведения. И, наконец, жанр произведения можно определить как религиозную, ритуальную или литургическую драму, поскольку древнеегипетские драматические тексты являлись основой для проведения драматических представлений, имевших место в рамках разнообразных религиозных ритуальных служб и праздничных торжеств. Таким образом, подобный анализ позволил выявить буквальный смысл текста РДП, заключающийся в том, что данный текст был предназначен для проведения церемонии, связанной с отправлением культа восходящего на трон царя как законного наследника своего умершего отца и направленной на подтверждение и укрепление царской власти в целом. Иными словами, буквальный его смысл — политический, в котором религиозно-мифологическое (сакральное) истолкование драматических действий рассматривается как часть идеологии. Именно в этом смысле поняли и до сих пор понимают

текст РДП (при некоторых нюансах в трактовках) отечественные и зарубежные ученые³.

Следует сказать, что уже в процессе работы над диссертацией удалось понять, какое важное духовное значение имеет миф об Осирисе, лежащий в основе сюжета РДП. Стало очевидно, что дальнейшее исследование должно идти в направлении постижения сущности мифа об Осирисе, для чего следует привлекать и другие драматические тексты⁴, в основе сюжетов которых также лежит этот удивительный миф.

В ходе исследования стало ясно, что миф об Осирисе — это центр египетской культурной памяти (как Пушкин для нас). Миф об Осирисе хранит *духовно-нравственный смысл* РДП и является ключом, открывающим его сверхсмысл. Неслучайно выдающийся немецкий философ и египтолог Я. Ассман, поставив целью отыскать самую суть, сердцевину древнеегипетской религии, основное внимание уделил изучению именно мифа об Осирисе, особенностям отправления культа Осириса на протяжении древнеегипетской истории. На основании этого исследования ученый пришел к заключению, что в эпоху Рамессидов произошел «прорыв к концепции трансцендентного Бога», сокрытого универсального Бога, который далек и непознаваем, но в то же время *преживает в сердце человека* (курсив мой. — М. Л.), находится всегда рядом [1: с. 355–357]. Этот Бог в сердце человека требует нравственного, духовного совершенствования от самого человека, стремления к идеалам. О духовно-нравственных идеалах, сокрытых в мифе об Осирисе, свидетельствуют, например, так называемые оправдательные речи умершего на суде Осириса, изложенные в 125-й главе Книги Мертвых. Эти речи представляют собой не просто магические слова, произносившиеся лишь с целью обеспечить вечную жизнь, как обычно принято считать, это — духовные заповеди. Однако это — тема отдельного разговора.

Всякий миф словно зеркало души древнего человека, ощущавшего себя сопричастным Тайне божественного творения, стремившегося постичь ее и чувствовавшего свою ответственность за сохранение мироздания. Если попытаться определить главную тему, самую сущность мифа об Осирисе, то, на мой взгляд, он хранит историю о возникновении, утверждении и поддержании вечного Божественного мироздания через постоянную борьбу добра

³ В научном мире существует три версии о предназначении текста РДП: 1. Для совершения обрядов вступления на трон царя Сенусерта I и погребения его отца — государя Аменемхета I (К. Зете, Я. Ассман, Р. Джиллем, Т. Шнайдер, И. Куак, Д. Лоран, М. А. Коростовцев, М. Э. Матье). 2. Для проведения тех или иных церемоний праздника Сед Сенусерта I (Х. Альтенмюллер, В. Хельк, В. Барта). 3. Для совершения ритуала поминаения царя Сенусерта I и его строительной деятельности в Карнаке (Л. Гестерманн, К. Гейзен).

⁴ Например, драматические тексты в составе Текстов Пирамид, мифологический текст Мемфисского теологического трактата, текст «Победа Хора», начертанный на стенах храма Хора в Эдфу, текст стелы сановника Ихернефрета с описанием мистерий Осириса в Абидосе, «Книгу защиты божественной ладьи “нешмет”» и др.

со злом, о неизменном стремлении к установлению и сохранению гармонического равновесия между ними. Текст, в основе которого лежит миф об Осирисе, невозможно рассматривать только как религиозно-политический документ, пропагандирующий утверждение или подтверждение новой власти или предназначенный для поминовения царя и прославления его прошлых государственных подвигов. Миф об Осирисе хранит высший смысл, имеющий отношение к духовным ценностям, к вечным вопросам бытия.

Теперь обратимся еще раз, но более подробно, к композиции сцен РДП, каждая из которых представляет тот или иной ритуал и состоит из нескольких частей. Сначала следует повествовательное предложение, начинающееся с глагольной формы *hpr.n* («случилось (произошло)»), в котором говорится о каком-либо уже произошедшем событии. Это предложение никогда не выходит за рамки одной строки. Действующие лица при этом всегда называются их настоящими, земными именами, например: царь, жрец-чтец, дети царя и т. д. Затем следует предложение, часто вводимое местоимением *rw* («это»), в котором объясняется религиозно-символическое значение прежде упомянутого события. Вместо земных персонажей появляются божественные, мифологические, с которыми отождествляются названные в повествовательном предложении лица. Например, в сцене 22 царь олицетворяет бога Хора, дети царя — детей Хора, а вино отождествляется с Оком Хора. Далее следуют речи богов. Я. Ассман предложил именовать такое изложение сакральным истолкованием, цель которого — «выявление в культовом действии потустороннего, божественного смысла» [1: с. 143–144]. Оно достигается как с помощью самого культового действия, означающего событие в Божественном мире, так и путем произнесения слов, т. е. посредством речи. Сила знания сакрального слова и его произнесение вводят участника ритуального драматического действия (в данном случае — царя, членов его семьи, жрецов) в мир богов и наделяют способностью не только непосредственно участвовать в космических процессах, но и влиять на ход событий. Например, помогая Хору одержать победу над Сетхом, участвующий в ритуальном действе тем самым способствует сохранению стабильного миропорядка и предотвращению хаоса. Подобным образом жрец солнечного культа, произнося гимны, способствует успешному ежедневному круговращению Солнца.

Миссия царя заключалась в том, чтобы творить и поддерживать Маат — справедливость, миропорядок и гармонию. Государь нес ответственность за стабильность и процветание в мире, вершил суд над людьми и умиротворял богов. Культ царя издревле приобрел сакральное истолкование в форме мифа об Осирисе и Хоре. Умерший царь отождествлялся с Осирисом, а живой и вступающий на трон наследник — с его сыном Хором. Миф об Осирисе с древних времен являлся основой царского культа, его «мифологическим истолкованием», прежде всего культа заупокойного. Как пишет Т. Н. Савельева, уже «во времена IV династии происходит слияние мифа об Осирисе с гелиопольским культом бога Солнца Ра, в связи с чем в царской титулатуре имя

царя-Хора заключается в картуш, вводится титул “сын Ра”, и новый смысл приобретает похоронный ритуал царя, в результате которого он становится после смерти Осирисом» [8: с. 37]. А в эпоху Среднего царства, во времена правления XII династии, когда был создан РДП, миф об Осирисе начал приобретать широкое распространение среди всех слоев населения. Как неоднократно отмечал М. А. Коростовцев, «Осирис стал в египетском обществе чем-то вроде “властителя дум”» [4: с. 126; 5: с. 68]. Важно понимать, что в древнеегипетской мифологии нет другого мифа, который мог бы сравниться с мифом об Осирисе по степени драматизма событий и всеохватности вечных вопросов бытия. В рамках одной глобальной темы, обозначенной выше, миф содержит ряд значительных тем, важнейшей из которых является тема жизни и смерти человека. Как верно заметил Я. Ассман, «миф об Осирисе преодолевает опыт смерти, поскольку дает этой, на первый взгляд, катастрофической и безнадежной ситуации ориентацию, при которой появляется смысл обратиться к умершему с призывом: “Восстань!”» [1: с. 198–199]. «Отношение к миру, — по мнению Я. Ассмана, — выраженное в этом призыве, скорее всего, не возникло под влиянием осирического мифа, а, наоборот, явилось одним из его истоков. Унаследованная от первобытных времен надежда, вера в неокончателность смерти, а возможность “манипулировать” с ней и связанная с этой верой практика древнейшего заупокойного культа позднее привели к созданию соответствующего мифологического “обрамления”, в пределах которого такая практика могла сохранять свой смысл и в усложнившемся мире. Особенность этого мифологического обрамления культовых действий состоит в том, что внутри него находят для себя место и оправдание одновременно и печаль, и надежда. Осирис становится объектом как ориентированного назад, в прошлое, оплакивания, которое соответствует ощущению потери, так и нацеленных в будущее действий, обусловленных верой в возможность восстановить нарушенный порядок. Миф расширяет временной горизонт “ситуации умершего”, сдвигая границы этого горизонта вперед и назад, — и тем самым разрывает кольцо смерти. Все эти идеи воплощены в образе Осириса: он — оплаканный и восставший со смертного одра бог, который претерпел смерть и преодолел ее» [1: с. 199–200].

Конечно, миф об Осирисе, включающий массу разнообразных тем, сюжетов, смыслов, требует детального исследования, но в данном случае необходимо дать общее представление о его глубоком сокровенном содержании, уяснение которого помогает приблизиться и к пониманию сверхсмысла текста Рамессейского драматического папируса.

Текст РДП относится к жанру религиозной драмы, т. е. является ритуальным текстом, непременно предназначенным для исполнения, о чем свидетельствует его композиция. Это священное ритуальное драматическое действие являло собой *служение*, обращенное к высшим силам, т. е. представляло собой диалог человека с богами и исполнялось служителями культа — жрецами. Такова

природа драматического священнодействия, из которого вышло театральное искусство: служение высоким божественным идеалам на благо сохранения целостности мироздания.

Для того чтобы понять, для служения какой именно высокой цели был предназначен текст Рамессейского драматического папируса, необходимо прежде всего обратиться к той исторической ситуации, когда был создан РДП. Это случилось в самый трагический период правления XII династии, когда погиб ее основатель — царь Аменемхет I, и престол должен был занять его сын и наследник Сенусерт I, чье тронное имя дважды встречается в подписях к изображениям 1 и 2: *nsw Hpr-k3-r^c* — «царь Хепер-ка-Ра» и *ntr nfr nb t3wy Hpr-k3-r^c nsw* — «Бог прекрасный, господин обеих земель, Хепер-ка-Ра, царь». Очевидно, что текст папируса, которому, как хорошо доказала К. Гейзен в своей диссертации [11: р. 183–245], нет аналогов, был создан именно при Сенусерте I и в связи с той исторической обстановкой, которая сложилась в стране в момент прихода к власти этого царя.

Известно, что ко времени правления первых царей XII династии восходит создание еще трех важнейших памятников литературы — «Пророчества Неферти», «Поучения Аменемхета» и «Повести о Синухете».

Примечательно, что в «Пророчестве Неферти» приход к власти царя с юга по имени Амени (по-видимому, Аменемхет I), который избавит страну от страшных бедствий, обрушившихся на нее в конце Древнего царства, представлен как божественное предопределение, высшая воля богов, о которой пророк Неферти сообщает царю Снофру — основателю IV династии. Отсылая пророчество к глубокой древности, ко временам процветания Египта, таким образом как бы восстанавливалось разрушенное смутой, гражданскими и внешними войнами здание истории, а царь Амени представал как спаситель страны и справедливый правитель, для которого важны древние традиционные идеалы. На буквальном уровне принято считать, что это произведение было создано в начале правления новой династии исключительно по политическому заказу как документ пропаганды. Но если перейти на морально-нравственный уровень понимания, то правитель, который помнит о древних традициях, своей ответственности и высших ценностях в начале правления, выделяется из целого ряда себе подобных. Но, как известно из «Поучения Аменемхета» и других источников, этот царь не забывал об этом на протяжении всего своего царствования, иначе оно, возможно, не окончилось бы столь трагически.

Как именно трагически, мы тоже узнаем из «Поучения Аменемхета» и из «Повести о Синухете»: Аменемхет был убит ночью в своих покоях в царской резиденции, когда уже лег спать.

В «Повести о Синухете» об убийстве не говорится прямо, а лишь намечается на имевший место заговор против правящего царя и сообщается о его внезапной смерти, в то время как наследник Сенусерт находился в военном походе против ливийцев. Узнав о случившемся, царевич, которого автор повести

именует Соколом, тем самым отождествляя с богом Хором, вместе со своими спутниками тотчас «полетел» в резиденцию.

А вот в «Поучении Аменемхета» ясно сказано о насильственной смерти законного царя. Особенно примечательно, как именно разворачивается повествование. Покойный царь Аменемхет либо явился своему сыну во сне, как полагал М. А. Коростовцев [10: с. 30], либо пришел как призрак или видение (подобно отцу принца Гамлета), как полагает автор данной статьи, и рассказал о том, что погиб от рук убийц (своих же приближенных) и как совершилось это убийство. Явление герою какого-то сокровенного знания во сне или иным сверхъестественным образом — известный художественный прием. Таким образом человеку передается сокровенное слово, которое он должен узнать. Итак, Аменемхет является своему сыну сверхъестественным образом, потому что должен открыть ему правду, от которой зависит будущее не только самого Сенусерта, но и всей державы, оставленной ему отцом на попечение.

Аменемхет так начинает свою речь: «Внимай словам моим, и будет благополучно царствование твое над сей землей и Обоими Берегами, и приумножишь счастье страны» [10: с. 30]. Затем он предупреждает сына о том, что ему следует всегда быть осмотрительным, самому «оберегать жизнь даже в час сна», не доверять и ближнему, поскольку сам он пострадал от руки того, кто вкушал его хлеб и кому он протягивал руку. Далее Аменемхет подчеркивает: *«Не сопутствует удача не ведающему того, что надлежит ему знать»* и чуть позже добавляет: *«Знаю, не будет мне без тебя, защитника моего, удачи»* [10: с. 30–31]. А между этими фразами помещен рассказ об убийстве царя в его опочивальне, когда он уже отошел ко сну, совсем один, и не мог сопротивляться. Таким образом, свершилось ужасное злодейство, коварное убийство законного правителя страны, наместника Божия на земле, отождествлявшегося с богом Хором, сыном Осириса, нарушился Божественный миропорядок. А следовательно, образовалась угроза возникновения хаоса и разрушения⁵. Но, как мы знаем и из «Повести о Синухете», и из «Поучения Аменемхета», никто из цареубийц не взошел на трон. Сенусерт со своими сподвижниками успел вовремя примчаться в резиденцию и взять власть в свои руки, т. е. *законный миропорядок нарушился, но катастрофы не произошло*, переворот не удался, смута и беспорядки были предотвращены. И теперь главная, жизненно важная задача царя — воспринять трон своего

⁵ Таким образом, именно в древнеегипетской литературе, в «Поучении Аменемхета», впервые поднимается тема цареубийства и затем становится одной из вечных тем в мировой литературе. Вспомним для примера три величайших произведения разных времен и народов, ставших достоянием всего человечества: «Илиада» Гомера, «Гамлет» Шекспира, «Борис Годунов» Пушкина. Невозможно не обратить внимания, что в трагедии «Гамлет» есть и братоубийство, как в мифе об Осирисе, и насильственная смерть царя во время сна, как в «Поучении Аменемхета», и явление покойного отца сыну с целью открыть правду об ужасном злодействе и просить его восстановить справедливость, чтобы отец смог обрести вечный покой.

отца и восстановить законный порядок в стране, равновесие и гармонию Божественного мироздания.

Об этом и просит Сенусерта его отец, когда в конце своего обращения к нему говорит: «...язык мой — ты, Сенусерт, сын мой; когда я ходил еще на ногах своих и глаза мои видели, ты был сердцем моим! В благой час родился ты для людей, и тебе возносят они хвалу. Смотри, положил я начало, — доверши же дело мое до конца! Причалила уже барка моя к царству мертвых. Ты возложишь на главу свою белый венец отпрыска бога; все печати — на местах своих, и идет ликование в честь твою в ладье Ра. Настало царствие твое, начатое еще при мне, да не станет оно таким, как мое! Будь отважен, воздвигай памятники свои, упрочивай укрепления свои, уничтожай врагов, которые ведомы тебе, ибо не желаю я видеть их подле твоего величества, — да будешь ты жив, невредим и здрав!» [10: с. 30].

Нужно отметить следующее: Аменемхет говорит, что при жизни сын его был его сердцем, а после смерти стал его языком. Как известно, сердце считалось мыслительным органом, а язык в значении «речь» понимался как действующая сила, способная творить. Вспомним, что, согласно Мемфисскому теологическому трактату, бог-творец Птах сначала замыслил мир в своем сердце, а потом сотворил его силой Слова. Таким образом, Аменемхет изначально замыслил видеть сына как законного преемника на своем троне; Сенусерт явился живым воплощением этого замысла и должен был продолжить деяния своего отца, каждое из которых начинается с произнесения Слова.

Еще, конечно, очень интересна фраза о Сенусерте: *«В благой час родился ты для людей»*, т. е. царствование мыслилось как исполнение высокой миссии на благо людей.

Вкратце рассмотрев, каким образом сложившаяся историческая ситуация находит отражение в основных памятниках литературы изучаемого времени, можно попытаться ответить на вопрос, для служения какой именно цели был предназначен РДП. По моему убеждению, *текст свитка и исполнение его ритуалов служили высокой цели восстановления нарушившегося Божественного миропорядка после свершения ужасного злодеяния — цареубийства, что должно было одновременно способствовать мирному пребыванию покойного государя в царстве мертвых и обеспечить процветание царства живых, владыкой которого стал его сын.* Этим объясняется и тот факт, что в качестве мифологического сакрального истолкования ритуальных действий был выбран именно миф об Осирисе, вобравший все вечные темы, в числе которых значимой являлась тема божественной природы царской власти. Через воспроизведение, «воскрешение» соответствующих эпизодов мифа происходила победа над силами зла и восстанавливались божественная воля, гармония и равновесие в мире, т. е., иными словами, *«оживление» мифа как бы предотвращало смерть целого государства.* Обо всем этом замечательно сказано в заключительных строках «Гимна Осирису», возникновение которого тоже относится к эпохе Среднего царства:

Защитил сын Исиды отца своего,
Сделано прекрасным и благостным имя его.
Сила заняла место свое,
И благость пребывает в законах своих.
Дороги открыты и пути отверсты,
О как радуются Обе Земли!
Зло исчезло, и мерзость удалилась,
Земля спокойна под владыкой своим.
Утверждена правда для владыки своего,
Обращен тыл ко лжи.
Радуйся, Веннофре!⁶ Сын Исиды взял корону,
Присужден ему сан отца его в зале Геба.
Ра изрек, и Тот записал,
И суд промолчал⁷.
Повелел тебе отец твой Геб,
И сделано, как он приказал [10: с. 82].

И, как мы знаем из рассказа Синухета, а также из ряда других источников, царствование Сенусерта I было очень благополучным; ему действительно удалось «приумножить счастье страны».

Все боги, упоминаемые в процитированном отрывке гимна, являются действующими лицами текста РДП, кроме бога Ра. Но следует обратить внимание на то, что, во-первых, Ра «присутствует» в тронном имени Сенусерта, а во-вторых, в большинстве сцен царь действует, находясь в священной ладье — *wi3*. На подобной ладье солнечный бог Ра обычно совершал ежедневное плавание по небесным водам. На своего рода ладье и Аменхет отправился в царство мертвых, как он сообщал в своем «Почении». Ладья — это и образ путешествия вообще, и основное транспортное средство в Древнем Египте, где вся жизнь была сосредоточена вдоль реки. Текст РДП начинается со строительства ладьи для живого царя и подготовки к путешествию. И в заключительных сценах РДП совершаются ритуальные действия, направленные на то, чтобы помочь покойному государю отправиться в путешествие на небо, для того чтобы, как было сказано в «Повести о Синухете», он «соединился с солнечным диском, божественная плоть слилась с тем, кто ее сотворил» [9: с. 9]. Таким образом, ход повествования как бы подобен круговращению Солнца: начинается с того, что принявший царство сын пускается в плавание, взяв в свои руки руль государственного правления, и заканчивается тем, что покойный отец отправляется в путешествие в вечность.

А между этими двумя событиями разворачивается целый ряд разнообразных ритуальных драматических действий, которые по сути представляют собой одно — жертвоприношение. Как сам Осирис пал невинной жертвой злодейства и принял страдание, так и его сын Хор должен принести жертву и пострадать

⁶ Веннофре — это *Wnn-nfr* — «Пребывающий прекрасным» — эпитет Осириса.

⁷ То есть согласился.

ради отца, ради возрождения и торжества истины. Символом этой жертвы становится Око Хора, которое он теряет, а затем возвращает в борьбе с Сетхом и которое служит сакральным истолкованием очень многих жертв в половине сцен РДП. Но в этой истории есть и еще одна жертва, только уже не невинная, а справедливо несущая наказание — бог Сетх — побежденный злодей, с которым отождествляются как жертвенные животные, так и некоторые определенные вещи, используемые при совершении ритуальных действий.

Таким образом, через тройное жертвоприношение становится возможным как принятие живым царем царских инсигний (кульминация этого события содержится в сценах 26–28), так и совершение погребальных и поминальных обрядов для покойного государя и его переход в вечность, которым посвящены сцены 33–46. Таким мне видится глубокий сакральный смысл ритуалов РДП, сокрытых в Слове.

Литература

1. *Ассман Я.* Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 365 с.
2. *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М.: Книжный клуб Книгоvek, 2017. 384 с.
3. *Данте.* Пир: II, I. См.: <http://royallib.ru/> (дата обращения — 01.07.2019).
4. *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976. 335 с.
5. *Коростовцев М. А.* Литература Древнего Египта // История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 54–82.
6. *Лаврентьева М. Ю.* Рамессейский драматический папирус: перевод и комментарий. М.: ЦЕИ РАН, 2016. 206 с.
7. *Непомнящий В. С.* Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. М.: Жизнь и мысль, 2001. Т. II. 496 с.
8. *Савельева Т. Н.* Храмовые хозяйства Египта времен Древнего царства. М.: Наука, 1992. 179 с.
9. Сказки и повести древнего Египта. СПб.: Наука, 2004. [Репринтное воспроизведение издания 1979 г.] 285 с.
10. Хрестоматия по истории древнего Востока / сост. и комм. А. А. Вигасина. М.: РАН, Восточная литература, 1997. 399 с.
11. *Geisen Ch.* The Ramesseum Dramatic Papyrus. A new edition, translation, and interpretation. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of PhD, Graduate Department of Near and Middle Eastern Civilizations. Toronto: University of Toronto, 2012. 311 p.

Literatura

1. *Assman Ya.* Egipet. Teologiya i blagochestie rannej civilizacii. M.: Priscel's, 1999. 365 s.
2. *Gershenson M. O.* Mudrost' Pushkina. M.: Knizhnyj klub Knigovek, 2017. 384 s.
3. *Dante.* Pir: II, I. Sm.: <http://royallib.ru/> (data obrashheniya — 01.07.2019).
4. *Korostovcev M. A.* Religiya drevnego Egipta. M.: Nauka, 1976. 335 s.
5. *Korostovcev M. A.* Literatura Drevnego Egipta // Istoriya vsemirnoj literatury. T. 1. M.: Nauka, 1983. S. 54–82.

6. *Lavrent'eva M. Yu.* Ramessejskij dramatičeskij papirus: perevod i kommentarij. M.: CEI RAN, 2016. 206 s.
7. *Nepomnyashhij V. S.* Pushkin. Izbrannye raboty 1960-x – 1990-x gg. M.: Zhizn' i mysl', 2001. T. II. 496 s.
8. *Savel'eva T. N.* Xramovye xozyajstva Egipta vremen Drevnego carstva. M.: Nauka, 1992. 179 s.
9. Skazki i povesti drevnego Egipta. SPb.: Nauka, 2004. [Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1979 g.] 285 s.
10. Xrestomatiya po istorii drevnego Vostoka / sost. i komm. A. A. Vigasina. M.: RAN, Vostochnaya literatura, 1997. 399 s.
11. *Geisen Ch.* The Ramesseum Dramatic Papyrus. A new edition, translation, and interpretation. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of PhD, Graduate Department of Near and Middle Eastern Civilizations. Toronto: University of Toronto, 2012. 311 p.

M. Yu. Lavrentieva

Ramesseum Dramatic Papyrus: Levels of Sense

This article is a brief survey of the results of research work on the text of the Ramesseum dramatic papyrus (RDP). The main purpose is to share the personal experience of step-by-step understanding the levels of the deep sacral sense of this (complicated for our modern consciousness) ancient dramatic text. Finally the author came to the following conclusion. The text of the RDP and performing its rituals served the high divine purpose: to restore disturbed world order after the great evil — the murder of the king Amenemhat I. Performing the rituals based on the Osiris myth had both to provide peaceful existence to the dead king in the Underworld and bring harmony and prosperity to the reign of the living king Senusret — the son and legitimate heir of Amenemhat.

Keywords: Ramesseum dramatic papyrus; Osiris; myth; sense; king.

УДК 94(3)

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.09

А. Ю. Челнокова

Митраистические памятники и иконография культа Митры в Римской империи

В статье рассматривается археологический материал, касающийся культа Митры, устройства «типичного митреума», а также иконографических памятников митраизма, представленных в основном рельефами, фресками и мозаиками. Информация, содержащаяся на иконографических памятниках, является важным источником для реконструкции мифологии, культовой практики и идеологии митраизма.

Ключевые слова: культ Митры; Римская империя; митреум; иконография Митры; митраистические сюжеты; рельефы «Митра Тавроктон», «Митра пирующий»; степени посвящения в культ Митры.

Мистерии иранского бога Митры были очень популярны в Римской империи. Информация письменных источников и археологический материал подтверждают широкое распространение митраизма почти по всей ее территории.

Только в Греции культ Митры не имел своих почитателей: Митра являлся покровителем персов, которые были давними врагами греков. Именно этим можно объяснить малое количество археологических находок в греческой части империи: митреум в Мемфисе [11: р. 91], митреумы в Дура-Европос на Ефрате [11: р. 34] и в Сидоне [11: р. 73, 74].

В то же время во многих городах империи, где стояли римские легионы, были устроены храмы Митры: в Галии, Испании, Ламбезии (Африка), на валу Андриана в Британии, на Рейне и Дунае. Памятники культа Митры в большом количестве найдены по всей территории Италии, и особенно много их было в Риме — около 100 митреумов [2: с. 14].

Самые полные результаты археологических раскопок митраистических памятников были опубликованы М. Фермазереном в двух томах «Корпуса памятников культа Митры» [11; 12].

М. Фермазерен подробно описал и прокомментировал все находки, связанные с римскими мистериями Митры, обратил внимание, что многие святилища Митры сохранили значительную часть своих конструкций и элементы интерьера. Многочисленный археологический материал свидетельствовал о том, что все митреумы между собой очень похожи независимо от того, в какой части империи были найдены. Различались святилища Митры лишь своими размерами и богатством убранства.

Окончательный облик митреума позволили определить раскопки в Остии, которые проводили американские ученые в рамках Остийского проекта [9]. В пределах города было найдено 18 митреумов, из которых 14 великолепно сохранились [9: p. 9].

Именно результаты остийских раскопок позволили М. Фермазерену утверждать, что никакой эволюции в типе сооружения святилищ Митры не было и поэтому, «где бы в рамках римского мира мы ни встречали митреум, он будет почти таким же, как в Остии» [13: p. 5].

На основании массового археологического материала можно реконструировать типичный митреум, который представлял собой сводчатое подземное/полуподземное помещение четырехугольной, вытянутой формы. Для устройства митреума могли использоваться ранее существовавшие сооружения, митреумы могли быть расположены в частных домах, в лавках, в общественных помещениях [9: p. 45].

Размеры святилища были разными: от 6 до 18 метров в длину, и от 4 до 8 метров в ширину. Типичный митреум был рассчитан на 15–20 человек, и только самые большие, например митреум в Карнунте, могли вмещать до 100 человек.

В глубине святилища располагалась культовая ниша, а напротив нее — главный вход. В комплекс митреума входили примыкавшие к святилищу дополнительные помещения, поэтому дверь из основного помещения никогда не выходила на улицу, соседние помещения могли использоваться в культовых целях или просто отделяли святилище от «мира» [9: p. 23, 34, 44].

Во всех остийских митреумах были высокие и довольно широкие уступы вдоль стен, назначение которых, по мнению археологов, однозначно определить сложно: уступы могли служить опорой для молящихся во время церемоний, а могли использоваться для совместных сакральных трапез [9: p. 11].

Типичным для всех митреумов было оформление культовой ниши в виде рельефа, на котором изображался Митра, приносящий в жертву быка — Митра Тавроктон. Перед нишей, имитирующей грот, находился алтарь квадратной формы, сделанный из обычного кирпича; он мог быть раскрашен фресками или облицован мрамором. В митреуме могло быть еще несколько маленьких алтарей.

Пол обычно украшался мозаиками. В некоторых святилищах Митры в центре пола имелся резервуар для воды, или бассейн, или колодец.

Неоплатоник Порфирий, описывая детали священных церемоний мистерий Митры, придавал этим резервуарам символическое значение «источников, содействующих произведению жизни» (Porphyg. De antr. numph., 17). Ф. Кюмон связывал их с обрядом водного крещения [4: s. 168–169].

Единообразное устройство святилищ Митры, по мнению исследователей, свидетельствует о единстве митраистической литургии во всех общинах.

Митраистические общины были небольшими по численности, и верующие обычно жили в непосредственной близости от святилища. Археологические

раскопки в Остии показали, что при росте количества адептов культа старое святилище не расширялось, а основывалось новое святилище, в которое уходила группа, отделившаяся от общины [9: p. 13–15].

Таким образом, культовое здание в митраизме трактуется не как античный храм, а скорее, как домовая церковь в христианстве, что свидетельствует об изменении типа религиозности, в котором важнейшую роль начинает играть небольшой коллектив верующих, объединенных в религиозную общину. Архитектурные сооружения в зрительных образах и формах отражают это новое социально-религиозное явление.

Кроме того, в римских мистериях произошла спиритуализация культа: основной момент культового мифа — принесение в жертву быка — не мог быть продемонстрирован в ритуальном действии, так как технически митреумы не были приспособлены к обряду тавроболии, и поэтому заменен символом: в каждом святилище обязательно присутствовал рельеф Митры Тавроктона.

Находки иконографических памятников митраизма носят массовый характер и занимают существенное место в археологическом материале. В основном это рельефы, реже — мозаики и фрески.

Иконографические источники дают важную информацию для реконструкции мифологии митраизма: собственная литературная традиция в митраизме, к сожалению, отсутствует, сохранились лишь фрагментарные сведения античных авторов (Плутарх, Порфирий).

Главное событие мифологии митраизма — сцена ритуального заклания священного быка Митрой — изображается на самом распространенном рельефе «Митра Тавроктон», обязательном атрибуте всех святилищ: в глубине грота Митра, одетый в короткую тунику и развевающийся плащ, коленом упирается в спину быка, присевшего на задние ноги; правой рукой он вонзает кинжал в шею быка, а левой рукой, погруженной в ноздри животного, он поднимает ему голову. Хвост быка превращается в пучок спелых колосьев, по сторонам от животного стоят двое юношей с зажженными факелами: у одного факел поднят вверх, у другого опрокинут. Оба юноши одеты во фригийские костюмы.

На большинстве рельефов с этим сюжетом присутствуют пять животных: «сверху, по краю, или в извилине грота — птица, чаще всего ворон (иногда сова); внизу, около быка, — скорпион, рядом с ним собака, напротив нее — змея; наконец — лев, то лежащий, то стоящий, то прыгающий к урне» [4: s. 31]. Подробности могут различаться.

Л. Кэмпбелл предположил, что самое раннее изображение включало в себя только Митру Тавроктона, а потом, постепенно, по мере формирования космогонических представлений в мифологии митраизма происходило добавление персонажей [3: s. 61].

Другим распространенным митраистическим сюжетом является изображение Митры пирующего. На многочисленных рельефах представлена своеобразная «тайная вечеря» Митры: за столом восседают Солнце и Митра,

на столе — хлеб и чаша, вокруг стоят мисты — посвященные разных степеней [6: р. 175, 320].

В мифологии митраизма совместная священная трапеза завершает инвестирующую Солнца и предшествует восшествию Митры и Солнца на небо. Можно предположить, что священная трапеза являлась важным обрядом в культовой практике митраизма.

Вместе с тем очень часто на рельефах встречается изображение Митры, который поднимает одного из своих адептов или возводит его в колесницу Солнца [6: р. 391–394]. Этот сюжет позволяет предположить, что верующие почитали Митру не только как Творца, Непобедимого бога, но и как бога бессмертия и покровителя жизни.

В некоторых митреумах изображается крылатый бог с львиной головой и человеческим телом, вокруг которого обвивается змея [11: р. 40, 72, 78, 312, 335, 390, 543, 777, 879]. В магических папирусах встречается упоминание о такой фигуре, как Айон (или Зерван), т. е. жизнь, время жизни, вечность [7: с. 68–83]. На основе этих изображений многие исследователи высказывают предположение о том, что существует связь между митраизмом и восточным зерванизмом [1: с. 166, 178].

Некоторые исследователи отмечают, что иконография и эпиграфика митраизма позволяет проследить связь между митраизмом и орфизмом. У подножия Авентинского холма в Риме были обнаружены три греческие надписи, две из них посвящены «богу Гелиосу – Митре», третья — «богу Гелиосу – Митре – Фанесу» [11: р. 472–475]. В третьей надписи орфический бог Фанес напрямую отождествляется с Митрой. В одном из митреумов в Британии было обнаружено изображение Фанеса-Митры в момент его появления на свет из скорлупы разбитого яйца [11: р. 860].

Кроме вышеописанных сюжетов на рельефах встечаются и другие изображения, связанные с мифологией митраизма: Митра, рождающийся из скалы; Митра, несущий за плечами быка; факелоносцы (с опущенным и поднятым факелами).

Иконография позволяет проследить некоторое влияние греческой культуры: бог Митра на всех рельефах изображается в виде прекрасного юноши в персидской одежде и во фригийской шапочке, т. е. Митра получает греческую внешность, но при этом сохраняет свое персидское имя и свой персидский характер, не сливается с богом солнца Гелиосом. Приняв чисто греческий облик, Митра остается восточным богом.

Одним из самых сложных вопросов современной митраистики является проблема реконструкции астрологической концепции и космогонических представлений культа Митры.

Наиболее полно связь митраизма с астрологией представлена на изображениях в митреуме на о. Понза [12].

В двух митреумах Остии американские ученые обнаружили полностью сохранившиеся напольные мозаики: на одной из них были изображены все

степени культовой иерархии и соответствующие им символы в виде лестницы с семью ступенями [9: р. 56–72; 11: р. 299], на другой — представлены семь небесных врат и семь планет, покровительствующих каждой степени посвящения, между ними — культовая символика [9: р. 83–99; 11: р. 239].

Эти мозаики позволили многочисленные, сложные символические изображения, встречающиеся в митраистической иконографии, сопоставить друг с другом и соединить в единую систему: степень посвящения — планета покровитель — стихия покровитель — изображение на культовых рельефах — знаки и символы степеней посвящения.

Первая ступень посвящения — *Corax* («Ворон»): планета-покровитель — Меркурий, стихия-покровитель — Воздух, изображение — ворон (редко — сова), знаки и символы — посох, чаша, черепаха, лира, созвездие Овна. На рельефах и фресках ворон является посланником Солнца к Митре, который сообщает, что пришло время принести жертву.

Вторая ступень посвящения — *Nimphus* («Нимф»): планета-покровитель — Венера, стихия-покровитель — Земля, изображение — змея, знаки и символы — светильник, факел, голубь, вуаль. На рельефах и фресках змея всегда находится около быка и лижет кровь, текущую из его раны. Изображение змеи встречается также и в других сюжетах: в митреуме Дура-Европос на двух фресках она является помощницей Митры на охоте [11: р. 52, 53], а на рельефе из Ноенхайма змея сопровождает солнечного бога (*Heliodromus*) в его поездке по небу [12: р. 1289].

Третья ступень посвящения — *Miles* («Воин»): планета-покровитель — Марс, изображение — скорпион, знаки и символы — шлем, копье, походный мешок. На рельефах и фресках скорпион всегда жалит быка в гениталии.

Четвертая ступень посвящения — *Leo* («Лев»): планета-покровитель — Юпитер, стихия-покровитель — Огонь (Вулкан), изображение — собака (редко — лев), знаки и символы — орел, красный плащ, молния. На рельефах и фресках обычно именно изображение собаки, которая является помощницей Митры, имеет смысловую нагрузку. В сцене охоты на рельефе из Рюкингена Митра изображен со сворой собак [12: р. 1137], а в Дура-Европос [11: р. 52], в Ноенхайме [12: р. 1289] и в Остербуркене [12, р. 1292] помощником Митры выступает лев.

Пятая ступень посвящения — *Perses* («Перс»): планета-покровитель — Луна, стихия-покровитель — Вода (Океан), изображение — факелonosец с опущенным факелом, знаки и символы — серп, коса, сова, соловей, кувшин для воды, опущенный факел, трезубец. Латинское имя факелonosца с опущенным факелом — *Hesperus* (Геспер — вечерняя звезда, которая содействует рождению ночи и луны) [8: s. 109–110].

Шестая ступень посвящения — *Heliodromus* (Гелиодром, досл.: «бегун Солнца», или *Phosphoros* «светonosец», в латинском варианте — *Lucifer* в значении утренней звезды): планета-покровитель — Солнце, стихия-покровитель —

Воздух, изображение — факелonosец с поднятым факелом [8: s. 118–119], знаки и символы — хлыст, ореол из солнечных лучей, поднятый факел, пальма, петух, ящерица, глобус.

Седьмая ступень посвящения — *Pater* («Отец»), планета-покровитель — Сатурн, стихия-покровитель — Огонь, изображение — Митра, знаки и символы — серп Сатурна, фригийское одеяние Митры, жезл и перстень. На рельефах и фресках изображается сам Митра, согласно Порфирию «источник и отец всего» (Porphyg. De antr. numph., 6).

Таким образом, анализ иконографического материала позволяет утверждать, что астрология и космогония играли важную роль в идеологии митраизма.

Об этом упоминали и древние авторы: согласно Цельсу «в мистериях Митры дается движение звезд и планет и прохождение душ через них». В «Правдивом трактате против христиан» Цельс пишет, что «символ же этот предстает в виде “семивратной лестницы” и над ней восьмые ворота. Первые ворота — это свинец и Кронос, вторые — олово и Афродита, третьи — медь и Зевс, четвертые — железо и Гермес, пятые — смешанный металл и Арес, шестые — серебро и Луна, седьмые — золото и Солнце» (Orig. Contra Celsum, VI, 21–22).

В астрологическом контексте объяснял сюжет тавроктонии и Порфирий (Porphyg. De antr. numph., 24), рассматривая обряды посвящения культа Митры как символические намеки на знаки Зодиака (Porphyg. De antr. numph., 6), а «пещеру», которая изображается на всех иконографических памятниках, он трактовал как символ космоса, устройтелем которого был сам Митра (Porphyg. De antr. numph., 6).

Современные исследователи римских мистерий Митры предполагают, что семь фигур на митраистических рельефах являются символическими изображениями семи степеней посвящения в культ Митры [3; 10; 8].

Таким образом, археологический материал, иконографические памятники, сведения античных авторов в совокупности позволяют реконструировать идеологию митраизма, его мифологию и культовую практику.

Литература

1. Ван-дер-Ваден Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрологии. М.: ГИМФЛ. 1991. 415 с.
2. Иванов П. В. Восточные культы в духовной жизни Италии времен империи (распространение митраизма): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 18 с.
3. Campbell L. A. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden: Brill, 1968. 444 с.
4. Cumont Fr. Die Mysterien des Mithra. Leipzig: B. G. Teubner, 1911. 224 с.
5. Cumont Fr. Die orientalischen Mysterien religionen im romischen Heidentum. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1914. 347 с.
6. Cumont Fr. Textes et Monuments figures relatifs aux mysteres de Mithra. T. I. Bruxelles: H. Lamertin, Libraire – Editeur, 1899. 410 с.
7. Festugiere A. J. Hermetisme et Mystique paienne. Paris: Aubier-Montaigne, 1967. 333 с.
8. Merkelbach R. Mithras. Königstein: Anton Hain, 1984. 412 с.

9. *Mittraism in Ostia. Mystery religion and Christianity in the port of Rome.* Chicago: Northwestern University Press, 1967. 116 s.
10. *Turcan R. A. Mithra et le mithriacisme.* Paris: Les belles lettres, 1993. 191 s.
11. *Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae.* V. I. Haga: Martinus Nijhoff, 1956. 366 s.
12. *Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae.* V. II. Haga: Martinus Nijhoff, 1960. 448 s.
13. *Vermaseren M. J. Mithriaca II. The Mithreum at Ponza.* Leiden: E. J. Brill, 1974. 38 s.

Literatura

1. *Van-der-Vaden B. Probuzhdayushhayasya nauka II. Rozhdenie astrologii.* M.: GIMFL. 1991. 415 s.
2. *Ivanov P. V. Vostochnye kul'ty v duxovnoj zhizni Italii vremen imperii (rasprostranenie mitraizma): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* M., 1996. 18 s.
3. *Campbell L. A. Mithraic Iconography and Ideology.* Leiden: Brill, 1968. 444 c.
4. *Cumont Fr. Die Mysterien des Mithra.* Leipzig: B. G. Teubner, 1911. 224 s.
5. *Cumont Fr. Die orientalischen Mysterien religionen im romischen Heidentum.* Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1914. 347 s.
6. *Cumont Fr. Textes et Monuments figures relatifs aux mysteres de Mithra.* T. I. Bruxelles: H. Lamertin, Libraire – Editeur, 1899. 410 s.
7. *Festugiere A. J. Hermetisme et Mystique paienne.* Paris: Aubier-Montaigne, 1967. 333 s.
8. *Merkelbach R. Mithras.* Königstein: Anton Hain, 1984. 412 s.
9. *Mittraism in Ostia. Mystery religion and Christianity in the port of Rome.* Chicago: Northwestern University Press, 1967. 116 s.
10. *Turcan R. A. Mithra et le mithriacisme.* Paris: Les belles lettres, 1993. 191 s.
11. *Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae.* V. I. Haga: Martinus Nijhoff, 1956. 366 s.
12. *Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae.* V. II. Haga: Martinus Nijhoff, 1960. 448 s.
13. *Vermaseren M. J. Mithriaca II. The Mithreum at Ponza.* Leiden: E. J. Brill, 1974. 38 s.

A. Yu. Chelnokova

Microstickies Monuments and the Iconography of the Cult of Mithras in Roman Empire

The article deals with the archaeological material on the cult of Mithras, the device of «typical mithreum», as well as iconographic monuments of Mittraism, represented mainly by reliefs, frescoes and mosaics. The information contained in the iconographic monuments is an important source for the reconstruction of mythology, cult practice and ideology of Mittraism.

Keywords: the cult of Mithras; the Roman Empire; micrium; the iconography of Mithras; microstickies stories; reliefs «Mitra – Tauroctony»; «Mitra – feasting»; the degree of initiation into the cult of Mithras.

УДК 94(4)“15/19”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.10

А. А. Болтаевский,
С. А. Агуреев

Проблемы становления колониальной системы во Французской Гвиане в середине XVIII – начале XX веков

Авторы на основе историко-генетического метода показывают сложности, с которыми столкнулись французские колонизаторы при освоении Гвианы в середине XVIII – начале XX веков. История Французской Гвианы не получила всестороннего освещения в отечественной исторической науке. Французская Гвиана является и сегодня единственной территорией, принадлежащей Франции в Южной Америке.

Ключевые слова: Французская Гвиана; колониальная политика; история Франции.

На страницах своей фундаментальной работы «Что такое Франция?» Ф. Бродель высказывает сожаление о том, что его страна осталась сухопутной державой. И действительно, Франция, имеющая выходы к Атлантическому океану и к Средиземному морю, так и не смогла составить реальную конкуренцию таким великим мореходным державам, какими в разные годы были Венеция и Генуя, Испания и Португалия и, конечно, владычица морей Британия. Разумеется, А. де Турвиль, Р. Сюркуф, Р. Дюгет-Труэн и другие известные мореходы и корсары внесли свой посильный вклад в победы над противником, однако это были не стратегические, а тактические успехи. В конечном итоге прав был современник, написавший в 1761 году: «Франция никогда не будет могучей державой, вызывающей страх и уважение у соседей, если только она не станет владычицей морей, и... на этой водной равнине армия в двадцать тысяч человек снискала бы ей больше чести и выгоды, нежели двухсоттысячная армия на суше. Одним словом... кто владеет морем, тот владеет всем миром» [1: с. 289].

Возможно, именно упадок французского военного флота в XVII веке способствовал краху Первой французской колониальной империи, которая одно время всерьез была готова включить в свою орбиту будущую жемчужину британской короны Индию. Более того, в XVII веке Франция представляла реальную угрозу для Испании, Португалии, Англии и Нового Света. Здесь уместно напомнить ставшие крылатыми слова короля-рыцаря Франциска I: «Солнце светит для меня, как и для других; я хотел бы видеть статью из завещания Адама, которая исключает меня из раздела мира». И все же эпоха Первой французской колониальной империи — это в целом время упущенных возможностей

для Версаля. И если успехи и неудачи французов восемнадцатого столетия в Канаде и Индии общеизвестны, то гораздо менее популярна настоящая катастрофа, которая постигла попытку колонизации южноамериканской Гвианы, с легкой руки пирата-рыцаря Уолтера Рэли известной в XVII–XVIII веках под именем загадочной страны Эльдорадо.

История стран Гвианского побережья (Гайана, Суринам, Французская Гвиана) стоит особняком в сравнении с другими южноамериканскими странами. Начиная с XVII века данные территории стали местом паломничества сначала английских, голландских и французских пиратов, а затем и колонистов, которые тесно взаимодействовали с поселенцами Карибских островов. Начиная с XIX века развитие плантационного земледелия вызвало приток дешевой рабочей силы (индусов, яванцев, китайцев, португальцев), что привело к формированию нехарактерных для других стран региона этнических групп. В частности, индогайанцы на сегодня являются крупнейшей этнической группой в Кооперативной Республике Гайана, выступая посредством Народной прогрессивной партии в качестве серьезной политической силы. Гайана и Суринам намного позднее испанских и португальских колоний достигли независимости (соответственно в 1966 и 1975 годах), а Французская Гвиана и сегодня является заморским департаментом Пятой республики.

Если в отечественной историографии существует ряд общих и специальных работ, посвященных Гайане и Суринаму, то Французская Гвиана известна российским читателям намного меньше (следует обратить внимание на брошюру Р. Е. Лещинера и коллективные труды сотрудников Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая) [2; 3; 5]. Фактически история Французской Гвианы получила рассмотрение лишь в нескольких работах отечественных историков, и в последние двадцать лет научные труды по этой теме практически не публиковались. В самой Франции также нельзя говорить о том, что ее единственная южноамериканская колония хорошо знакома массовому читателю. И это несмотря на то, что данная страна стала местом действия целого ряда французских романистов: Эжена Сю («Похождения Геркулеса Арди, или Гвиана в 1772 году»), Луи Бусеннара («Гвианские робинзоны»), Анри Шарьера («Папийон»), Поль Констан («Дочь губернатора»). Показательно в этой связи название труда французского исследователя Г. Бюро «Неизвестная Гвиана» [6]. А в 2016 году Canal+ презентовал сериал «Гвиана», в котором описываются приключения молодого геолога, отправленного в наказание за плохую учебу на стажировку в эту далекую страну. Джунгли, экзотические флора и фауна, туземцы, золотоискатели — на этом фоне проходят приключения молодого француза, роль которого исполняет Стани Коппет, уже известный по съемкам в фильмах на тему Гвианы и Южной Америки («Чистая жизнь»). Стала легендой и история самого известного заключенного Французской Гвианы Анри Шарьера по прозвищу Мотылек, совершившего побег с каторги и оставившего интереснейшие воспоминания, принесшие ему мировую известность и немалое состояние.

История освоения французами Гвианы отличается сложностью и противоречивостью в описаниях этого процесса. Как пишет очевидец, «само имя Кайенны рождает только зловещие идеи и воспоминания о бедствиях; это имя заранее отвергало, без обсуждений, все возможные проекты» [20: р. IV]. Ему вторит знаменитый французский географ XIX века Элизе Реклю, который в своем фундаментальном труде «Земля и люди» указывает, что «пример Гвианы обыкновенно приводят для доказательства неспособности французов к колонизации» [4: с. 56].

Первоначально основное внимание в Новом Свете французы уделяли Северной Америке, где большими усилиями удерживали Канаду. Известно скептическое отношение к Канаде многих французских просветителей XVIII века, в том числе Вольтера, назвавшего ее как-то лишь «несколькими арпанами снега». Примечательно, что великий философ всегда противопоставлял Канаду, страну, населенную «варварами, медведями и бобрами» [21: р. 409] тем французским колониям в Новом Свете, которые располагались намного ближе к тропикам и экватору. Так, до нас дошли следующие его восторженные строчки в письме графу Ш.-А. д'Аржанталю: «Если бы я был молодым, если бы я был здоров, если бы я не построил Ферни, я бы поехал в Луизиану» [22: р. 48]. Памятны и строки Вольтера о Гвиане, считавшего, впрочем, что Флорида превосходила ее, и сожалевшего о тех религиозных войнах, которые во второй половине XVI века не позволили французам оспаривать эту страну у испанцев [22: р. 49].

Английские и французские мореплаватели в течение всего XVI века занимались не более чем эпизодической торговлей с проживавшими на побережье Гвианы индейцами. В течение следующих двух столетий французы с разной степенью успеха пытались колонизировать Гвиану. Капитан де Равадьер, Пуссет де Бретиньи, Лефебр де ля Бар — вот далеко не полный перечень тех лиц, усилия которых по созданию поселений в этой стране, оказались не реализованными вследствие набегов индейцев, голода и болезней, а также периодических нападений со стороны англичан, голландцев и португальцев. Особенно катастрофичной по своим последствиям стала попытка основать колонию в устье реки Куру.

Семилетняя война фактически ознаменовала крах первой французской колониальной империи: согласно Парижскому мирному договору французы потеряли Канаду, Луизиану, Сенегал, а также фактически утратили претензии на политическое господство в Индийском регионе. Именно в этот момент в Версале было принято решение направить взоры на Гвиану, предложив проект ее масштабной колонизации, который должен был положить начало новой волне французской колониальной экспансии.

Основная цель плана Э. Ф. де Шуазеля заключалась в том, чтобы многочисленное население новой колонии стало надежной защитой для Антильских островов, в том случае если бы они подверглись нападению. Более того, согласно

проекту для переселения в Куру направлялось 14 тыс. человек, цифра достаточно внушительная для того времени, когда население Нью-Йорка едва достигала такого же показателя [9: р. 143].

С мая 1763 года по апрель 1765 года из Бордо, Гавра, Марселя и Рошфора отправилось 63 корабля в Гвиану, при этом первый конвой прибыл в Южную Америку в июле 1763 года, последний — в июне 1765 года. Как пишет Ж. Мишель, «в Гвиану была направлена масса эмигрантов, 2/5 из которых были младше 18 лет, которые подвергались невероятным мучениям в дороге, а по прибытии столкнулись с заразами и болезнями» [17: р. 155].

Из 14 тыс. прибывших колонистов к началу 1765 года погибли 11 тыс. человек, 2 тыс. возвратились в Европу. Э. Реверт возлагает ответственность за это, прежде всего, на желтую лихорадку [18: р. 198]. Однако не меньше сказалась плохая организация экспедиции, случайный подбор будущих колонистов, многие из которых, между прочим, были немцами, приток которых во Францию в те годы был настолько высоким, что Версаль решил избавиться от них, направив в Новый Свет. Снабжение колонистов также оставляло желать лучшего, доходя в ряде случаев до абсурда: в страну, где отсутствует лед, французские торговцы поставляли коньки! [7: р. 528]. О том, как виделась колонизация Гвианы из Парижа наглядно свидетельствуют полотна, хранящиеся сегодня в Музее Аквитании в Бордо. Как отмечает М. Годфруа, на этих картинах запечатлены поселенцы в европейской одежде, а природа не имеет ничего общего с пышной растительностью экваториальных стран [8].

Крах экспедиции в Куру на долгие десятилетия превратил Гвиану в сознании не только французов, но и вообще европейцев в некое исчадие ада. Так, барон П.-В. Малуэ, в 1776–1779 годах отвечавший за колонизацию этой страны, а после Реставрации занявший пост морского министра, писал: «Нет для европейца более необычного мира, чем этот континент. Совершенно в других формах и пропорциях он находит четвероногих, растения, птиц, насекомых. Как правило, четвероногие более слабые, а растения более крепкие, чем обычно; огромные рептилии, разнообразные насекомые и ужасающее плодородие» [15: р. 18]. Положение усугубило превращение колонии в «сухую гильотину», место ссылки уголовных и политических преступников, при этом среди последних были как левые термидорианцы Билло-Варенн и Коло д'Эрбуа, так и генерал Ш. Пишегрю, а также ряд участников революции 1848 года и знаменитый Альфред Дрейфус, борьба вокруг которого расколола французское общество на рубеже XIX–XX веков. В конце XIX века французский исследователь Ж. Левейе справедливо писал, что «Гвиана была и еще долгое время будет самой неудачной нашей колонией» [13: р. 51].

Как пишет французский исследователь Г. Бюро, двумя главными проблемами Гвианы были «легенды об ужасном климате и каторга, ставшие причиной застоя страны» [6: р. 156]. Ситуация несколько поменялась в годы Французской буржуазной революции, когда мулаты и метисы были уравнены в правах

с белыми колонистами. Однако практика обращения местного населения продолжалась до середины XIX века.

Распад Французской колониальной империи усилил внимание Парижа к Гвиане. На высшем уровне ставились задачи процветания заморского департамента (данный статус Гвиана получила с 1946 года), зачастую носившие утопический характер. Так, высказывались идеи о развитии в колонии туристической отрасли: и это в месте, где фактически отсутствуют пляжи и почти нет архитектурно-исторических достопримечательностей. Только бескрайние девственные леса могли поразить воображение туриста («какие воспоминания доставят ему самолет, привозящий к сердцу леса и каноэ, лениво ударяющееся о берег» [14: р. 172]), но сильная удаленность от Европы вряд ли могла привлечь толпы путешественников.

И сейчас, спустя пять столетий после открытия европейцами, большая часть территории Гвианы отличается слабой хозяйственной освоенностью. Ситуация не слишком изменилась с начала 1960-х годов, когда французский специалист писал: «Вся территория полностью покрыта экваториальным лесом: непрерывный и плотный лес, протяженностью несколько сотен километров и лишенный селений, дорог и даже каких-либо следов человека». Он же отмечает, что «даже по дороге трудно сделать больше 15–20 км в день, а в безлюдном лесу нельзя продвинуться больше чем на 5–6 км в день, все время взмахивая ножом, как на охоте». [10: р. 6, 7].

Сегодня настоящим локомотивом экономики Гвианы выступает построенный в 1960-е годы по инициативе Ш. де Голля космодром Куру (космическая деятельность обеспечивает занятость 16 % экономически активного населения). Примечательно, что место, ставшее катастрофой для Франции в 1760-е годы, спустя два столетия превратилось в «ворота в космос, без которых напрасны надежды сохранить глобальное влияние в сфере науки, культуры и обороны» [17: р. 164].

Важно заметить, что находящаяся в 7 тыс. км от Парижа Гвиана является единственной территорией Евросоюза, которая граничит со странами Латинской Америки. Это во многом обуславливает миграцию из соседних Суринама и Бразилии, а также Гаити: треть населения современной Гвианы являются иностранными гражданами. При этом число безработных достигает 23 % (против средней цифры 9,4 % по Франции), а 4/5 рабочих мест относятся к третичному сектору (администрация, образование, здравоохранение, социальная работа) [19].

В настоящее время Гвиана остается своеобразным уголком Франции в Южной Америке. Социально-экономические трудности в последние десятилетия неоднократно приводили к различным выступлениям в 1957 и 1961 годах, всеобщей забастовке в августе 1970 года, в которой участвовало 95 % трудящегося населения страны; всем памятны и массовые волнения весной 2017 года, по итогам которых Париж согласился выделить своему заморскому департа-

менту свыше 2 млрд евро. Среди гвианцев, как и полвека назад, по-прежнему распространено мнение о том, что «правительство не слышит голос Гвианы» [16], а в Париже сравнивают заморский департамент не иначе как с пороховой бочкой [12].

Однако разговоры о независимости носят ограниченный характер, а населению Гвианы гораздо выгоднее пребывать в статусе заморского департамента, формально относясь к территории Евросоюза, чем строить с нуля и фактически без финансовых дотаций свой суверенитет. Тем более что для Парижа потеря Гвианы с ее космодромом стала бы настоящей геополитической катастрофой.

Литература

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и время. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
2. Гвиана / отв. ред. И. Р. Григулевич. М.: Наука, 1969. 247 с.
3. *Лецинер Р. Е.* Французская Гвиана. М.: Географгиз, 1960. 78 с.
4. *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая история. Т. XIX. Бассейны рек Амазонки и Ла-Платы. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1896. 604 с.
5. Этнические процессы в странах Южной Америки / отв. ред. И. Ф. Хорошаева, Э. Л. Нитобург. М.: Наука, 1981. 534 с.
6. *Bureau G.* Guyana meconnu. Paris: Fasquelle editeurs, 1935. 170 p.
7. *Cochet A.* De la colonization de la Guyane Francaise // *Revue de deux monde.* 1845. V. 11. P. 519–553.
8. *Godfroy M.* Kourou, le reve americain de Choiseul // *L'histoire par l'image* [Электронный ресурс] // <https://www.histoire-image.org/fr/etudes/kourou-reve-americain-choiseul> (дата обращения: 02.01.2019).
9. *Greene E. B., Harrington V. D.* American Population before the Federal Census of 1790. New York: Columbia University Press, 1932. 228 p.
10. *Hurault J.* Les noirs refuges boni de la Guyane Francaise. Dakar: Institut francais d'Afrique Noire, 1961. 362 p.
11. *Larue I.-E.* Histoire du dix-huit fructidor: la déportation des députés à la Guyane: leur évasion et leur retour en France. Paris: Plon, Nourrit, 1895. 174 p.
12. La perte de la Guyane serait un désastre stratégique et géopolitique pour la France // *Le Figaro.* 2017. 28 mars.
13. *Leveille J.* La Guyane et la question penitentiaire coloniale (forcats et recidivistes). Paris: Armand Colin et C-ie, 1886. 52 p.
14. *Lombares M.* L'avenir economique de la France d'Amerique // *Revue historique de l'armee.* 1963. № 1. P. 167–172.
15. *Maluet P.-V.* Voyage dans les forets de la Guyana. Paris: Gustave Sambre, 1853. 128 p.
16. *Marot L.* La Guyane paralysée par les mouvements sociaux // *Le Monde.* 2017. 27 mars.
17. *Michel J.* La Guyane sous l'ancien regime. Paris L'Harmattan, 1989. 177 p.
18. *Revert E.* La France d'Amerique. Paris, 1955. 255 p.
19. *Schneider F.* Cinq chiffres pour comprendre la colere en Guyane // *La Croix.* 2017. 28.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Cinq-chiffres-pour-comprendre-colere-Guyane-2017-03-28-1200835470> (дата обращения: 17.11.2018).

20. *Ternaux-Compans, H.* Notice historique sur la Guyane française. Paris: Chez Firmin Didot Freres, Libraires, 1843. 192 p.
21. *Voltaire* Ouvres complètes. Nouvelle édition: 50 vols. V. 12. Paris: Garnier, 1878. 604 p.
22. *Voltaire* Ouvres complètes. Nouvelle édition: 50 vols. V. 41. Paris: Garnier, 1878. 596 p.

Literatura

1. *Brodel' F.* Chto takoe Franciya? Kn. 1. Prostranstvo i vremya. M.: Izd-vo im. Sa-bashnikovyx, 1994. 405 s.
2. *Gviana* / otv. red. I. R. Grigulevich. M.: Nauka, 1969. 247 s.
3. *Leshhiner R. E.* Francuzskaya Gviana. M.: Geografiz, 1960. 78 s.
4. *Reklyu E'.* Zemlya i lyudi. Vseobshhaya istoriya. T. XIX. Bassejny rek Amazonki i La-Platy. SPb.: Izdanie kartograficheskogo zavedeniya A. Il'ina, 1896. 604 s.
5. E'tnicheskie processy v stranax Yuzhnoj Ameriki / otv. red. I. F. Xoroshayeva, E'. L. Nitoburg. M.: Nauka, 1981. 534 s.
6. *Bureau G.* Guyana meconnu. Paris: Fasquelle editeurs, 1935. 170 p.
7. *Cochet A.* De la colonization de la Guyane Française // *Revue de deux monde.* 1845. V. 11. P. 519–553.
8. *Godfroy M.* Kourou, le reve americain de Choiseul // L'histoire par l'image [E'lektronnyj resurs] // <https://www.histoire-image.org/fr/etudes/kourou-reve-americain-choiseul> (data obrashheniya: 02.01.2019).
9. *Greene E. B., Harrington V. D.* American Population before the Federal Census of 1790. New York: Columbia University Press, 1932. 228 p.
10. *Hurault J.* Les noirs refuges boni de la Guyane Française. Dakar: Institut francais d'Afrique Noire, 1961. 362 p.
11. *Larue I.-E.* Histoire du dix-huit fructidor: la déportation des députés à la Guyane: leur évacion et leur retour en France. Paris: Plon, Nourrit, 1895. 174 p.
12. La perte de la Guyane serait un désastre stratégique et géopolitique pour la France // *Le Figaro.* 2017. 28 mars.
13. *Leveille J.* La Guyane et la question penitentiaire coloniale (forcats et recidivistes). Paris: Armand Colin et C-ie, 1886. 52 p.
14. *Lombares M.* L'avenir économique de la France d'Amerique // *Revue historique de l'armee.* 1963. № 1. P. 167–172.
15. *Maluet P.-V.* Voyage dans les forets de la Guyana. Paris: Gustave Sambre, 1853. 128 p.
16. *Marot L.* La Guyane paralysée par les mouvements sociaux // *Le Monde.* 2017. 27 mars.
17. *Michel J.* La Guyane sous l'ancien regime. Paris L'Harmattan, 1989. 177 p.
18. *Revert E.* La France d'Amerique. Paris, 1955. 255 p.
19. *Schneider F.* Cinq chiffres pour comprendre la colere en Guyane // *La Croix.* 2017. 28.03.2017 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Cinq-chiffres-pour-comprendre-colere-Guyane-2017-03-28-1200835470> (data obrashheniya: 17.11.2018).
20. *Ternaux-Compans, H.* Notice historique sur la Guyane française. Paris: Chez Firmin Didot Freres, Libraires, 1843. 192 p.
21. *Voltaire* Ouvres complètes. Nouvelle édition: 50 vols. V. 12. Paris: Garnier, 1878. 604 p.

22. Voltaire Ouvres complètes. Nouvelle édition: 50 vols. V. 41. Paris: Garnier, 1878. 596 p.

A. A. Boltaevsky, S. A. Agureev

**The Problems of Formation of the Colonial System in the French Guiana
in the Middle of XVIII – Early XX Centuries**

The authors on the basis of historical and genetic method show the difficulties faced by the French colonizers in the development of Guiana in the middle of XVIII – early XX centuries. The history of French Guiana has not received comprehensive coverage in the national historical science. French Guiana is today the only territory owned by France in South America.

Keywords: The French Guiana; the colonial policy; the history of France.

УДК 94(4)“1918/...”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.11

И. Г. Жиряков

Из истории советской пропаганды в Австрии в 1945–1955 годах: документы и размышления

В статье дается краткий экскурс в историю советской пропаганды в Австрии в 1945–1955 годах. Излагается новый подход в анализе целевых установок и основных направлений в пропагандистско-агитационной деятельности партийно-государственного руководства СССР и советских оккупационных властей во Второй Австрийской республике в годы ее возрождения и становления.

Ключевые слова: Вторая Австрийская республика; австрийский вопрос; пропаганда; агитация; внешнеполитическая концепция СССР; мирное сосуществование; «советизация»; Советская часть Союзнической комиссии в Австрии (СЧ СКА); политика постоянного нейтралитета.

В следующем году Австрия отметит 75-летие окончания Второй мировой войны и образование Второй Австрийской республики. Как правило, к юбилейным датам в австрийских изданиях появляются статьи, в которых затрагиваются некоторые темы пребывания и деятельности советских оккупационных властей; некоторые из этих публикаций носят взвешенный характер, другие — содержат измышления откровенно антисоветского, а теперь и антироссийского содержания. В связи с этим есть необходимость коснуться острой и обсуждаемой в австрийских политических и исторических кругах проблемы, связанной с советской пропагандой в Австрии, опираясь прежде всего на документальные источники.

Специалисты под термином «пропаганда» понимают «целенаправленное и политически мотивированное убеждающее воздействие на сознание отдельных людей и общественных групп с целью формирования их поведения в желательном направлении» [5: с. 18–19]. Средством пропаганды является агитация.

Пропаганда и агитация не являются самостоятельным феноменом; они неразрывно связаны с политикой. В данном случае речь должна идти о политическом курсе, или о сознательно выработанной политической стратегии Советского Союза в отношении Австрии, освобожденной союзниками весной 1945 года.

Среди зарубежных и российских историков не угасает интерес к определению целей советской политики в Австрии. По мнению большинства австрийских исследователей, советское руководство пыталось «советизировать»

Австрию. Среди современных российских исследователей есть немало сторонников австрийской точки зрения, пишущих о том, что СССР рассчитывал на то, что в Австрии удастся осуществить модель народной демократии [8: с. 8], или, более того, утверждающих, что «советское правительство делало все для большевизации Австрии» [1: с. 261], стремилось «помочь Австрии встать на путь коммунистического строительства» [4].

Придерживаясь этого «нового прочтения» истории советской политики в Австрии, некоторые авторы публикаций в освещении советской пропаганды вольно или невольно подбирают факты, говорящие якобы о действиях партийного и государственного руководства СССР, советских оккупационных властей по насаждению коммунистической идеологии среди австрийского населения.

По нашему мнению, советское руководство при всей критике его действий в Австрии, учитывая геостратегическое положение страны в Европе, направляло значительные политические усилия на создание такого австрийского государства, которое должно было быть исключено из военно-политических планов Запада, нацеленных против СССР, и дружественно относящегося к нашей стране.

Все это в целом укладывалось тогда в формирующуюся внешнеполитическую концепцию СССР о мирном сосуществовании государств не только с разным общественным строем, но с разным политическим и экономическим весом в Европе и мире. Исходя из этой установки и выстраивалась советская пропаганда в Австрии, хотя и не обошлось в ней, используя термины большевистской лексики, без перегибов.

Напомним, что, в соответствии с Соглашением о контрольном механизме, подписанном 4 июля 1945 года, СССР, Великобритания и Франция создали Союзническую комиссию (СКА) [8: с. 52–58]. Советский Союз, имевший свою зону оккупации на северо-востоке Австрии, организует работу Советской части СКА (СЧ СКА) [6: с. 82–90]. В ее состав входил политический отдел, курировавший вопросы пропаганды [3: с. 274–278]. Пропагандистские и агитационные обязанности были также возложены на Политическое управление Красной армии (ПУРККА), Совинформбюро. Безусловно, всю пропагандистскую работу за рубежом направляли соответствующие подразделения ЦК ВКП (б).

Рассматривая советскую пропаганду в Австрии после введения оккупационного режима, необходимо подчеркнуть, что она разворачивалась в русле начавшейся холодной войны между бывшими союзниками в Европе и мире. Австрийский историк Вольфганг Мюллер считает, что холодная война началась в Австрии [12].

Вскоре после освобождения Австрии заместитель начальника Совинформбюро А. Лозовский направил в ЦК ВКП (б) и НКВД СССР докладную записку, в которой информировал высшее советское руководство о кампании союзников по дискредитации Красной армии. «Каждый факт недисциплинированности бойцов Красной Армии в оккупированных странах раздувается и злобно комментируется на тысячу ладов, — отмечал А. Лозовский. — Так как о поведении

английских, американских и французских войск в оккупированных зонах ничего не сообщается в печати, то получается такое впечатление, что войска Англии, США и Франции ведут себя примерно. Политический смысл этой кампании ясен — надо подорвать огромный престиж Красной Армии и возложить ответственность за все, что происходит в оккупированных странах, на Советский Союз. Мы до сих пор никакой контрkamпании не ведем. Враги Советского Союза пользуются нашей пассивностью и продолжают гнусную кампанию против нашей Красной Армии» [6: с. 106]. Кстати, антисоветская пропаганда в зонах союзников не прекращалась никогда за время нахождения оккупационных войск США и Великобритании [3: с. 468].

Союзники спустя короткое время больше не рассматривались австрийцами как освободители, а, прежде всего, как оккупанты, особенно русские, которые вскоре потеряли свой «бонус освободителя» из-за многочисленных нападений на гражданское население, отмечается сегодняшними австрийскими аналитиками в публикации на сайте Mein-oesterreich.info [11].

Действительно, проблемой для советских оккупационных властей были случаи мародерства, грабежей и изнасилований не только среди дезертиров из Красной армии (оказывается, таковые были на завершающем, победоносном этапе войны [3: с. 134, 146]), но главным образом среди военнослужащих как рядового, так и офицерского состава [3: с. 134, 146, 206, 300, 410]. При этом следует особо подчеркнуть, что, во-первых, указанные преступные деяния совершались в основном в первое время установления оккупационного режима; во-вторых, они жестко пресекались советским командованием и соответствующими оккупационными органами. Это признают и нынешние австрийские историки [13: s. 769]. Но так или иначе противоправные действия некоторых военнослужащих Красной армии предопределили трудности советской пропаганды.

В пропаганде ВКП (б) как внутри страны, так и за рубежом вначале был сделан упор на создание позитивного образа СССР, его миролюбивую внешнюю политику, а также на историко-патриотическую тематику. Выступая с лекцией «О значении изучения курса истории партии» в ВПШ при ЦК ВКП (б) 12 мая 1945 года, видный идеолог партии П. Н. Пospelов «корни победы» усмотрел «в глубокой истории нашей героической партии» [7: с. 313–314].

Со временем ситуация меняется. В апреле 1946 года А. А. Жданов и Г. Ф. Александров подготовили «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропработой и по укреплению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП (б)», в которых рекомендовалось усилить классово-партийную составляющую пропаганды [7: с. 181–193]. Исторические образцы патриотизма и общепатриотический дискурс стали малоприменимы в условиях развертывающейся холодной войны. Эти предложения сказались, конечно, на содержании советской пропаганды в освобожденных странах.

Однако в Австрии усиление этой «классово-партийной составляющей» советской пропаганды не проявлялось, что в целом говорит о понимании властями

СССР политической ситуации в этой стране. Острые идеологические вопросы в противостоянии социализма и капитализма советские пропагандисты в Австрии пытались обходить; правда, не всегда это получалось. При этом усилилась пропаганда внешнеполитических инициатив и действий СССР.

В пропагандистской деятельности в Австрии советские власти опирались на австрийскую компартию, в свою очередь, КПА располагала полной поддержкой советских властей.

Активным борцом против коммунистов и ярким сторонником проамериканской внешнеполитической ориентации Австрии был министр иностранных дел Австрии Карл Грубер, представлявший Австрийскую народную партию в период нахождения на посту с сентября 1945 года по ноябрь 1953 года. В борьбе против КПА К. Грубер не гнушался ничем. В октябре 1947 года он безапелляционно заявлял, что «если бы у коммунистов была бы возможность установить свой “режим виселицы” в Австрии, жизнь лидеров других партий не стоила бы для них ни копейки» [10]. Коммунисты Австрии в долгу не оказывались, обвиняя Грубера и других своих политических и идеологических противников во многих антинациональных действиях.

На стороне КПА выступило ведущее издание ВКП (б) «Правда», на страницах которой была размещена публикация, где давалась крайне нелицеприятная оценка деятельности министра иностранных дел Австрии Грубера. Тот через несколько дней передал советской стороне (М. Е. Коптелову, видному функционеру СЧ СКА) свой ответ на эту публикацию. Этот ответ, на наш взгляд, заслуживает подробного изложения.

«Мой уважаемый г-н Коптелов, — писал австрийский министр, — несколько недель тому назад между нами состоялась беседа по вопросу прессы в Австрии. При этом Вы жаловались, что в Австрии, якобы, так много пишут неправды о Советском Союзе, что Вам непонятно, что в государстве вообще возможна такая ложь. Вы сослались в беседе на то, что в газетах в Советском Союзе в противоположность всему этому сообщается, якобы, только правда и что ложь там нетерпима. В связи с этой беседой я имею честь обратить Ваше внимание на одну статью в “Правде” от 7 октября 1949 года под заголовком “Шпион на посту министра”. Я далек от того, чтобы подать Вам жалобу на газетное сообщение, но все-таки я считаю необходимым указать Вам на противоречие между Вашим высказанным тогда мнением и фактами». И далее министр пытался доказать, что все утверждения газеты ЦК ВКП (б) являются ложью (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1120. Л. 22–26).

Одним словом, образ врага, который рисовала советская пропаганда внутри своей страны, находил отражение и в пропаганде в Австрии.

Советская пропаганда имела различные каналы воздействия на австрийское население, среди них — радиовещание. Ему придавалось особое значение, учитывая, говоря словами А. А. Пузина, председателя Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, «активизацию реакционной пропаганды, направленной против Советского Союза и его внешней политики» [7: с. 329].

Указанный комитет помогал австрийским коллегам в решении вопросов, связанных с организацией этих радиопередач для австрийского населения. В конце мая 1951 года в Советском Союзе в целях ознакомления с опытом советского радиовещания находился Крайслер, руководитель советских радиопередач «Русский час», которые велись из Вены через радиостанцию «Раваг» под контролем отдела пропаганды Советской части СК по Австрии (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 52).

Использование газет, издаваемых при финансовой поддержке советских оккупационных властей, газет и журналов, присылаемых из Москвы, всякой иной печатной продукции занимало важное место в арсенале форм и методов советской пропаганды и агитации, направленных на формирование положительного имиджа СССР и советской власти в Австрии.

Проводились государственные праздники СССР в Австрии, организовывались парады советских войск, дислоцированных в Австрии, осуществлялись массовые общественные акции, открывались памятники и памятные доски и т. п. Все это было направлено на создание позитивного международного образа СССР в австрийской среде, на доказательство успешного восстановления советской экономики, единения народа вокруг коммунистической партии и ее вождей.

При этом некоторые австрийские и российские авторы считают необходимым непременно подчеркнуть, что демонстративно проводимые советские пропагандистские мероприятия осуществлялись строго по сценарию, регламентировались в соответствии с советской пропагандистской практикой [9: с. 176].

Командирование делегаций из Москвы для участия в международных конференциях или конгрессах, проходивших в Вене, в австрийских мероприятиях считалось одним из важных направлений пропагандистской работы СССР в Австрии.

10–11 июня 1950 года в Вене должен был состояться Австрийский конгресс сторонников мира. В связи с этим Австрийский совет мира обратился к Советскому комитету защиты мира с просьбой прислать на Конгресс советскую делегацию. Внешнеполитическая Комиссия ЦК ВКП (б) сочла возможным принять предложение Советского комитета защиты мира (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 5). Была создана делегация в составе кинорежиссера В. И. Пудовкина, секретаря Союза советских писателей А. В. Софронова, генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Н. Хренникова. Члены делегации, широко известные в стране люди, получили подготовленную соответствующими структурами директиву, в которой им предписывалось «выступить на Конгрессе с приветствием от имени Советского комитета защиты мира», а также «на митингах и собраниях, посвященных Конгрессу». Кроме того, им следовало предложить членам парламента, академикам, виднейшим деятелям искусства и культуры, руководителям общественных организаций Австрии подписать воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса

сторонников мира о запрещении атомного оружия. При этом члены советской делегации должны были «подчеркнуть важность того, чтобы в случае отказа от подписания воззвания требовались публичные объяснения причин отказа» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 13).

Директиву о необходимых действиях получила и делегация советской молодежи, направлявшаяся на лагерный сбор Союза свободной австрийской молодежи летом 1950 года. В ней подчеркивалось, что члены делегации должны были «использовать свое пребывание в Австрии для выступлений с докладами и беседами среди австрийской молодежи, рассказывать об условиях жизни, труда, учебы советской молодежи, об ее активном участии в выполнении послевоенного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, о повседневной заботе советского правительства о нашей молодежи». Делегатов обязали подчеркнуть в своих беседах, что «советская молодежь высоко ценит усилия демократической молодежи Австрии в борьбе за мир, против порабощения своей страны англо-американскими империалистами» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 21).

Культурная работа была важна не только сама по себе, но являлась также одним из важных направлений агитационно-пропагандистской деятельности советских властей в Австрии. К работе были привлечены Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Советско-австрийское общество по укреплению культурных и научных связей с Советским Союзом; с австрийской стороны — Австрийско-советское общество. Все они «строго контролировались в соответствии с классовыми и партийно-идеологическими принципами», как считают Б. Штельцль-Маркс, О. В. Павленко, А. Б. Безбородов [9: с. 176].

На мероприятия Австрийско-советского общества, особенно на месячники дружбы с СССР, направлялись делегации из Москвы. К примеру, делегация деятелей советской культуры, группа артистов и спортсменов по линии ВОКС участвовали в месячнике дружбы осенью 1951 года (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 55–57). Все члены делегации получили директивы, в которых говорилось: «По просьбе прогрессивных австрийских организаций и по согласованию с политическим представителем СССР в Австрии члены делегаций могут выступить с докладами и лекциями на собраниях австрийских трудящихся и интеллигенции, посвященных месячнику дружбы с Советским Союзом. В своих выступлениях члены делегации должны: ознакомить австрийских трудящихся и интеллигенцию с успехами Советского Союза в области экономики, науки и культуры; рассказать о мирном созидательном труде советского народа, о гигантских стройках коммунизма, о вкладе Советского Союза в дело борьбы за мир, о дружеских чувствах советского народа к австрийскому народу; подчеркнуть необходимость дальнейшего усиления борьбы за мир, широкой пропаганды решений первой сессии Всемирного Совета мира и призвать австрийский народ к активному участию в сборе подписей под Обращением

Всемирного Совета мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Делегация должна ознакомиться с деятельностью Австрийско-советского общества и по возвращении в СССР представить отчет о поездке и свои предложения по дальнейшему укреплению культурных связей между СССР и Австрией» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1119. Л. 58).

Завершая основанный в целом на опубликованных документальных источниках краткий экскурс в историю советской пропаганды в Австрии, хотелось бы, прежде всего, заметить, что документы сами по себе, как справедливо писал немецкий историк Дитрих Байрау, «не могут дать однозначного ответа на вопрос о том влиянии, которое оказывала пропаганда на жителей других стран» [2: с. 5–24]. Ведь пропагандистские усилия тех или иных властей направлены в первую очередь на то, чтобы сформировать самые простые, базовые реакции у человека: восхищение, мечту, страх, гнев, симпатии и антипатии. И полную картину психологического и эмоционального восприятия советской пропаганды в Австрии историку воссоздать, наверное, невозможно. Тем не менее некоторые обобщающие суждения о результатах этой пропаганды следует сделать.

Опубликованные и архивные документы говорят о том, что советское руководство постоянно заявляло о неудовлетворительно поставленной советской пропаганде среди австрийского населения. Ее масштабы из года в год сокращаются, в то время как англо-американская пропаганда в Австрии усиливается, как информировал министра иностранных дел СССР В. М. Молотова заместитель председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП (б) А. А. Смирнов (РГАСПИ. Ф. 82. Д. 1117. Л. 37).

По мнению некоторых современных исследователей, советская пропаганда была не очень эффективной [9: с. 177]. Другие авторы публикаций утверждают, что советская пропаганда полностью провалилась в Австрии: это действительно так, если смотреть с точки зрения желаний некоторых советских пропагандистов «оторвать Австрию от Запада», убедить австрийцев в преимуществах социалистических ценностей, демонстрируемых СССР.

Для значительной части австрийского населения англо-американская информация о деяниях сталинского режима внутри страны, противоречащих нормам международного права, затмила все попытки советской пропаганды показать СССР в выгодном свете, какие бы при этом привлекательные меры для распространения влияния в Австрии не пыталась эта пропаганда использовать.

Однако будет объективным утверждение о том, что с течением времени в результате пропаганды и действий советских властей отношение австрийцев к СССР менялось к лучшему. Автору этих строк, участнику международного форума, проведенного осенью 2015 года в Вене, и посвященного 60-летию вывода советских оккупационных войск из Австрии, приятно было слышать пожилых австрийцев, говорящих слова благодарности советским властям за то, что их страна избежала гражданской войны, за настойчивость СССР уберечь Австрию от вхождения в военно-политические блоки.

Нужно отметить главное: к середине 1950-х годов отношение австрийских правящих кругов к Советскому Союзу, его внешней политике стало достаточно позитивным. Австрия — первая развитая страна Запада, принявшая предложения СССР о мирном сосуществовании двух систем, капитализма и социализма. Произошли перемены в общественном мнении в пользу выбора страной самостоятельного внешнеполитического курса, проведения политики постоянного нейтралитета. Этим изменениям так или иначе способствовала внешнеполитическая пропаганда СССР в мире, Европе и Австрии.

Литература

1. *Ворошилов С. И.* 1945 год в Австрии: от аншлюса к демократической республике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. Вып. 1. С. 215–217.
2. *Байрау Д.* Предисловие. Слова и дела: советская пропаганда в 1944–1945 гг. // Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.): сб. докум. / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 5–16.
3. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955 гг.: документы [Die Rote Armee in Osterreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente] / под ред. С. Карнера, Б. Штельцль-Маркс, А. О. Чубарьяна. Грац; Вена; Мюнхен, 2005. 978 с.
4. *Павленко О. В.* Австрийский вопрос в холодной войне (1945–1955 гг.). URL: [https:// nauka.x-pdf.ru/...ov-pavlenko...holodnoy...1945-1955-gg...](https://nauka.x-pdf.ru/...ov-pavlenko...holodnoy...1945-1955-gg...) (дата обращения: 10.06.2019).
5. Политическая энциклопедия: в 2 т. / науч. ред. Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 1. 751 с.
6. Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.: сб. докум. / ред. и сост. Г. Бордюгов, В. Мюллер, Н. М. Неймарк, А. Суппан. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 606 с.
7. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.): сб. докум. / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 398 с.
8. СССР и Австрия на пути к Государственному договору. Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты / под общ. ред. В. И. Якунина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 455 с.
9. *Штельцль-Маркс Б., Павленко О. В., Безбородов А. Б.* Красная Армия в Австрии // Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955 гг.: статьи [Die Rote Armee in Osterreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Beitrage] / под ред. С. Карнера, Б. Штельцль-Маркс, А. О. Чубарьяна. Грац; Вена; Мюнхен, 2005. С. 5–33.
10. *Gastgeber Chr.* Die Auseinandersetzung mit dem Kommunismus URL: <https://sciencev1.orf.at/gastgeber/140839.html> (дата обращения 12.02. 2019).
11. *Mein-oesterreich.info.* URL: <https://www.mein-oesterreich.info/geschichte/besatzungszeit.htm> (дата обращения: 02.04.2019).
12. *Mueller W.* Kalter Krieg, Neutralität und politische Kultur in Österreich // APuZ (Aus Politik und Zeitgeschichte). 2009. № 1–2. URL: <https://www.bpb.de/apuz/32264/kalterkrieg-neutralitaet-und-politische-kultur-in-oesterreich?p=all> Холодная война, нейтралитет и политическая культура в Австрии // 18.12.2008 (дата обращения: 30.12.2018).
13. *Stelzl-Marx B.* Stalins Soldaten in Osterreich. Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955. Wien; München: Böhlau, Oldenburg, 2012. 769 s.

Literatura

1. Voroshilov S. I. 1945 god v Avstrii: ot anshlyusa k demokraticheskoj respublike // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2007. Seriya 2, vyp. 1. S. 215–217.
2. Bajrau D. Predislovie. Slova i dela: sovetskaya propaganda v 1944–1945 gg. // Sovetskaya propaganda na zavershayushhem e'tape vojny (1943–1945 gg.): sb. dokum. Avt.-sost. A. Ya. Livshin, I. B. Orlov. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. S. 5–16.
3. Krasnaya Armiya v Avstrii. Sovetskaya okkupaciya 1945–1955 gg.: dokumenty [Die Rote Armee in Osterreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente] / pod red. S. Karnera, B. Shtel'cl'-Marks, A. O. Chubar'yana. Grac; Vena; Myunxen, 2005. 978 s.
4. Pavlenko O. V. Avstrijskij vopros v xolodnoj vojne (1945–1955 gg.). URL: [https://nauka.x-pdf.ru...ov-pavlenko...holodnoy...1945–1955-gg...](https://nauka.x-pdf.ru...ov-pavlenko...holodnoy...1945-1955-gg...) (data obrashheniya: 10.06.2019).
5. Politicheskaya e'nciklopediya: V 2 t. T. 1. Nauch. red. G. Yu. Semigin. M.: Mysl', 1999. 751 s.
6. Sovetskaya politika v Avstrii. 1945–1955gg.: sb. dokum. / red. i sost. G. Bordyugov, V. Myuller, N. M. Nejmark, A. Suppan. M.: AIRO-XXI; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006. 606 s.
7. Sovetskaya propaganda na zavershayushhem e'tape vojny (1943–1945 gg.): sb. dokum. / sost. A. Ya. Livshin, I. B. Orlov. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. 398 s.
8. SSSR i Avstriya na puti k Gosudarstvennomu dogovoru. Stranicy dokumental'noj istorii. 1945–1955. Obrazy i teksty / pod obshh. red. V. I. Yakunina. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. 455 s.
9. Shtel'cl'-Marks B., Pavlenko O. V., Bezborodov A. B. Krasnaya Armiya v Avstrii // Krasnaya Armiya v Avstrii. Sovetskaya okkupaciya 1945–1955 gg.: stat'i [Die Rote Armee in Osterreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Beitrage] / Pod red. S, Karnera, B Shtel'cl'-Marks, A. O. Chubar'yana. Grac; Vena; Myunxen, 2005. S. 5–33.
10. Gastgeber Chr. Die Auseinandersetzung mit dem Kommunismus URL: <https://sciencev1.orf.at/gastgeber/140839.html> (data obrashheniya 12.02. 2019).
11. Mein-oesterreich.info. URL: <https://www.mein-oesterreich.info/geschichte/besatzungszeit.htm> (data obrashheniya: 02.04.2019).
12. Mueller W. Kalter Krieg, Neutralität und politische Kultur in Österreich // APuZ (Aus Politik und Zietgeschichte), 2009, № 1-2. URL: <https://www.bpb.de/apuz/32264/kalterkrieg-neutralitaet-und-politische-kultur-in-oesterreich?p=all> Xolodnaya vojna, nejtralitet i politicheskaya kul'tura v Avstrii // 18.12.2008 (data obrashheniya: 30.12.2018).
13. Stelzl-Marx B. Stalins Soldaten in Osterreich. Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955. Wien; München: Böhlau, Oldenburg, 2012. 769 s.

I. G. Zhiryakov**From the History of Soviet Propaganda in Austria in 1945–1955:
Documents and Reflections**

The article gives a brief insight into the history of Soviet propaganda in Austria in 1945–1955. It describes a new approach in the analysis of the objectives and main directions in the propaganda activities of the party and state leadership of the USSR and the Soviet occupation authorities in the Second Republic of Austria in the years of its revival and formation.

Keywords: the second Austrian Republic; the Austrian question; propaganda; agitation; foreign policy concept of the USSR; peaceful coexistence; «sovietization»; the Soviet part of the Allied Commission in Austria (SKA); the policy of permanent neutrality.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

УДК 94(47)“17/1917”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.12

Рецензия на книгу:

Т. В. Антонова. Тернии и звезды уникального русского книгоиздателя Н. П. Полякова.

Очерки о жизни и просветительской деятельности.
М.: Комкнига, 2017. 238 с.

Изучение истории через судьбы и дела конкретных людей представляется одним из наиболее продуктивных вариантов для исследователей. Очередной научный труд Т. В. Антоновой — известного специалиста по истории цензуры в пореформенной России — выдержан именно в этом ключе. Один только перечень того, что смог напечатать герой ее монографии — Николай Петрович Поляков, — показывает широту его взглядов, понимание запросов России и феноменальный организаторский и просветительский талант издателя. «Как “идейный” книгоиздатель, Н. П. Поляков бескомпромиссно и жертвенно следовал этим просветительским принципам», — справедливо пишет Т. В. Антонова (с. 2). Можно смело говорить о подвиге книгоиздателя, прошедшего даже через уничтожение тиражей так нужных России книг, не говоря уже об ожесточенном давлении цензоров. Как пишет автор, «попытка издать переводы произведений западно-европейских классиков по программе, заявленной Поляковым в 1864 году, не осуществилась из-за ожесточенного сопротивления цензурного ведомства» (с. 103). В итоге в каталоге личной библиотеки издателя появилась рубрика «Сожженные цензурой книги». И даже несмотря на это, Н. П. Полякову удавалось, по выражению Н. К. Михайловского, давать читателю «руководящую нить».

Рецензируемая монография — удивительное сочетание высокой научности и человеческого измерения судьбы Полякова, выраженное добротным русским языком, который встречается нечасто. В итоге чрезвычайно насыщенная фактическим материалом монография читается на удивление легко. Источниковая база исследования чрезвычайно разнообразна и обширна. Привлечены труды практически всех значимых мыслителей России той

эпохи (В. В. Берви-Флеровский, Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев, Н. В. Шелгунов, Н. Г. Чернышевский, А. П. Щапов и многие другие), ведущие периодические издания, мемуарная литература, архивные материалы, произведения западноевропейских классиков (Вольтер, К. Маркс, Дж. Мильтон). Автор ведет свое повествование, пересекаясь и оставаясь на связи с ведущими российскими историками (Н. А. Троицкий, И. Е. Баренбаум, Ш. М. Левин). Вдобавок ко всему монография содержит интересные иллюстрации, которые усиливают ее неформальный характер.

Особое внимание оправданно уделено тем годам, как, например, учеба в университете, когда проходило нравственное становление личности издателя, и тому кругу знакомств, который был одним из факторов этого процесса. Следует добавить, что, отслеживая движение своего героя по хронологической восходящей, автор не сводит повествование к механическому перечислению этапов, дат и событий. В монографии показано, насколько Н. П. Поляков был активным их участником. Чего стоит, например, непринятие 18-летним студентом матрикул и непризнание правомерности «Временных правил» Министра народного образования в октябре 1861 года. На этом могла закончиться ненамечавшаяся карьера, точнее, общественная деятельность, но именно на этом принципиальном поступке она и выстраивалась. К счастью, Н. П. Поляков нашел себя в издательской сфере и служении обществу.

Среди множества увидевших свет изданий на особом месте стоит «Капитал» К. Маркса, который был явно удивлен инициативой из России: «Один петербургский книгоиздатель поразил меня известием, что сейчас печатается русский перевод “Капитала”. И первой иностранной нацией, которая переводит “Капитал”, оказывается русская» (с. 165). Событие, бесспорно, грандиозное. И 170 рецензий, появившихся в 1870-е годы, — показатель востребованности «Капитала».

Монография ставит непростую и вечную проблему отношения власти и деятеля, искренне пытающегося принести максимальную пользу обществу. На тот момент, к сожалению, как пишет автор, «в официальной документации цензурного ведомства нет ни одного с признанием научной и просветительской ценности изданных им книг» (с. 221). Между тем были изданы труды таких масштабных авторов, как Ф. Лассаль, А. Кетле, К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Геккель, других мировых авторитетов в области науки. Решением Комитета министров были уничтожены некоторые изданные произведения Д. Дидро, Т. Гобса, Вольтера, Ф. Лассаля. И тем не менее, по словам П. Н. Ткачева, занимавшего под воздействием в том числе и этой литературы, пожалуй, одну из наиболее радикальных позиций в общественном движении России того времени [1: с. 48–49], благодаря деятельности таких издателей, как Н. П. Поляков, появилась возможность ознакомиться «со многими замечательными трудами многих замечательных мыслителей» [2: с. 243]. Думается, что без деятельности людей масштаба Н. П. Полякова Россия была бы другой. Несомненно

потребность в подобных книгах, позволяющих вести отсчет всему с позиций общественной пользы, знания, прогресса, уважения к личности. С полным правом Н. П. Поляков имел основание сказать о себе: «Я приношу обществу весьма существенную пользу!»

С учетом несомненных достоинств монографии (капитальной обоснованности авторских позиций, системного и полного охвата темы, общественной потребности в подобных трудах) есть все основания полагать, что она навсегда войдет в число наиболее востребованных научных трудов по истории пореформенной России.

Литература

1. Революционный заговор социалистов в России: генезис, суть, последствия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2013. № 1 (11). С. 39–49.

2. *Ткачев П. Н.* О пользе философии («Философские этюды» А. А. Козлова. Ч. 1. С.-Петербург. – «Опыт критического исследования основоначал позитивной философии» В. Лесевича. С.-Петербург, 1877) // П. Н. Ткачев. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 645 с.

Literatura

1. *Revolucionnyj zagovor socialistov v Rossii: genezis, sut', posledstviya* // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2013. № 1 (11). S. 39–49.

2. *Tkachev P. N.* O pol'ze filosofii («Filosofskie e'tyudy» A. A. Kozlova. Ch. 1. S.-Peterburg. – «Opyt kriticheskogo issledovaniya osnovonachal pozitivnoj filosofii» V. Lesevicha. S.-Peterburg, 1877) // P. N. Tkachev. Sochineniya: v 2 t. M.: Mysl', 1976. T. 2. 645 s.

В. А. Исаков

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2019, № 3 (35)**

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (stas.agureev@mail.ru).

Акунов Николай Вольфгангович — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (walker220@yandex.ru).

Болтаевский Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университет пищевых производств (boltaev83@mail.ru).

Воробьев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (svorob.hist@gmail.com).

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета (ivan1948@yandex.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета (isakov-va@yandex.ru).

Лаврентьева Мария Юрьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН (maria_lavr@mail.ru).

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета (muzafarovan@mail.ru).

Огородникова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета (olgaogor@mail.ru).

Селиванова Анна Павловна — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (anka-peskova@yandex.ru).

Фирсова Ольга Геннадиевна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета (olgafirsov@yandex.ru).

Челнокова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (allajurevna@yandex.ru).

Шеркова Татьяна Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН (sherkova@inbox.ru).

Шульгина Дарья Павловна — кандидат искусствоведения, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета (fsvids@yandex.ru).

«MCU Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2019, № 3 (35)

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Ph.D. (History), Docent, department of International relations, the Diplomatic Academy of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation (stas.agureev@mail.ru).

Akunov Nikolai Volkfngovich — postgraduate, department of History of Russia, MCU (walker220@yandex.ru).

Boltaevskiy Andrei Andreevich — Ph.D. (History), Docent, Philosophy and Socio-humanitarian disciplines department, the MSUFP (boltaev83@mail.ru).

Vorobyev Sergei Viktorovich — Ph.D. (History), senior researcher of Institute of History and Archaeology of the Ural branch of RAS (svorob.hist@gmail.com).

Zhiryakov Ivan Georgievich — Doctor of History, full professor of Modern, Contemporary History and methodology department, MGOU (ivan1948@yandex.ru).

Isakov Vladimir Alekseevich — Doctor of History, full professor of all-university History department, MCU (isakov-va@yandex.ru).

Lavrentieva Maria Yurievna — Ph.D. (History), junior staff scientist, Centre of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (maria_lavr@mail.ru).

Muzafarova Nelli Iliinichna — Doctor of History, full professor, all-university World and Russian History department, MCU (muzafarovan@mail.ru).

Ogorodnikova Olga Aleksandrovna — Ph.D. (History), Docent, all-university World and Russian History department, MCU (olgaogor@mail.ru).

Selivanova Anna Pavlovna — postgraduate, department of History of Russia, MCU (anka-peskova@yandex.ru).

Firsova Olga Gennadievna — Ph.D. (History), Docent, all-university World and Russian History department, MCU (olgafirsov@yandex.ru).

Chelnokova Alla Yurievna — Ph.D. (History), Docent, department of History of Russia, MCU (allajurevna@yandex.ru).

Sherkova Tatjana Alekseevna — Ph.D. (History), senior staff scientist, Centre of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (sherkova@inbox.ru).

Shulgina Darya (Russia, Moscow) — PhD (History of Arts), associate professor of History department, MGPU. Research interests: History of Arts, Culturology, History of Culture. (fsvids@yandex.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к заместителю главного редактора *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 3 (35), 2019

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *Ф. А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*
Редактор:
И. Е. Посоха
Корректор:
К. М. Музамилова
Техническое редактирование и верстка:
Г. П. Васильева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1
Телефон: 8-499-181-50-36
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 17.10.2019 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Бумага офсетная

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.